

В
ГЛУБЬ
ВЕКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА·1974

В сборник включены исследования последних лет по эпохе палеолита, бронзы, раннего и позднего средневековья, а также по нумизматике и палеозоологии, которые восстанавливают страницы далекого прошлого нашей республики и вводят в науку новый археологический материал.

Книга рассчитана на археологов, историков, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов, музейных работников и на всех, кто интересуется далеким прошлым Казахстана.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

К. А. АКИШЕВ

В $\frac{0162-104}{м 405(07) - 74}$ 85 — 74

© Издательство «Наука» Казахской ССР. 1974 г.

Х. А. АЛПЫСБАЕВ, Н. Н. КОСТЕНКО

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НЕКОТОРЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В настоящее время комплексный метод в определении стратиграфического расчленения четвертичных (антропогенных) отложений общепризнан. Данные археологии для него имеют не меньшее значение, чем данные биостратиграфии. В этом плане интересны находки, относимые к палеолиту, сделанные Х. А. Алпысбаевым в районе хр. Каратау.

Особенно важным событием в антропогенном (четвертичном) периоде для истории человечества было появление примитивной человекообразной обезьяны. С этого началась предыстория человека древнекаменного века.

В нашей республике известны многочисленные памятники каменного века, в основном южнее 45 параллели. Некоторые из них из-за неоднократного оледенения Центрального и Северного Казахстана с трудом поддаются определению, поэтому иногда они датируются неверно.

Для изучения остатков деятельности первобытного человека на территории Казахстана необходимы более широкие исследования. Уже первые проведенные изыскания, носившие поисково-разведочный характер, свидетельствуют о большой перспективе таких работ. Очень важным в этом вопросе является установление существования древнейшего человека в Южном Казахстане, начиная с шельфской эпохи нижнего палеолита.

На основе выявленного материала будет возможно воссоздание предыстории древнейших людей типа питекантропа и синантропа, населявших в те далекие времена земли Южного Казахстана и Средней Азии, которые тяготели к Южной Азии, Африке, где прошло детство наших предков. Необходимо иметь в виду, что большинство орудий этого времени, обнаруженных в районе хр. Каратау, тождественно находкам, сделанным в Индии, Китае, Бирме и Африке.

По данным палеолитического отряда Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, в Южном Казахстане в древности одним из наиболее заселенных районов был хребет Каратау. Когда-то эта

была всхолмленная равнина, на которой обитали слоны, гигантские верблюды, носороги, лошади и другие животные. Древнейшие люди, жившие здесь, несомненно, охотились на них. Во всяком случае находки костных остатков млекопитающих в районе хребта Каратау позволяют предполагать, что в Южном Казахстане будут найдены орудия нижнего палеолита вместе с ископаемыми остатками животных.

Согласно общепринятой в Казахстане схеме стратиграфии антропогена, предложенной Н. Н. Костенко и В. С. Бажановым (1958—1963 гг.)¹, нижняя граница антропогена совпадает с верхним плиоценом. За основу взяты биостратиграфия с учетом соответствующих данных геологии.

В этот период красноцветные осадки неогена сменяются палевыми и серыми, полностью вымирают формы гиппарионового комплекса, являющиеся современниками высших обезьян, остатки которых обнаружены с остатками гиппарионов и мастодонтов в Восточной Грузии², в сиваликских слоях Индии. Находки этого комплекса имеются в Казахстане, однако остатки высшей антропоидной обезьяны пока не выявлено, что объясняется малой изученностью района. В первой половине нижнего антропогена на юге Казахстана появляются однополая лошадь Стенона, слон, верблюд и другие млекопитающие, которые продолжают существовать до второй половины антропогена, в эпоху образования коскурганских сцементированных серых конгломератов.

В этот период здесь сложился так называемый коскурганский фаунистический комплекс (В. С. Бажанов и Н. Н. Костенко, 1958—1963). По составу форм млекопитающих он сопоставим с нижнепалеолитическим слоем пещеры в Чжоу Коу-дяне.

Палеогеографические условия этого периода нижнего антропогена, когда возникли горные массивы западных хребтов Тянь-Шаня, были благоприятны для обитания на юго-западном склоне хребта Каратау таких видов животных, как лошадь Стенона, носорог Мерка, осел, бизон, гигантский верблюд, олень и марал. Нижнепалеолитических обитателей в данный регион притягивали обширные степи с водообильными реками и теплый сухой климат. Это привлекло сюда нижнепалеолитических людей, оставивших древнейшие орудия.

Залегания, сходные по характеру с коскурганской свитой, встречаются также в верховье р. Арыстанды, вблизи пос. Буденного (64 км южнее с. Байкадам Джамбулской области). Здесь обнаружены прочно сцементированные крупно- и мелкогалечные конгломераты, которые

¹ Н. Н. Костенко и В. С. Бажанов. Принципы стратиграфии антропогена Восточного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия геол.», 1959, № 1; Н. Н. Костенко. Общая схема стратиграфии антропогена Казахстана. «Ученые записки Среднеазиатского института геологии и минерального сырья», вып. 4. Ташкент, 1960; Н. Н. Костенко Основа стратиграфии антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1963.

² Н. О. Бурчак-Абрамович и Е. Н. Габашвили. Высшая человекообразная обезьяна на верхнегретичных отложениях Восточной Грузии. «Сообщения АН ГрузССР», т. VI, № 6, 1945.

лежат с резким несогласованием на палеозойских, юрских и меловых осадках с редким включением валунов размером до 30 см. Галька в основном состоит из песчаников кокджанской свиты, хлоритизированных сланцев, светло-серых палеозойских известняков и кремнистых галек мощностью 5—10 м, которая временами уменьшалась вследствие размыва верхнего горизонта. Конгломератовые толщи в районе Арыстанды образовались в результате общего поднятия западной оконечности Тянь-Шаня — хр. Каратау. Абсолютные отметки хребта в эпоху второй половины нижнего атропогена были меньше современных на 300—1600 м.

В коскурганской свите в толще конгломератов X. Алпысбаевым были найдены кремневые отщепы очень архаичного облика. По характеру залегания и стратиграфическому положению эти конгломераты сопоставимы с коскурганской свитой Q₁.

В этом же районе имеются конгломераты, занимающие гипсометрически положение ниже 405 м, они залегают с размывом на красных глинах и конгломератах палеогена. В суглинках, которые перекрывают эти отложения, нами и С. Т. Тураповым были найдены ручное рубило, крупное рубящее орудие, которые по архаической форме и технике обработки соответствуют аналогичным орудиям из Борыказгана и Танирказгана и датируются также шельско-ашельским периодом нижнего палеолита, т. е. второй половиной нижнего антропогена (нижний плейстоцен).

К нижнечетвертичным отложениям (Q₁) должны быть отнесены осадки, содержащие коскурганский фаунистический комплекс, сопоставимый с тираспольским комплексом Восточной Европы³, и раннепалеолитические кремневые орудия труда⁴.

Нижнечетвертичные отложения имеют различный литологический состав, генезис, мощность и условия залегания. Аллювий р. Сырдарья на участке близ хр. Каратау представлен серыми и желтовато-серыми, главным образом мелкозернистыми карбонатными полимиктовыми песками с прослоями мелкозернистых песчаников и буровато-серых алевритских глин, супесей и суглинков, а на отдельных участках — песками с гравийно-галечными прослоями. Мощность этих отложений до 50—80 м.

Нижнечетвертичный аллювий Сырдарья налегает на верхнеплиоценовый аллювий, содержащий микрофауну остракод: *Limnocythere scharapova* Schweier, *L. grinfeldi* Liepin., *L. negadaevi* Popova, *L. kuschnari* Gramm., *Ilyocypris bilobata* Mand., *Ilyocypris gibba* (Ramd.), *Cyclocypris laevis* (Muller), *Candona angulata* Muller и др. (определения А. П. Савиновой).

³ В. С. Бажанов, Н. Н. Костенко. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962.

⁴ Х. А. Алпысбаев, Н. Н. Костенко. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

Нижнечетвертичный аллювий перекрывается также среднечетвертичным, представленным тоже в основном песками различной крупности зерна с прослоями суглинков, супесей, глин, гальки и гравия. Мощность аллювия колеблется в широких пределах и местами достигает 150 м. Из этих отложений А. П. Савиновой определены *Cypretta dubiosa* (Daday), *Candona rostrata* Brady et Norm., *Limnocythere sanctipatricii* Brady et Rob., *L. inopinata* (Baird.), *Ilyocypris decipiens* Masi, *I. cornae* Mand., *Candoniella subellipsoida* Scharapova и др.

От р. Сырдарьи к юго-западному подножию хр. Каратау расстилается наклонная равнина, покрытая аллювиально-пролювиальными отложениями: у реки песчано-гравийными, ближе к хребту более грубыми — гравийно-галечными, а затем галечно-валунными. Обычна примесь песчано-щебнистого материала, а с поверхности — суглинистого. Суглинки лёссовидные, многими исследователями они именуются лёссами. Соотношение разновозрастных антропогенных отложений здесь меняется в зависимости от амплитуды тектонических поднятий того или иного участка хребта. К северо-востоку от г. Туркестана, в районе колхоза Коскурган, геологическое размещение разновозрастных отложений таково: палеозойские породы хр. Каратау к юго-западу погружаются, на их пенеупленезированную поверхность резко несогласно налегают меловые отложения, перекрытые палеогеновыми. Последние, в свою очередь, несогласно перекрыты верхнеплиоценовыми отложениями, переходящими на северо-востоке на отложения мела, а затем на пенеупленезированную поверхность палеозойского фундамента. Таким образом, на данном участке юго-западного склона хр. Каратау верхнеплиоценовые отложения покрывают водораздельные пространства. Они представлены здесь палевыми известняками, иногда с редко рассеянной галькой, и мелкогалечными конгломератами с прочным карбонатным цементом. В долинах залегают отложения нижнечетвертичного возраста. При раскопках, произведенных в разное время около колхоза Коскурган, были извлечены остатки следующих животных: *Paracamelus gigas* Schlosser, *Equus caballus* cf. *mosbachensis* Reich., *E. (Asinus) hydruntinus* Regel., *Bison priscus* subsp., *Dicerorhinus merckii* Jaeg. (последний переопределен Г. Д. Хисаровой в 1963 г., ранее ею был отнесен к *Dicerorhinus etruscus*).

Геологический разрез на месте раскопок фауны снизу вверх по шурфу следующий:

Буровато-зеленые песчанистые глины с редкими желваками серого мелкозернистого известковистого песчаника. Они вскрыты на 1 м.

Песчанистые глины серые, местами черные от примеси органического вещества, с желваками серого песчаника. Мощность их 1,5 м. Основная масса костных остатков приурочена к верхней части этого горизонта.

Зеленовато-серый тонкозернистый глинистый песок с линзочками средне- и крупнозернистого кварцевого песка, мощность 2 м.

Серый плотный тонкозернистый известковистый песчаник, местами переходящий в песчаный известняк со следами от корешков растений, мощность до 1 м. В этом горизонте также встречаются костные остатки.

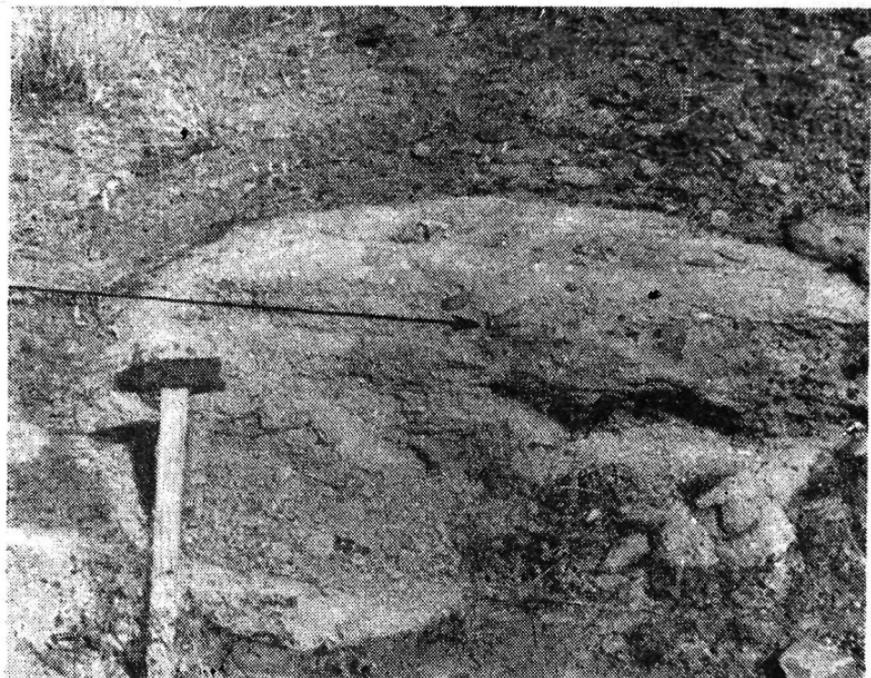

Рис. 1. Каменные орудия шельско-ашельской эпохи в толще конгломератов верхней террасы р. Арыстанды.

В соседней к востоку долине р. Чаган в составе нижнечетвертичных отложений в изобилии присутствуют галечники, местами сцементированные до рыхлых конгломератов; мощность их до 50—60 м.

Далее к юго-востоку, в бассейне р. Арыстанды, нижнечетвертичные конгломераты распространены в междуречье, где несогласно налегают на меловые, юрские и различные породы палеозоя. Конгломераты серого или буровато-серого цвета полимиктового состава представляют собой различного размера и степени окатанности гальки и валуны, достигающие 20—30 см в поперечнике. Много мелкой хорошо окатанной гальки различных кремнистых пород, перетолженной из верхнемеловых конгломератов. Среди гальки встречаются кремневые орудия, принадлежащие, по определению Х. А. Алпысбаева, к шельско-ашельской индустрии, что позволяет считать эти конгломераты нижнечетвертичными (рис. 1).

Под названием Токалы объединены три стоянки, обнаруженные южнее и юго-западнее родника Токалыбулак, вытекающего из трещин известняковых песчаников в 4—5 км к западу от р. Коктал, берущей начало у северо-восточного склона хр. Каратау и впадающей в оз. Ащи-

Рис. 2. Каменные изделия, обнаруженные на плоской вершине Токалы.

коль, в 29 км на северо-востоке, близ с. Акколь Таласского района Джамбулской области. Возле родника и юго-западнее его имеются небольшие сопки. Их абсолютные отметки укладываются в пределах 250—452 м. Верхние слои сопки сложены маломощным суглинистым сероземом, относимым к Ag_2 . Поверхность рельефа представляет собой в южной части гривовый мелкопочечник, переходящий постепенно к северо-востоку в кустовый, а далее — в слабо всхолмленную денудационную равнину. Отдельные сопки имеют плоские вершины, на поверхности которых обнаружены так называемые нижнепалеолитические изделия Токалинских стоянок. Изделия были сконцентрированы в местах с одинаковыми условиями. Собранные орудия примитивны и по форме однотипны, хотя найдены на расстоянии 2—3 км друг от друга. Большинство изделий происходит из местных пород черных и серовато-черных пород (рис. 2).

Н. В. Седов, Ю. А. Алехин и другие геологи считают эти сопки обрывками древнеаллювиально-аккумулятивной равнины, возникшими до нижнего антропогена.

В современных условиях решающее значение имеют экзогенные факторы разрушения — выветривание, эрозия и дефляция. Процессу

разрушения длительно подвергались и каменные орудия из нижнепалеолитических стоянок; более стойкие породы оказались вскрытыми этими позднейшими процессами. Переотложения их на поверхности плоских вершин не могло произойти, в результате нижнепалеолитические изделия остались лежать на месте первоначального изготовления и на местах стоянок. Мы пришли к такому заключению, что данные сопки образовались до антропогена, а верхние рыхлые слои — в конце нижнего антропогена или в начале среднего антропогена, когда были принесены изделия нижнего палеолита. Можно предположить, что ашельско-мустьерские люди жили на высоких холмах, на древнем берегу р. Прококтала, русло которой, вероятно, изменилось вследствие новейшего поднятия. Указанные стоянки вызывают интерес в связи с вопросом выделения коскурганского комплекса и пережиточными формами казахстанского варианта хазарского комплекса. Эти стоянки, возможно, соответствуют боролдайской свите, о чем свидетельствуют аллювиальные накопления, слагающие третью надпойменную террасу р. Коктал, где нами были заложены разведочные шурфы.

Профиль шурфа представлен следующими образованиями (сверху вниз):

- 1) 0,00—0,25 м дерновый горизонт;
- 2) 0,25—0,95 м желтовато-серые суглинки с включением галек;
- 3) 0,95—1,45 м желтовато-серые суглинки, переходящие в супеси по следам окиси железа;
- 4) 1,45—2 м галечники, глубже идет песок с примесью мелкозернистого песчаника.

Третья надпойменная терраса состоит из желтовато-серых суглинков и супеси, под которыми залегают галечники, иногда сцементированные карбонатом. Особо следует подчеркнуть, что данную террасу в долине р. Коктал нельзя проследить от начала до конца, ибо она наблюдается частями. Она, возможно, соответствует боролдайской свите среднего антропогена (среднего плейстоцена).

Для процесса отложения среднего антропогена у р. Арыстанды характерны суглинки, галечники и конгломераты, расположенные на различных гипсометрических высотах. Они залегают на красноцветных глинах мела или эродированной поверхности палеозойских пород. Высота третьей надпойменной террасы от уреза воды 7—21 м, терраса сложена суглинками аллювиального происхождения, которые в основании сменяются галечниками, а иногда и конгломератами. Третья надпойменная терраса, как и четвертая, входит в верхний комплекс террас, в которых верхний слой так называемых желтых суглинков подстилается галечниками и конгломератами. В аллювии третьей надпойменной террасы одним из авторов работы еще в августе 1958 г. была открыта трехслойная палеолитическая стоянка, названная именем Валиханова (Жарасу). Стоянка захоронена на глубине 2,70—6 м в толще светло-желтых лёссовидных суглинков. В целях проверки границ распространения культурного слоя в 1959 г. в 15 м севернее от

стоянки были заложены три глубоких шурфа, доведенные до местонахождения первых палеолитических находок со следами кострищ.

Разрез шурфа Б: 0,00—0,25 м дерновый слой; 0,25—2,00 м светло-желтые суглинки, слегка пористые; 2,00—2,70 м светло-желтые суглинки с включением карбонатных солей и начало культурного

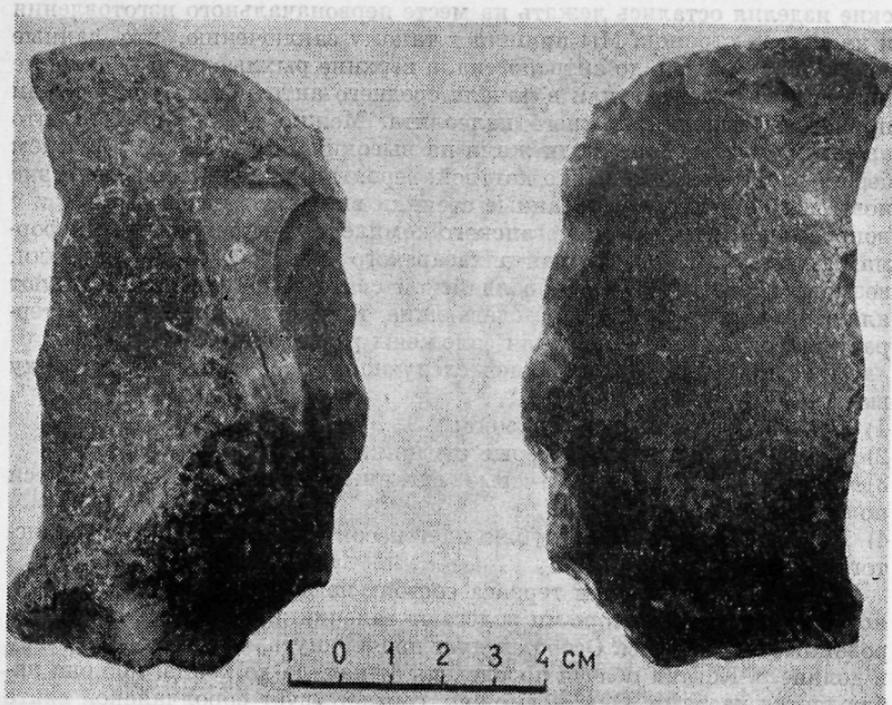

Рис. 3. Отщеп из толщи конгломератов р. Арыстанды.

слоя; 2,70—5,44 м светло-желтые суглинки, переходящие в темные цвета с включением карбонатных солей в виде белесых пятен; 5,44—6,25 м светло-бурые суглинки, переходящие в супесь с включением мелкого песка; 6,25—6,70 м желтовато-серая супесь; 6,70—7,0 м желтовато-серая супесь с конкрециями, глубже расположен мелкий песок, культурный слой отсутствует.

Для стратиграфии аллювиальных отложений террас р. Арыстанды характерно вложение их в четвертую надпойменную террасу р. Арыстанды, наиболее высокую и сложенную буроватыми конгломератами и глинистым цементом. На ее поверхности обнаружены кремневые палеолитические изделия со следами окатанности и без них, они иногда выпадают из близко лежащих сцементированных конгломератов (рис. 3).

Из находок, собранных на стоянке Валиханова, изучаются двусторонне рубящие орудия, скребки, скребла, остроконечники, дисковидные нуклеусы и отбросы производства (всего 14 750 шт.). Суглинки этой стоянки, относящиеся к мустьерской эпохе, оказались насыщенными флористическими остатками в виде полыни, эфедры и других форм, характерных для степной и полупустынной растительности, с присутствием таких представителей древесных пород, как дуб, орех, яблоня и др. Из костей животных на стоянке найдены и определены кости лошади Таубах, бизона, оленя, сайги. Костный материал подтверждает степной кустарниково-луговой тип южной части Казахстана. Перечисленные палеолитические изделия и флористические остатки позволяют предположить, что в эпоху накопления среднеантропогенных лёссовидных суглинков третьей надпойменной террасы бассейна р. Арыстанды характеризовался открытым ландшафтом со степной растительностью. Это дает возможность датировать данную стоянку мустьерским периодом среднего палеолита, а аллювий суглинка террасы отнести к среднему антропогену.

Для этой стоянки особое значение имеет находка черепа оленя *Cervus elaphus*, обнаруженного нами в 300 м от слияния р. Арыстанды с р. Усыктас, в 15 км к югу от фермы Карасу, на глубине 4 м от поверхности третьей надпойменной террасы р. Арыстанды, в линзе мелкой гальки, перекрытой светло-желтыми суглинками. Здесь высота третьей надпойменной террасы от уреза воды достигает 15 м. Через оленя попал сюда в период образования аллювия суглинка террасы. Особый интерес представляют нижнепалеолитические изделия, обнаруженные в различных условиях по р. Арыстанды близ с. Карасу. Некоторые из них с признаками более древнего происхождения.

В 1940 г. во время геологических исследований юго-западной части хр. Боролдайтая, у подножия гор Улькентура (высота 1423 м), являющихся крайней юго-западной грядой Каратау (70—75 км севернее г. Чимкента), в урочище Теректы, на светло-желтых или желтовато-белых пористых плотных известняках и известняковых туфах геологом Л. И. Боровиковым были зафиксированы отпечатки листьев дуба *Quercus robur* (определение А. Н. Криштофовича)⁵. Вследствие этого отпадают сомнения в среднеантропогенном возрасте стоянки Валиханова. В этом же районе найдены на высоких восточных и западных берегах, на уровне третьей и четвертой надпойменной террас р. Бурылтай (Боролдай), на высоте 12, 15, 30, 100 м от уреза воды более древние изделия⁶. Данный район, по-видимому, перспективен в изучении антропогенных отложений, о чем свидетельствуют флористические остатки антропогена и палеолитические изделия. Восточнее

⁵ Л. И. Боровиков. О находке дуба в четвертичных отложениях хребта Каратау. «Ботанический журнал», 1947, т. XXXII, № 6, стр. 170—272.

⁶ Х. А. Алпысбаев. Новые палеолитические месторождения в бассейне рек Арыстанды—Бурылтай (Боролдай) в Южном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12. Алма-Ата, 1961, стр. 9—15.

долину Арыстанды перекрывают палево-желтые лёссовидные суглинки или лёссы мощностью до 5 м (частично размыты). Они убеждают в том, что во второй половине раннечетвертичной эпохи климат стал более засушливым, чем в период сложения конгломератов.

После отложения лёссов на границе со среднечетвертичной эпохой произошли неравномерные тектонические поднятия (бакинская фаза), затронувшие хребет Каратау и расположенные южнее цепи Тянь-Шаня, вследствие чего последовали значительное углубление речных долин и размыв ранее отложившихся осадков. Долина р. Арыстанды оказалась врезанной в меловые, юрские и более древние породы, в которые вложены галечники, перекрытые палево-желтыми лёссами. Эти галечники состоят из хорошо окатанной, но плоской гальки докембрийских и палеозойских темно-серых мелко- и среднезернистых песчаников и алевролитов. Размер ее в основном 5—7 см, но встречаются и валуны до 30 см в поперечнике. Изредка присутствуют гравий и мелкая галька из устойчивых кремнистых пород, перетолженные из размытых меловых конгломератов. Местами галечники слабо сцементированы песчано-карбонатным материалом.

Толща лёссов, налегающая на галечники, тянется по юго-западному склону хр. Каратау от г. Туркестана до района Ташкента, где достигает наибольшей мощности — 100—120 м. В подстилающих галечниках встречены остатки *Elasmotherium sibiricum* (определение Е. И. Беляевой), а в толще лёсса, прорезанного р. Арыстанды, найдены кремневые орудия мустьерской культуры. Раскопки, произведенные Х. А. Алпысбаевым на правом берегу р. Арыстанды между поселками Карасу и Будёновка, показали, что захороненная в лёссовой толще мустьерская стоянка Валиханова пятислойная.

В ней выявлено много кремневых изделий, залегающих среди остатков ископаемых кострищ и дробленых костей, принадлежащих, по заключению палеозолога Б. С. Кожамкуловой, различным животным, характерным для среднечетвертичного времени. Кремневые изделия данной стоянки представлены рубящими орудиями, остроконечниками, различными скребками, дисковидными нуклеусами, а также отбросами производства и отщепами. В толще лёссов мустьерские кремневые орудия обнаружены Х. А. Алпысбаевым в пунктах восточнее р. Арыстанды: в долине р. Чаян, близ колхоза «Алгабас», в верховьях р. Бурылсай — правый приток р. Арысь. Таким образом, в эпоху накопления меловой толщи, названной Ю. А. Скворцовым «ташкентским лёссовым комплексом», район хребта Каратау был заселен человеком, находящимся на мустьерской стадии развития культуры.

О климатических условиях этого времени дают некоторое представление результаты палинологических анализов Р. Б. Байбулатовой⁷ и Л. Н. Чупиной⁸. В пробе лёсса, взятой Н. Н. Костенко, между

⁷ Р. Б. Байбулатова. Данные по споро-пыльце в «Путеводителе по геологическим маршрутам Южного Казахстана». Алма-Ата, 1961.

⁸ Л. Н. Чупина. Палинологический комплекс мустьерской стоянки Кара-

вторым и третьим культурными горизонтами, т. е. на глубине 5,4 м от бровки лёссового обрыва, Р. В. Байбулатова обнаружила пыльцу: *Pinus* — 1,2, *Ephedra*₁—7,3, *Ephedra*₂—14,6, *Gramineae*—1,2, *Chenopodiaceae*₁—14,1, *Chenopodiaceae*₂—8,3, *Artemisia* — 1,9 и неопределенной формы — 6,9%.

Л. Н. Чупина, опробовав лёсс у кострищ стоянки, получила обильную пыльцу в образцах с глубин 4,94 и 4,97 м. По ее данным, в комплексе также преобладает пыльца трав, составляющая 86—98% от общего количества пыльцы. Среди трав до 60% пыльцы полыней и маревых; последние представлены 13 формами, полынь — семью. Среди сложноцветных определено 6 форм.

Из пыльцы злаковых встречены крупные формы, которые, судя по данным Р. В. Федоровой, могут быть пыльцой культурных злаков. Среди пыльцы сорных трав Л. Н. Чупиной установлены *Urtica*, *Plantago*; ей выявлены также единичные пыльцевые зерна *Papaveraceae*.

Древесные породы представлены пыльцой единичных зерен сосны, березы, вяза, клена, ореха, яблони, ивы, ольхи, дуба, липы.

Приведенные данные говорят о том, что в среднечетвертичное время в описываемом районе был степной ландшафт, видимо, по долинам рек с элементами древней растительности. Не исключен, конечно, занос пыльцы древней растительности извне. В недавно опубликованной работе Л. Н. Чупина⁹ показала, что современная древесная пыльца заносится на значительные расстояния, например, пыльца дуба — на 400—600 км от места его произрастания и т. д.

В пользу открытого степного ландшафта свидетельствует и обитание здесь в то время животных: лошади, бизона, сайги, верблюда. Трогонтериев слон также являлся обитателем лугов и кустарниковых степей.

В долине р. Шабакты Каратауский палеолитический отряд проводил поиски памятников каменного века еще в августе 1958 г. Здесь особо выделяются две надпойменные террасы. Первая надпойменная терраса особенно хорошо выражена в нижнем течении реки, близ бывшего колхоза Интала. Она сложена галечниками и суглинками, ее высота 1,5—2 м. Вторая надпойменная терраса вытянута вдоль берегов рек Шабакты и Куршабакты, состоит из супесей и галечников, высотой более 6 м. Она находится в 2 км от выхода р. Шабакты из ущелья. Чистка в обрыве реки показала следующее строение: 0,00—0,15 м дерновый горизонт; 0,15—3,15 м светло-желтые суглинки (в этих слоях встречаются орудия каменного века, угольки и неопределимые кости животных); 3,15—4,50 м галечники в основном серого цвета (в них обнаружены следы окиси железа и истлевших деревьев, рубящее орудие, дисквидный нуклеус); 4,50—5,15 м галечники с

су 1 с р. Арыстанды. В сб.: «Материалы по истории фауны и флоры Казахстана», т. IV, Алма-Ата, 1963.

⁹ Л. Н. Чупина. Пыльца древесных пород в современных спорово-пыльцевых спектрах Средней Азии и Казахстана. В сб.: «Палинология голоцена». М., 1971, стр. 235.

включением валунов. Возраст второй надпойменной террасы р. Шабакты может быть определен на основе орудий, которые содержатся в суглинках в первоначальном залегании (рис. 4).

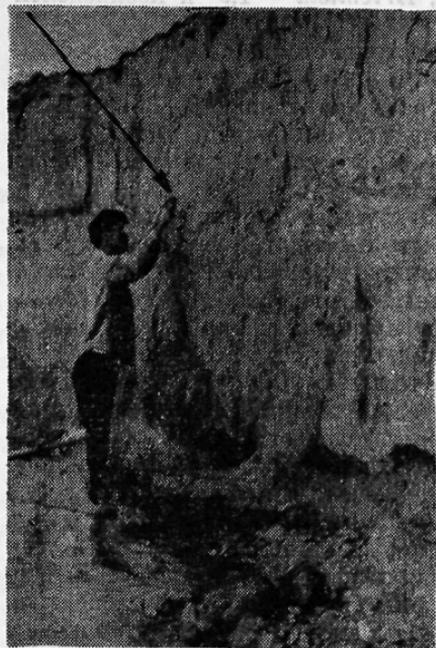

Рис. 4. Местонахождение каменных орудий в обнажении второй надпойменной террасы р. Шабакты.

Но к ним нельзя отнести рубящее орудие и нуклеус: они переотложенные предметы. Нахождение каменных изделий, особенно скребков и отщепов, связанных с верхней супесью, в основании которой залегают галечники, подтверждает, что эти изделия синхронны по времени с образованием супесей второй надпойменной террасы и имеют верхний антропогенный возраст.

Среди местонахождений палеолита Казахстана своеобразную группу составляют пещерные стоянки хребта Каратау и других районов Южного Казахстана.

Тектонические дислокаций и размыв отделяют верхнечетвертичные отложения от описанных. В долине р. Сырдарья верхнечетвертичные отложения слагают первую и вторую надпойменные террасы из разнозернистых песков, а вблизи гор—

из гравийно-галечника, перекрытого лёссовидными суглинками или лёссами, часто называемыми голодностепским комплексом; общая мощность их 50—60 м, а в районе впадения р. Арысь до 100 м.

Аллювиальные и аллювиально-пролювиальные отложения рек хр. Каратау образуют обычно одну-две надпойменные террасы, а в западных отрогах Тянь-Шаня количество позднечетвертичных террас достигает четырех. Высота наиболее древней из них 150—180 м над руслом. Эти террасы докольные, аккумулятивная часть их представлена галечниками или рыхлыми конгломератами мощностью от 8 до 30 м, перекрытыми лёссами мощностью до 18 м.

В хр. Каратау к аллювиально-пролювиальным отложениям (мощность 10—12 м) приурочена позднепалеолитическая стоянка Ащисай, расположенная на левобережье р. Турлан (Терсаккан), близ райцентра Чулаккургана Чимкентской области¹⁰.

¹⁰ Н. Н. Костенко, Х. А. Алпысбаев. Палеолит в районе Турланского перевала хребта Каратау. «Вестник АН КазССР», 1966, № 8, стр. 66—69.

В 1963 г. здесь был заложен разведочный раскоп площадью $6 \times 10 \times 5$ м. На глубине 7—9 м от поверхности было обнаружено 15 кострищ, а вокруг мелкие раздробленные обломки костей животных и изделий палеолита, среди них имелись конусовидные и призматические нуклеусы, скребки, ножевидные пластины, проколки, острия и пластины с затупленным краем, а также отходы производства. Расположение этих изделий указывает на то, что в позднем палеолите, во всяком случае в конце его, произошло врезание реки, которое сопровождалось накоплением валунно-галечного материала, лежащего в основном в позднеантропогенной террасе Q₃.

Во второй половине этой эпохи климат стал более сухим, вместо аллювиальных валунно-галечников начинают накапливаться аллювиально-пролювиальные суглинки с отдельными линзами и прослойками гравия и песка. Многочисленные гладкие тонкостенные остракоды, обнаруженные Г. В. Курловой на глубине 8—9 м в толще суглинков, говорят в пользу аридности климата и замедленного стока поверхностных вод. Над толщей валунно-галечников уже скопились суглинистые осадки, когда на поверхности этой террасы горели костры людей позднепалеолитической эпохи, занимавшихся охотой на лошадей, бизонов, архаров и других животных. Лишь спустя много времени аллювиально-пролювиальные суглинки покрыли Ащисайскую стоянку, они продолжали накапливаться в ее районе и в последующий период. Наличие остатков кострищ вместе с остатками костей животных и другие факты позволяют считать, что данный район хребта сохранил *in situ* остатки деятельности древнего человека. Тектонические подвижки и размыв, приведшие к формированию обрывов террас, отделение верхнечетвертичных отложений от современных. Это дает основание для установления возраста вмещающих их отложений, которые соответствуют периоду формирования голодностепной террасы р. Сырдарьи.

Для повторного и тщательного обследования палеолитических остатков должны быть обследованы эти слои на Ащисайской, Валихановской и других стоянках республики. Пока на территории Казахстана находок хорошо датированных памятников палеолита немного. Палеолитические изделия, найденные в первоначальном залегаемом, представляют ценный материал для геохронологии. Таким образом, кремневые палеолитические орудия, встреченные в хр. Каратау, явились индикатором для возрастного расчленения распространения здесь четвертичных (антропогенных) отложений.

Судя по археологическим находкам, заселение территории Казахстана древнейшим человеком, вероятно, происходило в эпоху нижнего палеолита.

Е. Е. КУЗЬМИНА

КУБКООБРАЗНЫЕ СОСУДЫ КАЗАХСТАНА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Сосуды кубкообразной формы на полом поддоне распространены в Евразии. Но ни на одном памятнике они не составляют сколько-нибудь заметной серии, а представлены лишь единичными экземплярами. Это еще более усиливает интерес к обширности ареала, в котором они прослеживаются.

О. А. Кривцова-Гракова высказала предположение о генезисе кубкообразных сосудов на позднесрубных памятниках Поволжья. Она считает, что они возникли как подражание металлической посуде — клепаным котлам¹. В дальнейшем она же доказала, что не только по форме, но и по орнаменту и даже по технике изготовления из отдельных клепаных полос, имитирующей ленточный способ лепки горшка, котлы являются повторением типичных сосудов позднесрубной культуры и отличаются от них только наличием поддона.

Примером кубковидных сосудов может служить кубок из коллекции Ждановского музея (рис. 1, 1), имеющий высокий поддон, ребро на плечике и орнамент в виде разделенных полосами рядов елки на тулове и треугольников у дна². Возраст этого экземпляра установить невозможно, так как неизвестно, из какого комплекса он происходит. Большую помощь в определении хронологии кубкообразных сосудов оказали находки их фрагментов на поселении Сускан в Поволжье (рис. 1, 11)³. Они обнаружены в культурном слое вместе с сосудами с налепными валиками, которые являются преобладающим типом керамики поселения. На этом основании выявленные фрагменты следует отнести к эпохе поздней бронзы. Эта датировка уточняется и по наход-

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 44—45, рис. 10, 9; К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, рис. 18, 19.

² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. работа, стр. 45, рис. 10, 10.

³ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 128, рис. 19, 15; его же. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 65, рис. 12, 4.

кам бронзовой втульчатой двулопастной стрелы со скрытой втулкой и костяного псаляя⁴.

В Приказанском Поволжье в памятниках эпохи поздней бронзы, содержащих среди прочей керамику с налепным валиком, также известны рюмкообразные сосуды на поддонах. Среди них особенно интересны экземпляры с желобками, имитирующими гофрировку на поддоне (рис. 1, 10)⁵. В Приуралье один целый рюмкообразный сосуд найден на II Луговской стоянке. У него округлое тулово, под венчиком ряд каннелюр, а ниже зубчатым штампом нанесены заштрихованные ромбы (рис. 1, 2)⁶. Датировка конец II — начало I тыс. до н. э. выявлена благодаря керамике, имеющей предананьинский облик, и желобчатому втульчатому долоту, характерному по форме изделию из кладов эпохи поздней бронзы Евразии⁷. Неглубокий кубок на поддоне отмечен на поселении Кошкарово I на Урале в погребении черкаскульской культуры⁸. В Западном Казахстане кубок на высоком поддоне чашеобразной формы с прямым венчиком обнаружен на поселении Джангала (рис. 1, 3)⁹. Для датировки важны и находки трех поднозов кубков на поселении Алексеевка (рис. 1, 9)¹⁰, поскольку они обнаружены вместе с керамикой с налепным валиком и синхронизируются с памятниками широкой зоны Евразии по находкам втульчатой двулопастной стрелы (как в Сускани), кинжала с упором, а также однолезвийного ножа с широким лезвием, отделенным уступом от узкой рукояти с отверстием на конце¹¹.

В Центральном Казахстане два аналогичных кубка на поддоне найдены в могильнике Дандыбай (рис. 1, 4). У них шарообразное тулово, венчик слегка отогнут, поддон конический, тулово по спирали украшено косо заштрихованной лентой¹². Датировка могильника определяется по типу двулопастной втульчатой стрелы концом эпохи поздней бронзы. В сходном по керамике с Дандыбаем могильнике Бегазы обнаружены стрелы, позволяющие уточнить возраст данных па-

⁴ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 120, рис. 14, 9, 14.

⁵ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА № 42, 1954, стр. 216, рис. 37, 9.

⁶ А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960, стр. 28, рис. 10, 3.

⁷ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. «Археология СССР. Свод археологических источников». Вып. В 4—9. М., 1966, стр. 26.

⁸ В. Ф. Старков. Кошкарово I—многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье. СА, 1970, № 1, стр. 106, рис. 7, 1.

⁹ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, табл. 1, 35; И. В. Сидицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 115—117.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, т. XVII. М., 1949, стр. 141, рис. 63, 1—3.

¹¹ Там же, рис. 21.

¹² М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 136, рис. 5, 1, 2; рис. 6, 12.

мятников. Это двулопастная втульчатая стрела с шипом и трехлопастная стрела с черешком. Они имеют полные аналогии в раннескифских комплексах VIII в. до н. э.¹³

Рис. 1. Кубкообразные сосуды: 1 (Ждановский музей), 2 (Луговская стоянка), 3 (поселение Джангала), 4 (мог-к Дандыбай), 5 (мог-к Ельшибек), 6 (мог-к Тау-тары), 7 (мог-к Еловский), 8 (мог-к Тагискен), 9 (Алексеевское поселение), 10 (поселение Приказанского Поволжья), 11 (поселение Сускан). Рисунок выполнен без масштаба.

Из Казахстана известны еще два сосуда, которые по форме напоминают рассматриваемый тип, у них поддон не конический, а сплошной. Один из сосудов найден в могильнике Ельшибек (рис. 1, 5)¹⁴. Он изготовлен ленточным способом, по граням спая двух лент проходит ребро, венчик изогнут. Дно внутри приостренное, снаружи напеллет поддон. На венчик нанесены противостоящие треугольники, на плечико — елочка. Второй сосуд из могильника Тау-тары (рис. 1, 6). Он также изготовлен ленточным способом. У него высокий венчик, плавная линия профиля. По венчику и тулову кубок покрыт флажковым орнаментом, а по дну — треугольниками, которые выполнены зубчатым штампом¹⁵. А. Г. Максимова, исследовавшая памятник, отметила в его

¹³ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 120; П. Д. Л и б е р о в. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, табл. I; Е. Е. К у з ь м и н а. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. «Археология СССР. Свод археологических источников». Вып. В 4—9. М., 1966, стр. 36.

¹⁴ А. М. О р а з б а е в. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 61, рис. 3, 1.

¹⁵ А. Г. М а к с и м о в а. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, рис. 5, 5.

керамике черты слияния федоровских и алакульских традиций. В этом комплексе, к сожалению, отсутствовали вещи, позволяющие точно установить его датировку. Найденные здесь лапчатые подвески карасукского типа в этом не помогают, так как хронология их не разработана. Они встречаются как в карасукских, так и в андроновских памятниках (Малый Койтас, Аксу-Аюлы, ограда 2, ящик 2; Былкылдак I, ограда 8; мог-к Боровской, Бегазы), поэтому не ясно, имеют ли они андроновский генезис или отражают карасукское влияние. Однако по некоторым особенностям технологии керамики вероятен поздний возраст могильника.

В Западной Сибири кубок на поддоне обнаружен в могильнике Еловка II у г. Томска (рис. 1, 7). Он имеет очень изящный профиль: высокий отогнутый венчик, расширяющееся в верхней части тулово и конический поддон. Сосуд богато орнаментирован зубчатым штампом: по венчику — сетка, по тулову — меандр, по поддону — горизонтальные линии и треугольники. Эта находка важна, так как позволяет увязать материалы из западных областей с очень интересным, но сложным для интерпретации материалом памятника — могильника Еловка II. Могильник, по мнению исследователя В. И. Матющенко, содержит погребения андроновской, томской, еловско-ирменской и большереченской культур. Поскольку вопрос даже об относительной хронологии памятников Западной Сибири в настоящее время дискуссионен; то синхронизация хотя бы одной из культурных групп имеет большое значение. В восточной части могильника В. И. Матющенко исследовал погребения, относимые к еловскому этапу. Они совершены почти на древней поверхности по обряду труположения, скорченно, головой на юго-запад (в одном случае — трупосожжение) и дали, кроме обычной еловской керамики также кубкообразный сосуд на поддоне и нож с изогнутой спинкой и прямым лезвием, отделенным уступом от выемчатой рукояти с отверстием на конце¹⁶. Этот нож напоминает алексеевский, но по форме ему ближе экземпляры эпохи поздней бронзы из Челкара и Бес-Тюбе, найденные с керамикой с налпным валиком алексеевского типа¹⁷, а также нож из Восточного Казахстана с поселения Мало-Красноярка¹⁸, датируемого эпохой поздней бронзы¹⁹. На синхронность памятников еловского типа бегазинско-дандыбаевским указывает находка на поселении Еловка трехлопастной черешковой стрелы²⁰, аналогичной стрелам из Бегазы и Алеп-ау-

¹⁶ В. И. М а т ю щ е н к о. Исследования Еловского могильника II. В сб.: «Из истории Сибири», вып. II, Томск, 1969, стр. 65, рис. 27, 1.

¹⁷ А. М. О р а з б а е в. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 278, табл. X, 1, 3, 4, 7.

¹⁸ С. С. Ч е р н и к о в. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. XXXVI, 1.

¹⁹ Е. Е. К у з ь м и н а. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, стр. 36.

²⁰ В. И. М а т ю щ е н к о, Л. Г. И г о л ь н и к о в а. Поселение Еловка — памятник второго этапа бронзового века Средней Оби. «Сибирский археологический сборник». Новосибирск, 1966, рис. 5, 7—8 (псалии); рис. 6, 4, 8 (стрелы).

да²¹, а на хронологическую близость с Мало-Красноярской — втульчатая двулопастная стрела, с Сусканом — также стрела и костяные псалии.

Наконец, кубок с сужающимся горлом, раздутыми боками и каннелюрованной ножкой найден в могильнике Тагискен (рис. 1, 8)²², датируемом началом I тысячелетия до н. э. по двулопастным стрелам со скрытой втулкой²³. Погребальные сооружения Тагискена повторяют конструкцию бегазинско-дандыбаевских, но с той лишь разницей, что они выполнены не из камня, а из глины и дерева. Среди бегазинско-дандыбаевской керамики находят аналогии и формы, и орнамент большинства сосудов Тагискена. Кроме лепной керамики здесь встречена также посуда, сделанная на гончарном круге, в частности, большие сосуды с подкошенным дном. Эта деталь формы характерна для керамики древнеземледельческих государств юга Средней Азии: Парфии, Маргианы и Бактрии. Причем, если в Парфии и Маргиане традиция изготовления данных сосудов в начале I тысячелетия до н. э. утрачивается вследствие оккупации, то в Бактрии, судя по находкам гончарной керамики на ряде поселений и в Тулхарском могильнике, она продолжает существовать²⁴.

Из Бактрии известны находки кубков на небольшом цилиндрическом поддоне в погребениях открытой А. М. Мандельштамом скотоводческой бишкентской культуры²⁵. Носители ее генетически связаны со степными среднеазиатско-казахстанскими племенами эпохи бронзы, постоянно испытывавшими в Бактрии влияние культуры местного древнеземледельческого населения, которая была родственной южно-туркменской культуре Намазга VI. Она выявлена недавно благодаря

²¹ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, табл. VI, 94; П. М. Рыков. Работы в совхозе «Гигант». «Известия ГАИМК», вып. 110, М.—Л., 1935, рис. 43; Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXII, 1950, рис. 42. Аналогичные стрелы известны в Монголии. См.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 120; его же. Монголия в древности. «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1947, № 4, рис. 3.

²² «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 годах», т. I. М., 1963, стр. 45—46, рис. 16. Приношу благодарность М. А. Итиной, любезно предоставившей мне для публикации рисунок ташкентского кубка.

²³ Эта дата подтверждается циркульным орнаментом с точкой посередине на костяных изделиях (рис. 18, 5, 6). Такой же орнамент встречен на предметах из Алексеевского поселения (О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение, рис. 22, 3) и на вещах из памятников позднебронзового века Украины (А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, рис. 63, 69, 4; А. М. Лесков. Кировское поселение. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, рис. 30).

²⁴ Е. Е. Кузьмина. О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В сб.: «Искусство и археология Ирана». М., 1971, стр. 176—178, табл. I.

²⁵ А. М. Мандельштам. Памятники «степного» круга эпохи бронзы в Средней Азии. В сб.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». Л., 1966, рис. 54, 14; его же. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, № 145, 1968, табл. XV, 5, 6; табл. XIX, 3.

раскопкам Л. И. Альбаума и А. А. Аскарова на поселении Сапаллитепа²⁶ и Г. А. Пугаченковой на поселении Муллолитепа²⁷.

Очень много весьма разнообразных по форме кубков обнаружено в могильниках и на поселениях скотоводческой культуры Свата и Гандхары на северо-западе Индостана. Дж. Туччи высказал гипотезу о возможном генетическом родстве культуры Свата с культурой бронзового века Средней Азии²⁸. Затем С. Антонини сопоставила ряд керамических форм Свата, в том числе кубки, с посудой Южного Туркменистана, а Э. Кастальди обратила внимание на сходство некоторых черт погребального обряда и керамики, в частности кубков, с тагискскими²⁹. Наконец, нами было высказано предположение, что скотоводческая культура Свата генетически связана с тулхарской и сформировалась на территории Средней Азии и соседних районов Афганистана³⁰.

Находка кубка в Тагискене в комплексе с привозной посудой южносреднеазиатских форм, изготовленной на гончарном круге, и типичных для земледельческих культур украшений, в частности булавок, позволяет поставить вопрос, не заимствована ли форма кубкообразного сосуда скотоводами степей у древних земледельцев, у которых самые разнообразные вазы и кубки на полом поддоне бытовали уже в III тысячелетии до н. э.? Они известны и в Тепе-Гиссаре, и в Южной Туркмении³¹ с периода Намазга IV и до финала периода Намазга VI (рис. 2, 1—3), когда древнеземледельческая культура Парфии и Маргианы подвергается разрушению. Возможно, в Бактрии культура Намазга VI продолжала развиваться, в результате чего в предахеменидскую эпоху здесь на местной основе сложился комплекс Кабадиан I.

²⁶ Л. И. Альбаум. Памятники эпохи бронзы на территории Сурхан-Дарьи. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 5; А. Аскаров. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, рис. 17, 19, 20, 26, 33.

²⁷ Г. А. Пугаченкова. Что таишь в себе, Муллолитепа? «Правда Востока», 1970, 6 августа; ее же. Новый памятник древнебактрийской культуры. В сб.: «Успехи среднеазиатской археологии». Л., 1972, стр. 46.

²⁸ G. T u c c i. The Tombs of Asvakaqana-Assa-Kenoi. «East and West», 1963, XII.

²⁹ B. C a s t a l d i. La necropoli di Catelai i nello Swat. Roma, 1968, S. A n t o n i n i. Swat and Central Asia. «East and West», 1969, v. 19, № 1; G. Stacul, Excavations near qhaliquai and chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swat valley. «East and West», 1969, v. 19, № 1, 2; A. H. D a n i, F. A. D u r r a n i. A New Grave Complex in West Pakistan. The Bulletin of the Far Eastern Prehistory Association, 1964, v. VIII, № 1; A. D a n i, F. D u r r a n i, A. R a c h m a n, M. S c h a r i f. Tamarqarha and Candhara Grave Culture. Peshawar, 1968.

³⁰ Е. Е. Кузьмина. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией. КСИА, вып. 132, 1972, стр. 119; ее же. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. ВДИ, 1972, № 1, стр. 140—141; ее же. Рецензия на книгу А. Н. Дани Excavations in the qomal valley. «Amient Pakistan (v. V, 1970). «Народы Азии и Африки», 1974, № 2.

³¹ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. VII. Ашхабад, 1956, рис. 6, 9, 11, 12; табл. XXX—XXXVIII; ео же. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. № 73, 1959, табл. 1, 11, 16, 18, 21; табл. VII, 1—3; табл. IX, 3.

На сельскохозяйственных поселениях Бактрии эпохи бронзы кубкообразные сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения, представлены весьма широко, причем форма кубков разнообразна³². При сопоставлении бактрийских кубков с кубкообразными сосудами Свата обнаруживаются полные аналогии. Бактрийские кубки имеют

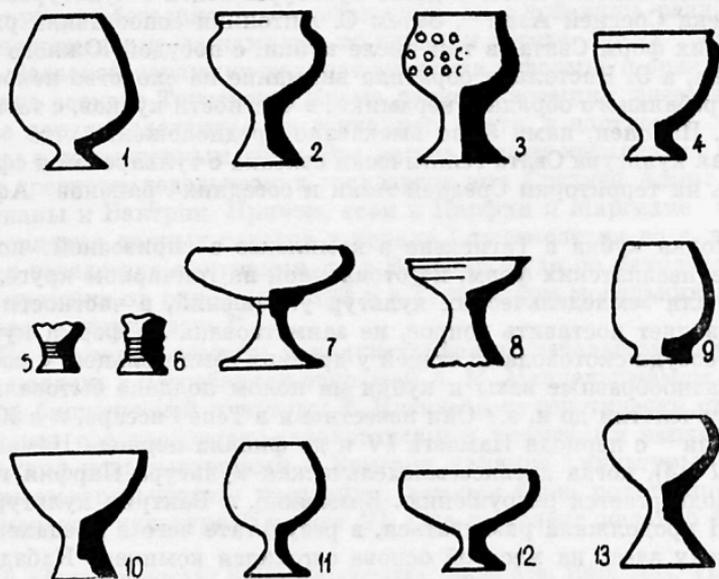

Рис. 2. Кубкообразные сосуды южных культур: 1—3 (Тепе-Гиссар III), 4 (Янги-кала), 5—6 (Аучин-депе), 7—8 (Тахирбай 3), 9 (Тулхар), 10 (Кхерай), 11—13 (Каталаи). Рисунок выполнен без масштаба.

большое сходство с кубками евразийских степей. Это позволяет предположить, что рассматриваемый своеобразный тип керамики был заимствован скотоводческими племенами у земледельцев, а у них он прошел длительную эволюцию. Подтверждением высказанной гипотезы может служить не только сходство форм кубков скотоводческих и древнеземледельческих культур, но и некоторые особенности технологии их производства. Как указывалось, у кубка из Ждановского музея поддон отделен двумя уступами, кубок из Тагискена имеет гофрированный поддон, у некоторых кубков из Поволжья поддоны украшены канцелюрами, а на ножку кубка из Еловки нанесен орнамент, имитирующий рифление. Этот прием мог возникнуть только как подражание рифлению, очень характерному для кубковидных и вазообразных

³² Е. Е. Кузьмина. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. ВДИ, 1972, № 1, стр. 143—145.

сосудов юга Средней Азии. Под венчиком кубков из Тагискена, Ждановского музея, Луговской стоянки также идут ряды горизонтальных каннелюр, а на кубке из Еловки под венчиком нанесен орнамент, имитирующий каннелюры. Для срубной культуры этот прием орнаментации керамики не характерен, на андроновской посуде каннелюры обычны, но не под венчиком, а на шейке. Следовательно, такой способ украшения сосуда чужд керамике евразийских степей. Напротив, на вазообразных и кубкообразных сосудах юга Средней Азии верхняя часть очень часто покрыта рифлением, что обусловлено технологическими возможностями местного гончара, использовавшего быстро вращающийся гончарный круг. Все это позволяет сделать вывод, что в евразийской степной зоне лепные кубкообразные сосуды со специфическим орнаментом появились как имитация привозных южносреднеазиатских кубков и ваз, сделанных на гончарном круге. Посредником в распространении этого типа в евразийских степях явились скотоводческие племена Средней Азии, находившиеся в постоянном контакте с земледельцами, что доказывается находками привозной гончарной посуды и украшений в Тулхарском могильнике и Тагискене³³.

Высокое мастерство гончаров Казахстана, которым были знакомы и изготовление сложнопрофилированных сосудов на поддонах, и орнаментация при помощи каннелюр³⁴, обусловило восприятие этого типа посуды. Развитые в эпоху поздней бронзы контакты различных групп скотоводов в Евразии способствовали распространению кубков. Кубковидные сосуды не представляют собой четкого типа, они различаются между собой не только по степени изогнутости плеча, высоте венчика, месту наибольшего расширения тулова, но и по технике изготовления. Так, кубки Дандыбая выполнены путем выдавливания из куска глины, кубки Западного Казахстана и Поволжья — ленточной техникой. Следовательно, восприняв южную моду, гончары эпохи поздней бронзы переработали ее с учетом местных керамических традиций, характерных для культур, имеющих различный генезис. Кубки распространились в кругу носителей культур бегазинско-дандыбаевской, еловской, приказанской, позднесрубной, черкаскульской, позднеандроновской алакульского типа и др. Наличие у них кубкообразных сосудов дает объективные основания для синхронизации этих культур. Вместе с тем изучение кубкообразных сосудов и некоторых других изделий (псалиев, копий с прорезями, серпов и особенно стрел)

³³ См. керамику могильника Бугулы (А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. I, V).

³⁴ Эти контакты особенно усилились в эпоху поздней бронзы, когда группа степных племен продвинулась на юг, что доказывается находками степной керамики в Южной Туркмении и Афганистане (Е. Е. Кузьмина. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. В сб.: «Памятники каменного и бронзового века Евразии». М., 1964; А. М. Мандельштам. Памятники «степного» круга эпохи бронзы в Средней Азии. В сб.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». Л., 1966, стр. 239—243).

позволяет говорить о существовании культурных контактов и взаимовлияний в широкой зоне Евразии в конце эпохи бронзы.

Этот своеобразный тип посуды просуществовал недолго и в эпоху раннего железа почти вышел из употребления. Только в Сибири у носителей тагарской культуры, отличающейся большим консерватизмом, эта форма продолжала бытовать и развиваться³⁵. Назначение этих сосудов неизвестно. Судя по малочисленности, уникальности находок их в пределах каждого памятника, возможно, они использовались для ритуальных целей, а не для питья. Именно этим и можно объяснить, что данная форма, заимствованная с юга, по-видимому, вызвала подражание в металле и в конечном счете повлияла на изготовление скифских котлов.

³⁵ Н. А. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, М., 1967, стр. 197, рис. 41, 5—9; стр. 200, рис. 42, 7, 8, 10—12, 17—20.

М. К. КАДЫРБАЕВ

МОГИЛЬНИК ЖИЛАНДЫ НА РЕКЕ НУРЕ

В 1933 г. на левобережье Нуры, на землях строившегося совхоза «Гигант», экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры в составе П. С. Рыкова, М. П. Грязнова, М. И. Артамонова, И. В. Синицына, М. Н. Комаровой, А. Н. Рогачева и Н. К. Арзютова было проведено первое археологическое обследование древностей Карагандинской области.

Среди других, теперь широко известных памятников экспедиция исследовала погребения эпохи бронзы и раннего железа у Алеп-аула (ныне отделение «Пруды» совхоза «Самарский» Тельманского района Карагандинской области)¹.

В 40-50-х годах основным объектом археологических работ стали наиболее насыщенные древними памятниками районы р. Шерубай-Нуры и ее малых притоков, северная часть Бетпак-Далы и т. д.

В среднем же течении р. Нуры в этот период были изучены лишь три объекта: в 1949 г. остатки поселения эпохи бронзы у пос. Киевка и погребение XIV в. у аула Жартас² и в 1959 г. могильник Ботакара у пос. Ульяновский³.

Летом 1972 г. в связи с подготовкой строительства гидросооружений второй очереди канала Иртыш — Караганда археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН КазССР организовала поисковые работы в четырех районах Карагандинской области: Джекказганском, Шетском, Атасуйском и Тельманском⁴.

Наибольший интерес представляло урочище Жиланды, расположенное на левом берегу р. Нуры, в 9 км вниз по течению от могильни-

¹ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). «Известия ГАИМК», вып. 110, 1935, стр. 51—62.

² А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV века в долине р. Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 248—261.

³ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 50, 86—91.

⁴ В экспедиции кроме автора участвовали ст. лаборанты Ж. Курманкулов, А. Н. Марьяшев, коллектор В. Зубков, шофер Г. С. Порт и учащиеся средних школ г. Караганды и пос. Самарки.

ка Алеп-аул, следы раскопок которого сохранились до сих пор. В этом урочище находятся небольшой андроновский могильник из 11 оград и две группы курганов.

Андроновский могильник размещен на первой надпойменной террасе р. Нуры, в 7 км южнее центральной усадьбы Самарского совхоза. Его протяженность с С на Ю — 100 м, с З на В — 90 м (рис. 1). На ме-

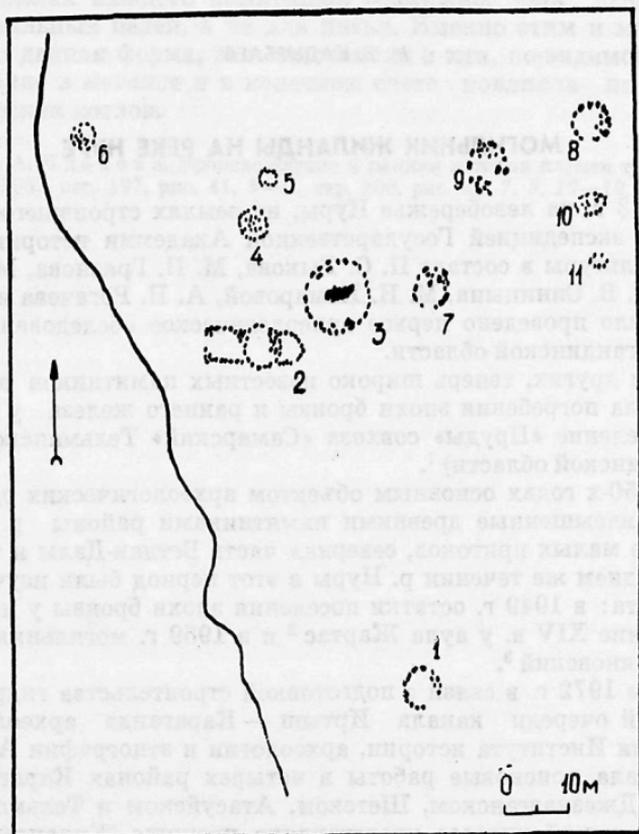

Рис. 1. План могильника Жиланды из 11 оград.

стности отчетливо видны шесть невысоких земляных насыпей, обрамленных по основанию вертикально вкопанными каменными плитами. Восточная часть могильника густо заросла травой и высоким кустарником. Здесь удалось обнаружить лишь пять едва заметных каменных колец. Не исключено, что несколько оградок скрыто под мощным дерновым слоем.

Как и в Алеп-ауле, большинство памятников могильника Жиланды представляло собой плоские земляные насыпи высотой 0,2—0,4 м. Только ограда 3, одна из самых крупных, имела высоту 0,75 м. Диаметры оград сравнительно небольшие. Они колеблются от 2,8 до 12 м. За исключением квадратной ограды 5 и прямоугольной пристройки

Таблица 1

№ ограды	Размер ограды	№ погребения	Длина и ширина, м	Глубина, м	Обряд захоронения		Примечание
					трупосожжение	трупоположение и ориентировка	
1	5,5×5,7	—	2×1,2	1,17	+	—	—
2/1	5,4×4,5	1	1,8×1,2	1,2	—	+	—
	6,1×5,7		1,8×1,4	1,35	+	+,3	Смешанный обряд: трупосожжение и трупоположение
2/2	4,2×3,7	2	1,4×1,3	0,9	+	—	—
2/3		3					Впускное захоронение ориентировано головой на ЮЗ.
	9,6×9,5		1,8×0,8	0,7	—	+	—
3	9,6×9,5	1	0,9×0,5	0,75	—	+,3	—
3	5,6×5,4	2	2,3×1,35	1,7	—	+	Циста, парное погребение
4		—					Смешанный обряд: трупосожжение и трупоположение
	2,9×2,8		1,6×0,9	1,18	+	+	—
5		—					—
	12,0×7,0		1,5×0,55	0,9	—	—	—
7	12,0×7,0	1	1,2×0,67	1,1	—	—	—
	12,0×7,0	2	1,5×0,55	0,7	—	+,3	Парное погребение
	12,0×7,0	3	1,5×0,6	0,85	—	+	—
	12,0×7,0	4	1,5×1,2	0,9	—	+,3	Парное погребение
		5					—
8	5,8×5,6	—	1,6×1	1,2	—	+,3	—

ограды 2, остальные круглой или овальной формы. Было раскопано семь оград и две пристройки ограды 2. Все могильные ямы прямоугольного очертания, вырыты в грунте, ориентированы длинной осью в широтном направлении и сверху покрыты массивными каменными плитами. Лишь в двух грунтовых ямах (ограды 2,4) сооружены цисты из дикого камня. Показатели изученных погребений и обряда захоронения даны в таблице 1.

Ограда 1. Грунтовая могильная яма расположена в центре ограды. На дне, в юго-восточном углу, находилась кучка пережженных костей. У западного борта ямы стояло два сосуда, рядом с ними сохранились два небольших пятна кальцинированных костей (рис. 2, б). Оба горшка с округлым плечом. Один без орнамента, шейка другого украшена двумя широкими ломаными поясами гребенчатого штампа (рис. 3, 3, 4).

Ограда 2. Состоит из трех сооружений: основной ограды круглой формы и пристроенных к ней по одной с западной и восточной сторон оград подпрямоугольной формы (рис. 2, 1). В каждой из них в центральной части выявлено по одной грунтовой яме. Восточная половина центральной могилы была облицована цистовой кладкой из дикого камня (рис. 2, 3). Остальная часть погребальной камеры каменной конструкции не имела. В заполнении ямы вместе с черепками сосудов встречены кальцинированные кости. Кучка таких же костей найдена на дне ямы у южной стенки. Среди костей находились остатки бронзового браслета с двумя конусовидно-спиральными завитками и мелкие обломки какого-то костяного изделия (рис. 4, 3, 4).

В той же южной половине ямы сгруппированы кости другого погребенного. Судя по непотревоженным нижним конечностям, он был положен на левый бок скорченным. У западной торцевой стенки ямы найдены обломки двух сосудов (рис. 4, 5, 8). У одного из них по плечу сделан зигзагообразный орнамент из четырех рядов гребенки.

У восточной стенки погребальной камеры восточной пристройки обнаружена кучка пережженных костей, а в северо-западном углу — обломки от пяти горшков (рис. 2, 2). Часть фрагментов керамики и одна раковина собраны среди обуглившихся костей. Один сосуд украшен геометрическим орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом по всей горловине. Выше него расположена полоса заштрихованных равнобедренных треугольников вершинами вверх, ниже по шейке — зигзаг из трех рядов штампа. По шейке на стыке с плечиком проходит широкий желобок, а по обем его сторонам — линии наколов и гребенки. Верхняя часть тулова покрыта меандром в четыре ряда гребенки (рис. 4, 2). Второй горшок, от которого сохранились только обломки верхней половины, орнаментирован по шейке и плечу заштрихованными косыми треугольниками и двумя линиями желобков (рис. 4, 1а). Обломки венчика и тулова третьего сосуда украшены косыми треугольниками, двумя каннелюрами, лентой косых штриховок и меандром. От четвертого сосуда осталась только нижняя, не орнаментированная часть. В этой же яме найден обломок, оказавшийся частью боковины горшка из центральной могилы (рис. 4, 8).

На дне ямы западной пристройки обнаружены в беспорядке кости двух погребенных, бронзовые пронизи и мелкие обломки браслета, золотая ребристая пронизка и крупные обломки двух горшков, украшенных гребенчатым штампом (рис. 3, 1, 2). Горловина большого сосуда орнаментирована тремя рядами косых заштрихованных треугольников, два ряда которых обращены вершинами друг к другу. По верхней части тулова проходит желобок, ниже него проведены четыре линии гребенки, треугольниками вершинами вниз и широкая полоса меандра. Придонная часть с двумя желобками и линией косых штриховок гребенки. Второй сосуд меньшего размера, но он также с округлым плечом, и имеет подобный трехзональный орнамент, однако с другим сочетанием фигур. Привлекает внимание широкая полоса меандрового

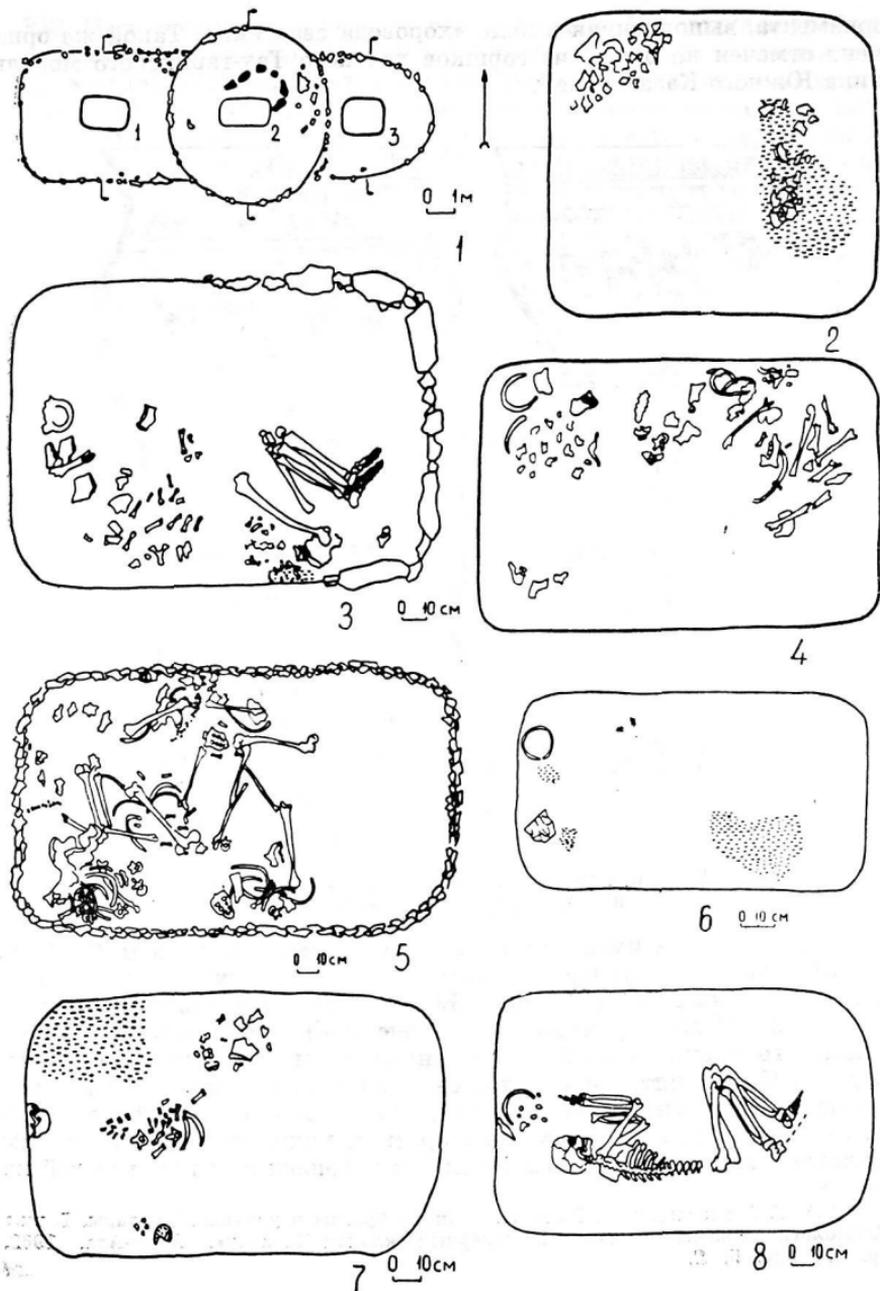

Рис. 2. Погребальные сооружения могильника Жиланды: 1—4—ограда 2; 5—ограда 4; 6—ограда 1; 7—ограда 5; 8—ограда 8.

орнамента, выполненная в виде «хоровода свастики». Такой же орнамент отмечен на одном из горшков далекого Тау-таринского могильника Южного Казахстана ⁵.

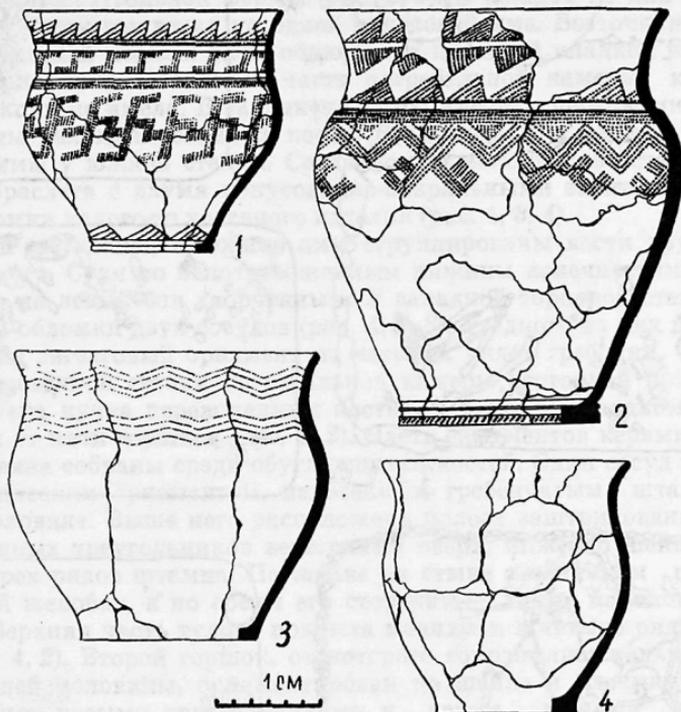

Рис. 3. Керамика могильника Жиланды: 1—2—ограда 2 (западная пристройка); 3—4—ограда 1.

Ограда 3. Она имеет самую высокую земляную насыпь (0,75 м). В центре на ее поверхности лежало пять массивных каменных плит, ориентированных длинной осью с ВСВ на ЗЮЗ. Под плитами, в западной части, найдено бронзовое шило (рис. 9, 3), а в северной части — обломок горловины горшка, украшенный четырьмя широкими каннелюрами. После снятия предметов был обнаружен раздавленный череп человека. Погребенный лежал в очень неглубокой овальной грунтовой яме, ориентированной в том же широтном направлении с некоторым отклонением к меридиональной оси. Он покоился на спине головой на

⁵ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 42, рис. 5, 2.

ЮЗ. Ноги подогнуты и упали в левую сторону. Туловище погребенного попало на вертикальную вкопанную каменную плиту более ранней андроновской могилы. Давление массивного перекрытия было столь велико, что позвонки, ребра и левая плечевая кость оказались как бы перерубленными. Хронологическая разница между верхним и нижним погребениями, по-видимому, невелика. Об этом можно судить по фрагменту керамики из верхнего захоронения, украшенному типично андроновскими желобками.

К последнему погребению относится и жертвенное место (размер $0,9 \times 0,9$ м), обнаруженное в северо-западной части ограды под массивной каменной плитой на глубине 10 см. Здесь находились остатки черепов коровы, барана, кости ног крупного рогатого скота и барана, отрезанные ниже коленных сочленений. Вероятно, это остатки известного в андроновских и широко распространенного в раннесакских памятниках ритуала захоронения шкур животных.

Нижнему ярусу погребений ограды принадлежат две грунтовые ямы прямоугольной формы, ориентированные длинной осью в широтном направлении. На дне центральной камеры, на перекрытии которой находилось верхнее погребение, разбросаны кости человека и обломки сосуда, по которым можно судить, что сосуд имел форму банки с отогнутым венчиком. Его верхняя часть украшена резным орнаментом в виде косых заштрихованных треугольников и пирамидок из равнобедренных треугольников (рис. 5, 12).

Вторая, юго-восточная яма небольшого размера, расположенная ближе к краю ограды, заключала погребение ребенка, положенного на левый бок скорченным (рис. 6, 2). В изголовье, у западной торцовой стенки, стояло два изящных, хорошо сохранившихся сосуда. Один с уступом, отделяющим шейку от плечика. Другой выполнен в более высоком профиле и имел вазовидный поддон. Оба сосуда покрыты резным геометрическим орнаментом в алакульской манере (рис. 7). Под перекрытием ямы оказались кости ног и две челюсти барана.

Ограда 4. Погребальная камера сложена в виде цисты и покрыта массивными каменными плитами. На дне ее разбросаны кости двух погребенных. Восточная часть камеры, составляющая треть цисты, предметов не содержала (рис. 2, 5). В северо-западном углу зафиксированы обломки пяти горшков (рис. 4, 1, 6, 7, 9). Два из них украшены косыми заштрихованными треугольниками и широкой полосой зигзага, нанесенными зубчатым штампом. Третий орнаментирован четырьмя линиями, проведенными гребенкой. На разной глубине, в различных местах ямы найдено около 100 бронзовых бус и 7 пастовых бусин (рис. 9, 2). У северной и западной стенок встречены два золотых украшения: ребристая пронизь и подвеска в полтора завитка. В северо-западном углу выявлено зольное пятно размером $0,3 \times 0,3$ м.

Ограда 5. Северо-западный угол грунтовой ямы занимала кучка кальцинированных костей погребенного (рис. 2, 7). У северной длин-

ной стенки могилы находились обломки двух горшков, пастовая пронизка и несколько бронзовых бусин. Посередине ямы, ближе к западному краю, лежали разрозненные кости скелета человека (ребра, позвонки, зубы, кости ног, обломки черепа), захороненного по обряду

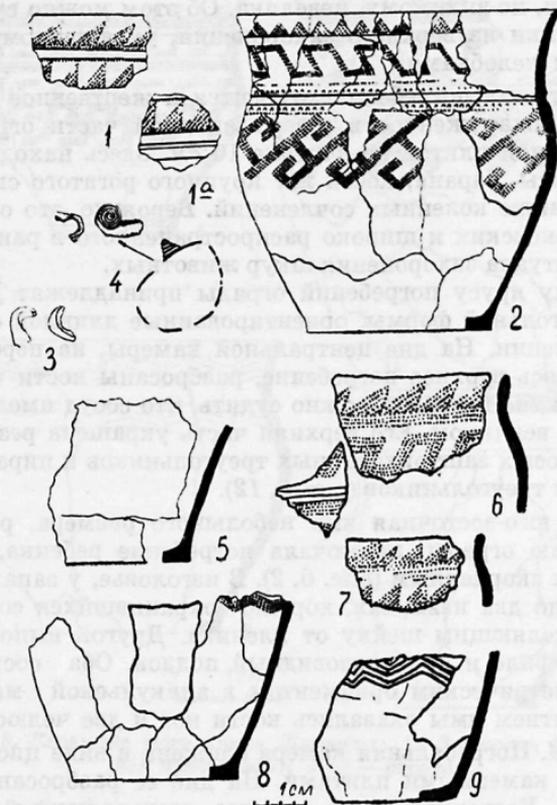

Рис. 4. Керамика и вещи могильника Жиланды: 1—2 — ограда 2 (восточная пристройка); 3—5, 8 — ограда 2 (центр); 1, 6—7, 9 — ограда 4.

трупоположения. Здесь же собрано 25 бронзовых бусин и 7 пастовых пронизок. Таким образом, это второй случай (первый в ограде) смешанного обряда захоронений. Интересно, что обломок керамики, поднятый у западной стенки ямы, оказался фрагментом боковины крупного сосуда из могилы восточной пристройки ограды 2, расположенной в 20 м южнее ограды 5 (рис. 4, 2).

Ограда 7. Она овальной формы. С восточной стороны к ней примыкает пристройка в виде полуовала, выложенного по краю 6—8 ря-

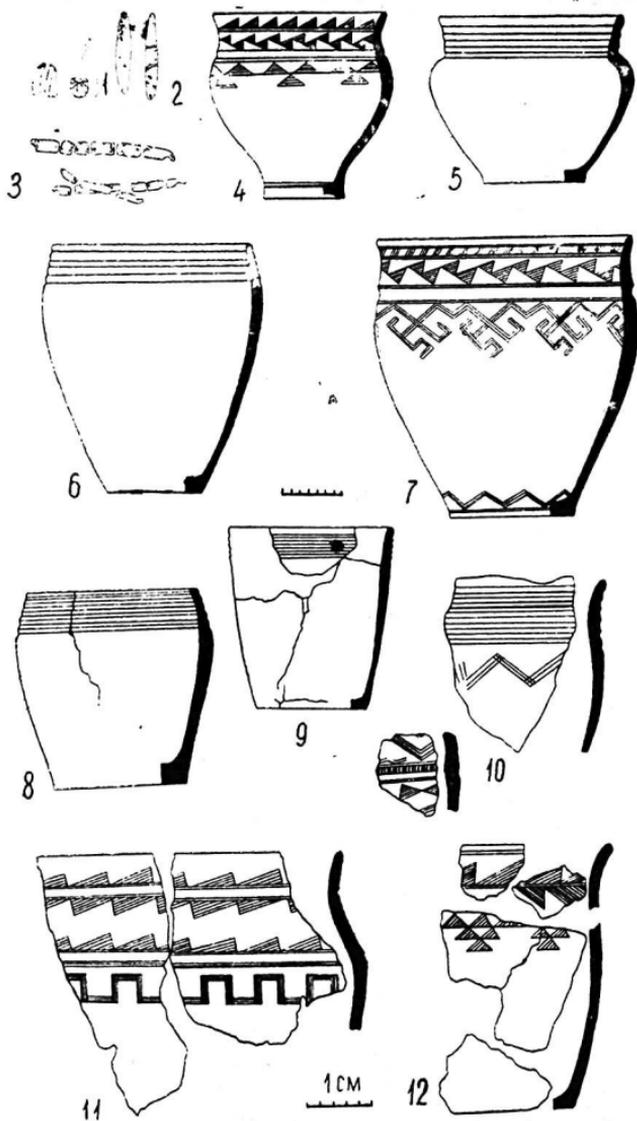

Рис. 5. Вещи из оград 3 и 7 могильника Жиланды: 1, 10—11 — ограда 7 (3 погреб.); 2—7 — ограда 7 (5 погреб.); 8 — ограда 7 (2 погреб.); 9 — ограда 7 (1 погреб.); 12 — ограда 3 (центр).

дами камня. Каких-либо следов захоронений в пристройке не прослеживается. Центральная ограда содержала пять грунтовых могильных ям прямоугольной формы, все они ориентированы в широтном направлении. Первая и вторая ямы расположены в восточной части ограды, остальные три — ближе к западному обводу.

Следов захоронения человека в первой и второй ямах не обнаружено. В первой яме недалеко от западной стенки стояли два горшка, во второй — один. Все три горшка баночной формы, два из них в верхней части украшены несколькими рядами каннелюр (рис. 5, 8, 9).

На дне третьей ямы были разбросаны кости двух погребенных. Два детских черепа лежали у западного борта ямы, здесь же оказалось несколько бронзовых бус, два каменных концевых скребка и обломок бронзовой иглы с ушком (рис. 5, 1). В центре и восточной части собраны фрагменты трех горшков. Один из сосудов (рис. 5, 11) очень большой. На его горловине прочерчен орнамент из трех линий косых заштрихованных треугольников, затем проведена зигзагообразная полоса. Второй горшок по горловине украшен несколькими рядами каннелюр, ломаной линией, а ниже — двумя поясами ногтевидных вдавлений и пирамидками из заштрихованных треугольников (рис. 5, 10).

В четвертом погребении сохранились несколько мелких обломков от двух сосудов, бронзовые бусы и остатки скелета человека.

Самой богатой материалами оказалась пятая могильная яма. Она содержала парное погребение, причем кости погребенных и предметы были сгруппированы в северо-западной половине ямы (рис. 6, 1). Остальная часть была свободна от них. У западной стенки погребальной камеры стояли четыре сосуда (рис. 5, 4—7). Все они хорошо сохранились. Два из них большого размера. Первый орнаментирован лентой косых насечек, флажковыми фигурами, широким желобком и полосой резного меандра. На придонную часть нанесен зигзаг и две прочерченные линии. Второй сосуд в форме банки со скошенным внутрь краем орнаментирован пятью каннелюрами только в верхней части. Подобными желобками украшен и третий сосуд, но он иной формы: с отогнутым венчиком и сильно раздутой верхней частью тулова. Наконец, четвертый горшок с изящным профилем и вазовидным поддоном покрыт заштрихованными косыми треугольниками, полосами флажков и пирамидок.

Возле сосудов зафиксированы два человеческих черепа. У костей рук северного погребения лежали три сильно разрушенных бронзовых браслета со спиралевидными концами. Рядом, в 10 см восточнее браслетов, обнаружен бронзовый обруч, напоминающий гривну (рис. 8). Он откован из бронзового прута. Внутренняя сторона обруча плоская, внешняя выпуклая. На сплюснутых концах пробиты отверстия. Интересно, что внутри обруча в неповрежденном состоянии сохранилось восемь золотых подвесок в полтора завитка. Они располагались симметрично по четыре на внутреннем обводе обруча, ближе к его концам.

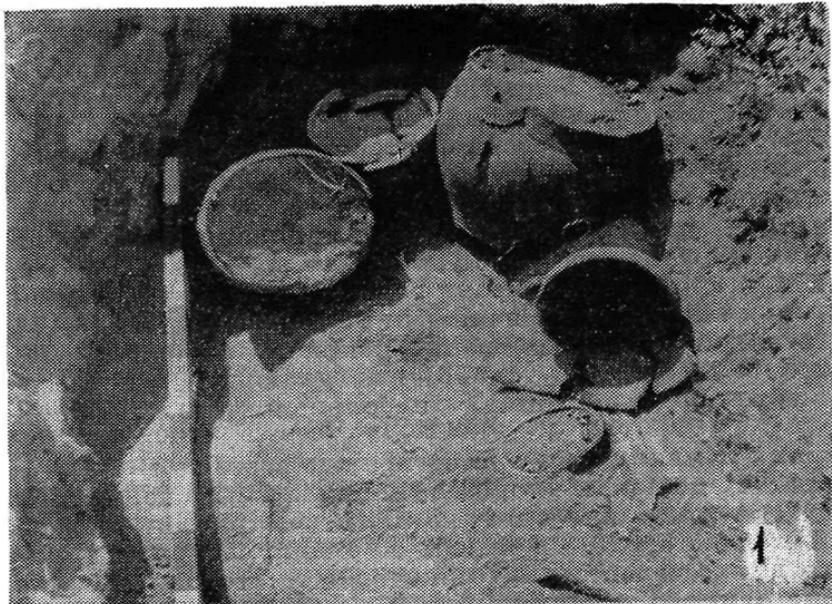

Рис. 6. Западные участки могильных ям: 1 — погребение 5 из ограды 7; 2 — погребение 2 из ограды 3.

Эти подвески в полтора раза меньше аналогичной подвески из ограда 4.

Около обруча выявлены связка положенных в два ряда пастовых бус и четыре бронзовых лепестка с отверстием на коротком конце (рис. 5, 2). Такие же две листовидные подвески вместе со связкой бронзовых бус найдены у северной стенки ямы. Все изделия чрезвычайно напоминают нагрудное украшение из девятого погребения кургана 13 Алакульского могильника⁶.

Ограда 8. На дне грунтовой ямы находился погребенный в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. У изголовья, вплотную к западной стенке, стоял горшок, украшенный равнобедренными треугольниками, выполненными гребенчатым штампом. Между сосудом и стенкой рукоятью вверх располагался бронзовый кинжал с выемками у основания и слабо выступающим по лезвию продольным нервюром. Кинжал небольшой, его длина 12,5 см (рис. 9, 1).

Могильник Жиланды интересен прежде всего тем, что это смешанный памятник. Небольшая площадь могильника, малое количество каменных оград, в принципе одинаковые конструкции погребальных сооружений как бы свидетельствуют об этнокультурной компактности оставившего его населения, а также о том, что он функционировал сравнительно непродолжительный период. Между тем здесь мы сталкиваемся с двумя полярно противоположными обрядами захоронений (труположение, кремация) и типами керамики, традиционно относимыми к двум хронологически разным этапам андроновской культуры.

Случай сосуществования в одном могильнике и даже в одной ограде двух различных обрядов захоронения уже известны. В Центральном Казахстане, например, они были в могильниках Бугулы I, Канаттас, Акмола, Сангру II, Байбала. В ограде 9 могильника Бугулы I в детской могиле зафиксировано сожжение, а в двух взрослых — труположение. В ограде 73 могильника Ельшибек в двух из пяти каменных ящиков отмечено труположение, в одном следов погребения не сохранилось, в остальных двух было неполное трупосожжение. Из семи ящиков ограды 1 в Сангру II в одном оказалось труположение, в других — кучки кальцинированных костей⁷. Подобных явлений немало и в других могильниках.

Случай, близкий к нашему, известен в могильнике Канаттас. В северном ящике ограды 12 на дне могилы были разбросаны мелкие обломки пережженных костей человека. В юго-восточном ее углу найдены бедренная и малая берцовая кости, не подвергшиеся действию

⁶ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, стр. 58 (рис. 8) и стр. 59.

⁷ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 63, 100—101, 188 и др.

огня⁸. В южном же ящике погребение было совершено по обряду труположения.

Можно допустить, что в северном ящике был смешанный обряд погребения, поскольку любое неполное сожжение трупа должно было оставить какие-то следы на таких крупных костях, как бедренные.

Примечательно, что ни один из исследователей этих памятников не привел каких-либо аргументов, опровергающих или даже ставящих под сомнение одновременность смешанного обряда. Более того, такая разнообразность считается характерной для захоронений того времени Центрального Казахстана⁹.

В Северном Казахстане наблюдается та же картина, и попытка К. А. Акишева связать это явление со скотоводческо-земледельческими истоками хозяйства андроновского общества представляет несомненный интерес¹⁰.

Каково же соотношение типов керамики с погребальным обрядом в могильнике Жиланды?

Глиняную посуду по технике нанесения узоров и форме можно разделить на две группы. Первая представлена широкогорлыми сосудами с выпуклыми плечиками, украшенными крупными сложными фестонами, оттиснутыми гребенчатым штампом (рис. 3). Один горшок из ограды 1 без орнамента, другой большего размера отделан небогатым зигзагом, выполненным зубчатым штампом. Тот же зигзаг из гребенки нанесен на тулово сосуда из центрального погребения ограды 2.

Керамика первой группы найдена в оградах с трупосожжением (ограда 1), в цисте с труположением (ограда 4) и в оградах, где кремация соседствовала с труположением в одной могиле или в разных погребениях одной ограды (ограды 2, 5). Здесь мы встретились с редким фактом, позволяющим установить одновременность возведения ограды 5 и центрального и восточного погребений ограды 2. В погребальной камере ограды 5 обнаружен крупный обломок боковины сосуда, основная часть которого оказалась в восточном погребении ограды 2. В свою очередь, в восточной могиле отмечен фрагмент тулова горшка из центрального погребения той же ограды 2 (рис. 4, 2, 8)¹¹.

Такая «эстафета» керамики указывает не только на одновременность сооружения могил, но и на интересную этнографическую деталь обряда, заключающуюся в том, что какое-то количество сосудов, предназначенных для погребения, андроновцы умышленно разбивали и обломки их помещали в разные могилы. Вероятно, этим хотели подчеркнуть особо тесные связи между погребенными, возможно, родст-

⁸ Там же, стр. 86.

⁹ Там же, стр. 80—81.

¹⁰ К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 9—11.

¹¹ Оба фрагмента показаны на рисунке акцентированной линией.

венные узы малой или индивидуальной семьи в противовес традициям большесемейной общины.

Полевые наблюдения не дали каких-либо оснований для утверждения о хронологической несовместимости двубрядных захоронений

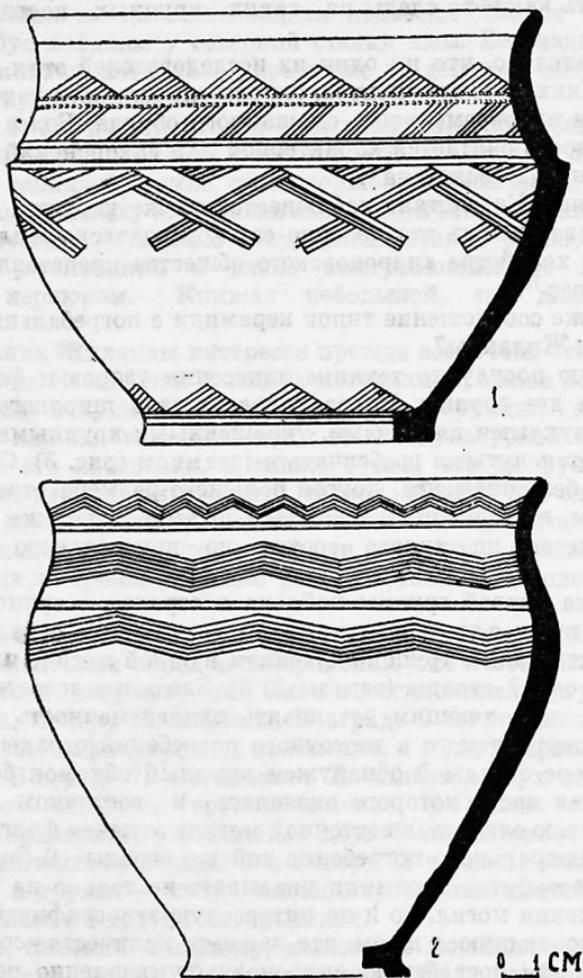

Рис. 7. Сосуды из погребения 2 ограды 3 могильника Жиланды.

в центральном погребении ограды 2 и ограды 5. Нет также данных о более позднем сооружении западной пристройки ограды 2, в которой вместе с погребениями, совершенными по обряду труположения, найдена керамика, богато украшенная зубчатым штампом в типично федоровском стиле (рис. 3, 1, 2; рис. 4, 1, 2, 6—7).

Вторая группа глиняной посуды по форме более разнообразна. В коллекции имеются изящные вазовидные сосуды (рис. 5, 2, 4, 7), горшки в виде банок со скошенными внутрь или несколько отогнутыми закраинами, посуда с выпуклыми плечиками (рис. 5). Один из сосудов (погребение 2 ограда 3) с уступчиком в месте перехода шейки в плечико (рис. 7, 1). Несмотря на сходство нескольких горшков с сосу-

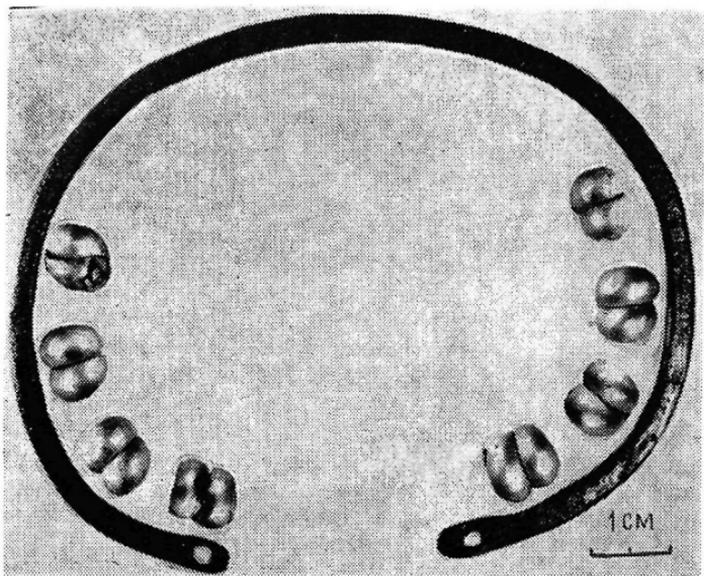

Рис. 8. Бронзовая гривна с золотыми привесками (мог-к Жиланды, ограда 7, погреб. 5).

дами первой группы по форме, некоторым стилистическим традициям орнамента (косые треугольники по венчику, меандровый узор), в целом вторая группа отличается иной, резной техникой нанесения орнамента. В ней нет ни одного сосуда, украшенного зубчатым штампом. Вся керамика второй группы из погребений с труположением. В них найдено и наибольшее количество бронзовых украшений.

Представляет интерес бронзовый обруч с золотыми привесками из ограды 7 (рис. 8). Это первая находка подобного изделия в андроне Сары-Арки и вторая после Алексеевского могильника в Казахстане.

Наибольшее количество аналогий жиландинской находке встречено в западных памятниках. В Алексеевском могильнике такое изделие было на шейных позвонках погребенной, здесь же в области головы лежали золотые привески в полтора оборота¹². По размеру и

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII. М., 1948, стр. 35, 38.

круглой форме они сходны с жиландинскими, но обе отличаются от овальных привесок Котанэмеля, Акмолы и подобной привески из ограды 4 могильника Жиланды несколько меньшим размером. Еще два выпукло-вогнутых обруча нам известны из Алакульского могильника и Верхне-Кизыльского клада на Южном Урале¹³. Единого мнения о

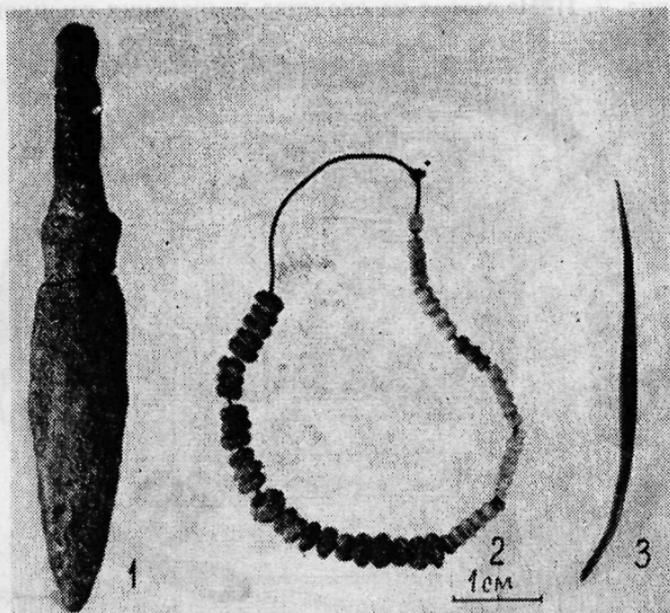

Рис. 9. Вещи из разных оград могильника Жиланды:
1 — ограда 8; 2 — ограда 4; 3 — ограда 3.

назначении этих редких бронзовых изделий нет. О. А. Кривцова-Гракова считает их шейными гривнами, а К. В. Сальников на основании находки такого предмета на черепахе погребенного из Алакуля допускает, что он украшал головной убор. Жиландинское изделие, несмотря на отличие в технике изготовления, вероятнее всего, шейная гривна с богатым декором из золотых привесок.

Данные раскопок могильника Жиланды лишний раз убеждают в специфике культуры племен эпохи бронзы Центрального Казахстана, которая не укладывается в схему южноуральской периодизации (кстати, аргументированно пересмотренную в последние годы и для памятников зауральской лесостепи). Некоторые новые материалы и перепроверка старых показали по крайней мере синхронность федоровской и алакульской стадий, а В. С. Стоколос даже доказывает относительно

¹³ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, рис. 5, 8; его же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, рис. 7, 21.

позднее появление в Зауралье федоровских комплексов — на рубеже II—I тысячелетий до н. э.¹⁴

Дискуссия о хронологии андроновской культуры, этнокультурной принадлежности племен огромного Урало-Енисейского степного и лесостепного ареала достигла в настоящее время кульминации¹⁵.

Многие высказанные в ходе дискуссии мнения и предположения поспешны и противоречивы. Но плодотворность ее итогов зависит не от количества гипотез, а прежде всего от досконального анализа в свете новых фактов многочисленного материала с таких, например, мощных очагов андроновской культуры, как центральноказахстанский и североказахстанский.

Специфично то, что среди памятников Центрального Казахстана эпохи бронзы не оказалось федоровских или алакульских комплексов в их чистом виде. Как говорилось, в материалах этого периода давно прослеживались смешанные федоровско-алакульские черты, но такие памятники (добавим к ним Сангру, Акмола, Тау-тары) всегда определялись, в том числе и автором статьи, как хронологически переходные комплексы.

Жиландинские находки показывают, что для датировки подобных памятников нужна иная периодизация, разработанная с учетом местных особенностей андроновской культуры Центрального Казахстана.

Кроме андроновских оград были изучены два кургана эпохи раннего железа, расположенные в полукилометре к ЮЮВ от могильника Жиланды. Насыпи курганов из земли с камнем, они отстоят друг от друга на 50 м. Насыпь первого кургана овальная, диаметром с С на Ю 14 м, с З на В — 17,5 м, высотой 0,8 м. Под насыпью в южной части отчетливо проступали два крупных зольных пятна размером 2×1,2 и 1,3×1 м. В центре были разбросаны кости погребенного, рядом с ними лежали железные обломки ножа и небольшого стержня с кольцевидным окончанием. Потревоженное погребение устроено на перекрытии из четырех каменных плит более древней могильной ямы. Она подпрямоугольной формы и ориентирована длинной осью с С на Ю с небольшим широтным отклонением. Могила не тронута. На дне ее (глубина 1,3 м) находился скелет женщины, в вытянутом положении на спине, головой на ССЗ (рис. 10). Слева от черепа найдена золотая серьга из массивной круглой в сечении проволоки с бирюзовой бусиной, грубо закрепленной на тонкой откованной золотой проволочке, припаянной к концу серьги. Справа от головы лежала спираль из золотой ленты. Такая же спираль и еще одна серьга были придавлены

¹⁴ В. С. Стоколос. О стратиграфии поселения Кипель. СА, 1970, № 3; его же. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.

¹⁵ М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, № 2; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореферат докторской диссертации. М., 1970; М. П. Грязнов. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. КСИА, вып. 122, 1970.

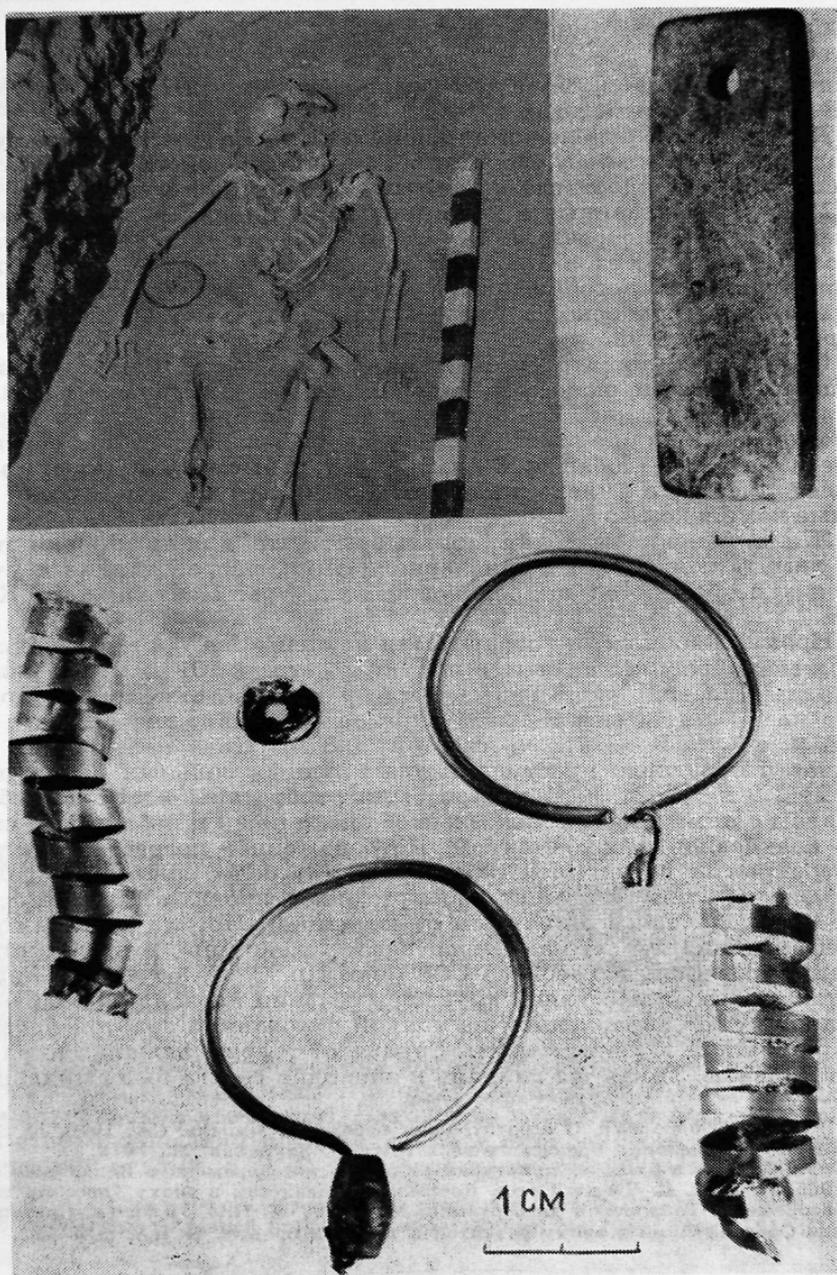

Рис. 10. Погребение и вещи из кургана 1.

черепом. Здесь оказались и обломки тонкого бронзового четырехгранного предмета с острым концом, напоминающего шпильку, и бусина из черного камня, разрисованная содовым раствором. Между правой рукой и тазом обнаружено хорошей сохранности массивное бронзовое

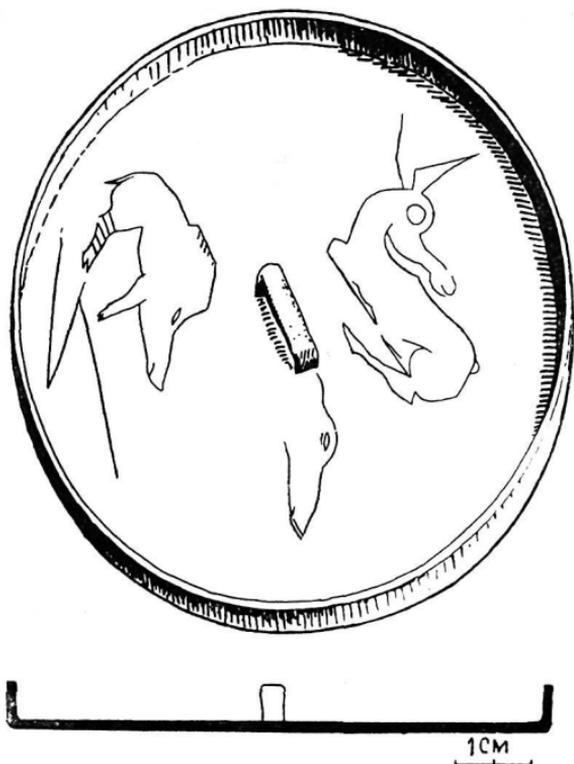

Рис. 11. Бронзовое зеркало из кургана 1.

зеркало с высоким бортиком по краю и прямоугольной петлей с тыльной стороны (рис. 11). У левой тазовой кости лежали точильный камень с отверстием для подвешивания и обломки сильно коррозированного железного ножа. Это захоронение по обряду и составу вещей чрезвычайно близко женскому погребению из кургана с «усами» на берегу Б. Чебачьего озера¹⁶.

Второе погребение, раскопанное в кургане 2, также женское. Насыпь второго кургана несколько меньше, диаметром 9 м, высотой 0,65 м. По основанию она обрамлена крупным камнем. Форма могиль-

¹⁶ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 9—10, рис. 2.

ной ямы и ориентировка такая же, как и у предыдущей. Погребение разграблено, кости женщины сдвинуты в северную половину ямы, лишь по нетронутым левым берцовым костям можно определить, что скелет был положен головой на север. Среди груды костей найдены каменный овалальной формы жертвенник, ожерелье из бирюзы и голубой пасты, сланцевое пряслице и золотая серьга с конусовидным колпачком, украшенным зернью (рис. 12).

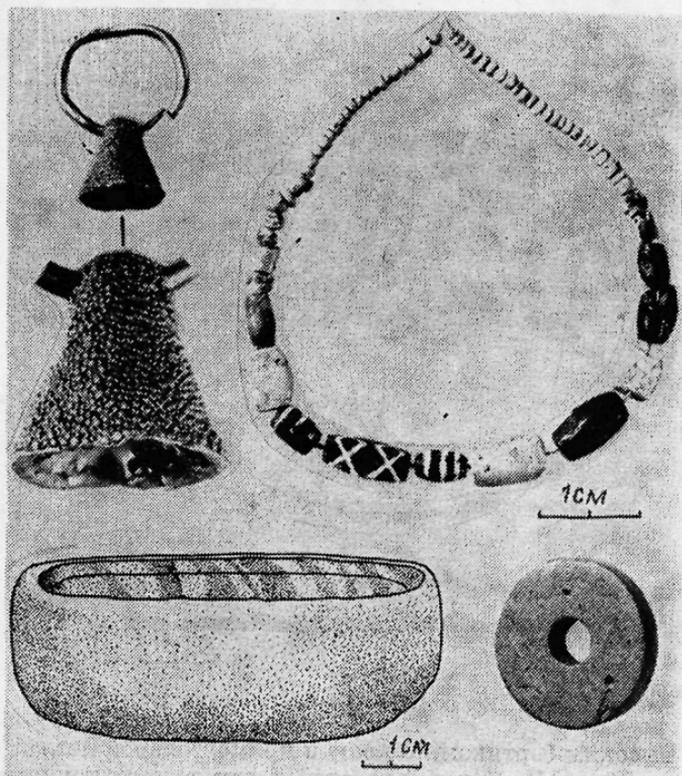

Рис. 12. Вещи из кургана 2.

Среди жиландинских курганных находок особое внимание привлекают два замечательных изделия: бронзовое зеркало и золотая серьга с конусом. На тыльной стороне зеркала древним художником процарапаны друг под другом две фигуры животных, выполненные в типично «зверином» стиле¹⁷. Одно из нарисованных животных из се-

¹⁷ На эти едва заметные изображения обратил наше внимание В. И. Садовсков, реставрировавший бронзовое зеркало.

мейства оленей (лань, лосиха?) с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Эта фигура стилистически близка к резным изображениям лосей на Жаботинских пластинах раннескифского времени¹⁸. Другое животное — кабан, он изображен в традиционной для сакского искусства позе, с подчеркнутым загривком. На его задней ноге имеется пять параллельных штрихов. Оба рисунка сделаны тонкой непрерывной линией и, вероятно, без всякой предварительной композиционной разметки. В этом убеждает третья фигура, видимо, незавершенная из-за неудачного расположения. Несмотря на такой просчет, перед нами, бесспорно, интересное произведение древнего мастера.

Золотая серьга с круглым в сечении кольцом, продетым сквозь верхнюю часть конусовидного колпачка, также принадлежит к редким изделиям сакского искусства. На колпачок высотой всего 1,4 см и той же ширины в нижней части конуса напаяно свыше тысячи мельчайших шариков зерни, подвергшихся последующей шлифовке. Дно конуса, запаянное тонкой золотой пластиной, наполовину прорвано и сохранило только четыре отверстия. Одно отверстие сделано в нижней части колпачка.

Золотая серьга могильника Жиланды имеет три наиболее близкие аналогии: в Сибирской коллекции Витзена, среди материалов из алтайского кургана у с. Быстриянского и кургана на р. Бегра в Туве¹⁹.

Все серьги, несмотря на некоторое различие в деталях, употреблялись с подвесками.

Вещевой набор и обряд двух женских погребений могильника Жиланды имеют множество аналогий в памятниках первого этапа тасмолинской культуры. Их следует отнести к VII—V вв. до н. э.

¹⁸ М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, № 2, рис. 2, 1.

¹⁹ М. П. Завитухина. Курганы у села Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.). «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», вып. 8. Л.—М., 1966, рис. 3, 3 и стр. 71.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС VIII—VII ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Несмотря на многолетние археологические исследования на территории Восточно-Казахстанской области, памятники IX—VIII вв. до н. э. остались почти неизученными. Материал этого периода представлен изделиями случайного происхождения и керамикой из Трушниковского поселения¹.

VIII век до нашей эры — время завершения перехода пастушеских племен к кочевому скотоводству, усилившему подвижность и смешение местного населения с чужеродными элементами. Как показывают материалы Зевакинского могильника, их идентичность в обряде погребения с памятниками местных андроновских (федоровских) племен, а также появление новых карасуко-тагарских форм металлических изделий и керамики обусловлены подобного рода межплеменными связями. Изучение памятников переходного типа, каким является Зевакинский комплекс, поможет решить некоторые вопросы, связанные с формированием культуры ранних кочевников Прииртышья. В статье дается характеристика новым материалам из семидесяти оград, расположенных компактной группой в северной части Зевакинского могильника².

До раскопа эти ограды из заплывших камней, примыкающие друг к другу, едва прослеживались. Часть оград разрушена дорогой из с. Зевакино в пос. Убаредмет. За шесть полевых сезонов вскрыта площадь 692,6 м². Из-за значительных позднейших наслоений контуры надмогильных сооружений, как правило, прояснились только на глубине 20—30 см. Изученный комплекс расположен на площади Зевакинского могильника несколько обособленной группой, вытянутой в широтном направлении на 800 м. В северо-западной части цепочки исследованы наиболее интересные захоронения, на описании которых мы и остановимся.

¹ С. С. Черников в Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, № 88, 1960, табл. LXXVIIIб, 1—13.

² Зевакинский могильник расположен в 1—3 км к ЗЮЗ от села Зевакино Шемонаихинского района, в 60 км к ЗСЗ от г. Усть-Каменогорска.

Ограда 26а. Овальная (3,2×2,9 м), ориентирована длинной осью СВ—ЮВ. На глубине 0,7 м выявлены две овальные могилы, ориентированные С—Ю.

Могила 1 — западная (1,8×1,2 м, глубина 0,9 м). Скелет человека отмечен в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. В изголовье найдены ребра овцы, на которых лежал бронзовый серповидный нож (табл. 1, 4).

Могила 2 — восточная (1,9×1,2 м, глубина 0,8 м). Скелет человека был в скорченном положении, на левом боку, головой на юг. В изголовье обнаружены ребра овцы. В засыпи встречались кусочки древесного угля.

Ограда 27. Овальная (4,8×2,8 м), длинной осью ориентирована СВ—ЮЗ. Примыкает с юга-запада к ограде 26а.

Могила овальная (1,25×0,7 м, глубина 0,7 м). Скелет человека найден в скорченном положении, на правом боку, головой на юг с отклонением на 15° к западу. На безымянном пальце правой руки имелось кольцо, изготовленное из бронзовой четырехугольной в сечении проволоки (табл. III, рис. 11).

Ограда 28. Подквадратная (3,5×3,75 м), ориентирована углами по сторонам света. Примыкает к северо-западной стене ограды 27. На глубине 0,4 м выявлены две овальные, параллельно расположенные могилы, ориентированные СВ—ЮЗ.

Могила 1 — западная (0,9×0,5 м, глубина 0,6 м). Скелет ребенка лежал скорченно, на правом боку, головой к югу.

Могила 2 — восточная (1,5×0,9 м, глубина 0,9 м). В засыпи на разных горизонтах встречены кусочки древесного угля. Скелет взрослого человека зафиксирован в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Череп отброшен в сторону. У левого предплечья найдены ребра овцы. Вещей нет.

Ограда 29. Подпрямоугольная (4,5×5 м), расположена в 2 м к западу от ограды 30. Под двумя гранитными плитами оказалась овальная могила (1,25×1 м, глубина 0,8 м), ориентированная СВ—ЮЗ. На разных горизонтах в засыпи могилы собраны кости человека (ребра, позвонки, кости рук и таза). Вещей нет. В северо-западном углу ограды под скоплением камней выявлена вторая могила овальной формы (1,6×1,5 м, глубина 0,7 м), ориентированная С—Ю. Скелет взрослого человека был в скорченном положении, на правом боку, головой на юг, без вещей.

Ограда 30. Примыкает полуовалом (2,5×1,5 м) к западной стороне ограды 28. По центру овальная могила (1,1×0,6 м, глубина 0,5 м), ориентирована СВ—ЮЗ. Скелет подростка лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Вещей нет.

Ограда 31. Примыкала к северо-западной стороне ограды 29. Камни ограды почти утрачены, поэтому форму и размер установить трудно. Под выкладкой оконтурилась могила (1,9×1,6×0,9 м), ориентированная С—Ю. В засыпи найдены кусочки древесного угля.

В южной части цепочки был заложен раскоп площадью 11×10 м. На глубине 20 см обнаружены остатки четырех оград³, разрушенных проведенной дорогой.

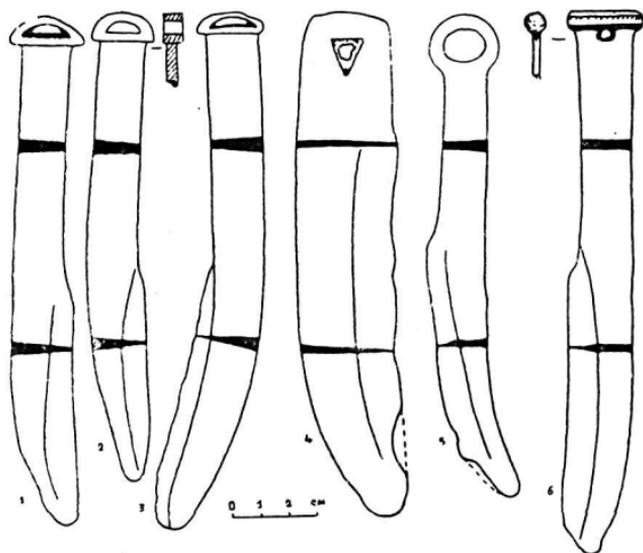

Таблица I. Бронзовые ножи: 1 — ограда 35; 2 — ограда 17 (впускное захоронение); 3 — ограда 223/2; 4 — ограда 26А; 5 — ограда 35; 6 — ограда 223/4.

Могилы 32. Подпрямоугольная с закругленными углами ($1,6 \times 1,45$ м, глубина 1 м), ориентирована СВ—ЮЗ. Три скелета человека отмечены в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. У левого предплечья третьего скелета (считая с востока) найдена бронзовая колоколовидная подвеска (табл. III, 9), между ребрами и на плечевой кости собрано 12 бусин (табл. III, 4), справа, на уровне пояса, выявлено дисковидное зеркало (табл. III, 5).

Могилы 33. Подпрямоугольная яма ($1,5 \times 1,3$ м, глубина 1 м), ориентирована СВ—ЮЗ. Два скелета человека лежали скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Вещей нет.

Могилы 34. Овальная яма ($2,15 \times 1,85$ м, глубина 1 м), ориентирована ЮЗ—СВ. Четыре скелета человека обнаружены в скорченном положении, на правом боку, причем три скелета — головой к югу, а четвертый (считая с востока) — головой к западу. У черепа третьего ске-

³ Нумерация могил продолжает нумерацию оград этого комплекса, раскопанных ранее.

лета найдены ребра овцы; у левого локтя четвертого скелета — фрагменты глиняного сосуда (табл. III, 8).

Могила 35. Овальная яма (1,5×1,3 м, глубина 1 м), ориентирована С—Ю. На дне ее зафиксированы три скелета человека в скорченном положении, головой на юг. В неповрежденном виде сохранился первый скелет (считая с востока). В изголовье его отмечены ребра овцы и бронзовый «с аркой на кронштейне» нож (табл. 1, 1). В изголовье третьего скелета был еще нож с кольцевидным навершием (табл. 1, 5).

Анализ изученных памятников позволяет выделить несколько форм наземных сооружений в виде овальных (33) и подпрямоугольных (27) оград из колотого габридного камня и кварца, положенного плашмя, а также в виде сплошных округлых выкладок (5), сооруженных из мелкого камня. Размер оград от 2 до 8 м. Как правило, к основным оградкам (диаметр 6—8 м) примыкают неопределенной формы пристройки (диаметр 2—3 м), количество их различно (от 2 до 12).

Соединение примыкающих друг к другу мужских, женских и детских могил характерно для андроновской (федоровской)⁴, а также для карасукской и тагарской культур Южной Сибири⁵.

В 98 случаях отмечены одиночные захоронения в ограде. По две могилы зафиксировано в трех оградах, а в одной ограде выявлены три могилы. В десяти оградах умершие (преимущественно дети) погребены на уровне древней дневной поверхности, без могилы.

По форме могилы имели прямоугольные (15) и овальные (55) в плане очертания⁶. Некоторые из них были перекрыты каменной плитой (3), выкладкой из мелкого колотого камня (18) или бревенчатым накатом (2). Размер могил неодинаков, величина их зависела от возраста и количества погребенных. В большинстве случаев они неглубокие (от 0,6 до 1,20 м) и узкие. В семидесяти вскрытых могилах обнаружено 127 скелетов мужчин, женщин и детей. Обычно умершие покоились в скорченном положении, на правом (74), редко на левом (4) боку, иногда на спине (3) или на животе (2); в девяти оградах захоронений нет, положение остальных погребенных не установлено. Погребенные преимущественно лежали головой на юго-запад (52) и довольно много головой на юг (32). В одном случае встречена восточная и в двух — юго-восточная ориентировки. В трех могилах скелеты лежали головой на запад. Таким образом, несмотря на различное расположение пристроек по отношению к центральной ограде, погребенных в основном укладывали головой на юго-запад или юг. Эта деталь погребального обряда присуща предшествующим племенам федоровского времени Восточного Казахстана и андроновской культуры соседних территорий.

⁴ Ф. Х. Арсланова. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области. СА, 1973, 4, стр. 163.

⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 109, 186.

⁶ Форму остальных могил определить не удалось.

На дне и в засыпи некоторых могил отмечены следы культа огня — кусочки охры (3), древесного угля и обожженного дерева (6). О бытовании надмогильной тризны свидетельствуют остатки костей животных (череп, кости ног лошади, лопатки, обломки трубчатых костей и ребер овцы), выявленные внутри четырех оград.

В обряде погребения рассматриваемых памятников немало андроновских (федоровских) черт, в частности в устройстве надмогильных сооружений (ограды, примыкающие друг к другу), в форме могил (грунтовые ямы, каменные ящики), в положении погребенных (скорченно на боку) и их ориентации (головой на юго-запад). Эта близость не случайна, она объясняется сохранением традиций погребального обряда племен эпохи поздней бронзы на последующем этапе. Изученные в Зевакинском могильнике андроновские (Федоровские) погребения датируются последней четвертью II тыс. до н. э.⁷ Обосновать эту преемственность можно будет с накоплением материалов по эпохе поздней бронзы Прииртышья и с использованием данных палеоантропологических измерений⁸. Нельзя не отметить некоторую общность исследуемых племен с карасукскими племенами Южной Сибири и Алтая⁹. Она выражается в устройстве примыкающих друг к другу округлых оград, в скорченном положении умерших, юго-западной и западной ориентации, а также в совместном погребении в одной могиле нескольких взрослых, иногда с детьми, очевидно, родственников. Погребальный обряд зевакинских племен находит аналогии и в больше-реченской культуре Верхней Оби, Томска и Алтая¹⁰.

Общие черты убеждают в том, что по погребальному обряду Зевакинский комплекс в значительной степени связан с андроновскими памятниками. Вместе с тем имеются аналогии с карасукской и больше-реченской культурами Сибири и Алтая. Это касается и происхождения племен, оставивших зевакинские ограды и родословная которых, по всей вероятности, восходит к андроновцам «Федоровского» времени. Характерно, что на преемственность сакской (Казахстан) и тагарской (Южная Сибирь) культур от андроновской культуры указывает ряд исследователей¹¹.

⁷ Ф. Х. Арсланова. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области, стр. 166.

⁸ Обширный краниологический материал данного комплекса пока, к сожалению, не обработан.

⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 100—112, 151; М. Д. Хлобыстина. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореферат канд. дисс. Л., 1963, стр. 13.

¹⁰ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956, стр. 66—67; М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, 1952, стр. 38, рис. 15; В. Н. Полторацкая. Могильник Березовка I. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», вып. 3. Л., 1961, стр. 83.

¹¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 133—135; М. К. Кадырбаев. Некоторые ито-

Переходя к рассмотрению вещественного материала из оград, следует сказать, что большинство неграбленных могил без инвентаря; лишь в тридцати одной могиле обнаружены бронзовые ножи, фрагменты глиняных сосудов, несколько ко- стяных поделок и т. д.

Особенностью данного комплек- са в отличие от синхронных памятни- ков Сибири и Алтая является почти полное отсутствие при погребенных глиняной посуды. В двух могилах найдены фрагменты лишь двух сосу- дов (один неполный).

Первый сосуд (табл. III, 8) горш- ковидной формы с раздутым, су- жающимся к горловине туловом. Вен- чик срезан внутрь и слегка отогнут наружу. Донная часть не сохрани- лась. Сосуд изготовлен из неплотного теста с примесью крупнозернистого кварцевого песка, в изломе черный.

Прямых аналогий сосуду нам неизвестно. Однако довольно близ- кое сходство (по верхней части тулова) имеется с керамикой тагарско- го времени из Усть-Ербы (могила 4 у Подгорного озера), опубликован- ной Н. Л. Членовой¹².

Второй сосуд (рис. 1) баночной формы, найден в изголовье ребен- ка 5—6 лет. Изготовлен из теста с примесью кварцевого песка. Имеет неравномерный, костровый обжиг. Его внешняя поверхность светло- коричневого цвета (с черными пятнами) со следами затирки травой. Венчик прямой. Дно несколько вогнуто. Орнамент нанесен по шейке гладким штампом в виде наклонных отрисков, образующих «елочку», затем идет горизонтальный ряд «жемчужин», выдавленных изнутри.

Сочетание косоугольных отрисков с «жемчужинами» характерно для «лесного» орнамента тагарской посуды¹³. Пропорции сосуда так- же типичны для тагарских банок, у которых диаметр венчика равен высоте, но диаметр дна больше половины высоты.

Близкий по форме сосуд найден в могильнике Карасук, он дати- рован IX в. до н. э.¹⁴. Исходные формы баночных сосудов следует ис-

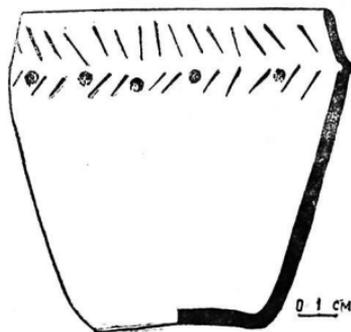

Рис. 1. Глиняный сосуд из ограды 45.

ги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. В сб.: «Но- вое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 32—33; Н. Л. Членова. Па- мятники переходного карасуко-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, 3, стр. 62; Е. Е. Кузьмина. Семиреченский вариант культуры эпохи позд- ней бронзы. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 48.

¹² Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской куль- туры. М., 1967, табл. 41, рис. 6.

¹³ Там же, стр. 192—193.

¹⁴ Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. В сб.: «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новоси- бирск, 1961, табл. I, рис. 74.

кату в андроновской посуде. Это подтверждает материал захоронений Зевакинского могильника¹⁵ и соседних территорий¹⁶.

подавляющую часть собранных вещей составляют бронзовые ножи (17 шт.). По форме наверший и очертанию лезвия их можно разделить на несколько типов.

К первому типу относятся девять (табл. 1, 1—3, 5; табл. II, 2; табл. III, 1—3, 14) ножей. Они с хорошо выделенной широкой (1,6—2 см) и длинной (8—9,6 см) подпрямоугольной в сечении рукоятью. Навершие ножей выполнено в виде кольца или полукруга («арка на кронштейне»). Широкое треугольное в сечении лезвие, слегка сужающееся к концу, отделено от рукоятки уступом и немного загнута по типу «хвостатых» ножей. Длина ножей от 16 до 18,5 см. Они однотипны, но между ними имеются и различия: в пропорциях, степени изогнутости обуха, размере. В этой группе шесть ножей с прямым обухом, два с вогнутым, один с дугообразным.

Выделенный С. В. Киселевым тип ножей «с аркой на кронштейне»¹⁷ позднее стал предметом специального изучения¹⁸. Эту категорию ножей исследователи датируют позднекарасукским или карасуко-тагарским временем. По пропорциям и форме навершия зевакинские ножи близки южносибирским, забайкальским и монгольским¹⁹.

Своеобразен нож из огады 47 с выступом при переходе от рукоятки к лезвию и вторым выступом на спинке (табл. II, 2). Аналогии ему неизвестны. Однако пропорции ножа и форма навершия позволяют отнести его к первому типу.

Отличается деталями и нож с кольцевидным навершием из огады 35 (табл. I, 5), найденный в семейной усыпальнице вместе с ножом, имеющим полукруглое («арка на кронштейне») навершие. Подобные вогнутообухковые ножи известны из Томского могильника²⁰ и нахо-

¹⁵ Ф. Х. Арсланова. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области. СА, 1973, 4, стр. 163—164.

¹⁶ М. К. Кадрыбаева. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 33, рис. 4.

¹⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 120.

¹⁸ М. Д. Хлобыстина. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962; е е же. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореферат канд. дисс. Л., 1963; Н. Л. Членова. Памятники переходного карасуко-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, 3; Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.

¹⁹ С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, 1937, III, стр. 162, табл. IV, рис. 19; Н. Л. Членова. Древняя бронза Западных Саян. Ученые записки Тувинского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории, т. VIII, Кызыл, 1960, рис. 4, 13—15; е е же. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири, рис. 26, 49; М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, 1952, рис. 17, 1, 9; рис. 20, 7, 13; Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема, рис. 17, 40, 49, 52—55; рис. 29, 15.

²⁰ М. Н. Комарова. Томский могильник, рис. 20, 7.

док на Северном Кавказе²¹. Исходной формой для них были карасукские образцы.

В отличие от большинства аналогичных ножей, выявленных случайно на соседних территориях, зевакинские ножи обнаружены при погребенных взрослых (5) и подростков (4), в изголовье (у затылка)

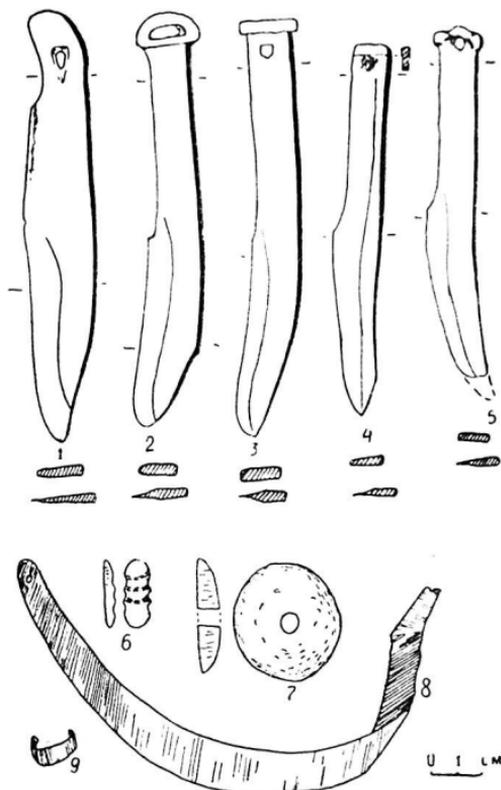

Таблица II. 1 — ограда 48; 2, 3, 5 — ограда 47; 4 — ограда 49; 6—9 — ограда 46 (1—5, 8, 9 — бронза; 6 — камень; 7 — кость).

или перед лицом. В одной могиле (ограда 35) рядом с ножом лежали ребра овцы, в другой (ограда 223/5) — костяная поделка.

К этой же серии относятся и опубликованные С. С. Черниковым ножи из Восточного Казахстана²², датируемые IX—VIII вв. до н. э.,

²¹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. 32, 1950, стр. 93, рис. 25, 2.

²² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. LXV, 2; табл. LXVII, 2, 4.

а также нож, случайно найденный в Большенарымском районе²³. Подобный нож хранится и в Семипалатинском областном музее²⁴.

Ножи первого типа по форме навершия и рукояти имеют сходство с ножами VIII—VII вв. до н. э. из Омской и Томской областей, а также из Тувы²⁵.

Таким образом, на основе аналогий зевакинские ножи являются карасуко-тагарскими формами. Карасукские черты выражены формой навершия с «аркой на кронштейне», обособленной рукоятью, дугообразно- или вогнутообушковыми очертаниями клинка, а тагарские — выпрямленным обушком, слабо очерченным уступом при переходе от рукояти к лезвию, тенденцией к уменьшению размера.

Второй тип представлен двумя ножами, имеющими валиковое навершие с отверстием под ним для подвешивания и длинную с прямоугольным сечением рукоять, отделенную от лезвия уступом. Один из них с прямым обушком (табл. I, 6), второй — с дугообразным (табл. II, 3). Соотношение рукояти и лезвия в пропорциях сближает эти ножи с первым типом ножей зевакинского комплекса. Но валиковое навершие характерно и для раннетагарских образцов подобного рода изделий²⁶. Аналогии этим ножам имеются также в материалах Тувы²⁷ и Горного Алтая²⁸. Все вместе свидетельствует о сочетании карасуко-тагарских признаков и в ножах второго типа, что позволяет датировать их VIII—VII вв. до н. э.

Третий тип составляют два ножа меньшего размера (длина 14 и 14,5 см). Один из них (табл. II, 5) с вогнутым обушком, пластинчатый, «хвостовое» лезвие отделено от рукояти выступом. Навершие исполнено в виде трех округлых бугорков, расположенных в центре и по краям, под ним имеется отверстие для подвешивания.

Шарикоподобные выступы на кольцевидных навершиях встречаются на карасукских ножах²⁹. Форма этого ножа и его пропорции восходят к ранним образцам.

²³ Восточно-Казахстанский областной музей, № $\frac{\text{Хр. 1232}}{\text{Арх. 25}}$.

²⁴ Семипалатинский областной музей, № $\frac{\text{Хр. 2960-3}}{\text{Арх. 512}}$.

²⁵ Н. Л. Членова. Литейные формы из с. Беклемишево (Забайкалье). КСИА, вып. 127, 1971, рис. 46, 6; рис. 47, 1; е е ж е. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы. КСИА, вып. 107, 1966, рис. 14, 9—11.

²⁶ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 3, рис. 9—11, 13—15; табл. 37, рис. 40.

²⁷ Н. Л. Членова. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы, рис. 14, 8; рис. 20.

²⁸ Два ножа хранятся в Горно-Алтайском областном музее, № 228 и № 730.

²⁹ А. Н. Липский. Карасукские погребения в гор. Абакане. «Краеведческий сборник», № 1, Абакан, 1956, табл. 9, рис. 3; Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, рис. 17, 13; рис. 31; Н. Л. Членова. Древняя бронза Западных Саян. Ученые записки Тувинского науч.-исслед.-ин-та языка, литературы и истории, т. VIII, Кызыл, 1960, рис. 16, 2.

Второй нож с прямым обушком, обособленной рукоятью и широким с заостренным концом лезвием (табл. II, 4). Навершие его в виде валика, выступающего с одной стороны, с другой под ним имеется незначительное углубление — след недоделанного отверстия.

Ножи с аналогичным лезвием и рукоятью найдены в тагарских³⁰ и большереченских погребениях³¹. Их исходные формы известны в материалах эпохи поздней бронзы³². Подобный нож, обнаруженный в долине р. Талас, опубликован Т. Н. Сениговой³³.

Привлекают внимание два ножа из оград, пристроенных к погребальному сооружению федоровского времени³⁴. Однако очертания бронзовых ножей и пропорции сближают их с рассмотренными образцами зевакинского комплекса.

Первый нож (рис. 2, 2) массивный, длина 20 см, с грибовидным монолитным навершием и округлым отверстием под ним. Подобные навершия (только полые) имеются на карасукских ножах и кинжалах. Сплошные, цельноотлитые навершия, по мнению Н. Л. Членовой, широко бытовали позже, вплоть до V в. до н. э.³⁵ Подобный нож отмечен в могильнике Березовка I и датируется VII в. до н. э.³⁶

Второй нож имеет «глаголеобразное» навершие (рис. 2, 1)³⁷, т. е. в виде выступа, обращенного в сторону лезвия. Этот тип, возможно, один из вариантов валикообразных наверший. В целом эта форма ножа свойственна карасуко-тагарским образцам.

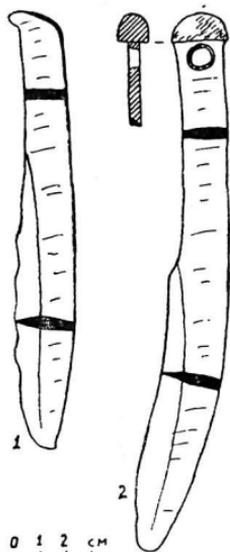

Рис. 2. Бронзовые ножи: 1 — ограда 160В; 2 — ограда 160А.

³⁰ Н. Л. Членова. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы. КСИИА, вып. 97, 1966, рис. 14, 20; М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, 1952, рис. 20, 12, рис. 23, 20.

³¹ М. П. Грязнов. Памятники майэмйского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, рис. 6, 8.

³² Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. «Археология СССР. Свод археологических источников». Вып. В 4—9. М., 1966, табл. X, 26; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, табл. LXXVIII, 1.

³³ Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, табл. I, 8.

³⁴ Ф. Х. Арсланова. Некоторые памятники поздней бронзы Верхнего Прииртышья. СА, 1974, 1, стр. 225, рис. 4, 1, 2.

³⁵ Н. Л. Членова. Ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 174.

³⁶ В. Н. Полторацкая. Могильник Березовка I. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», вып. 3. Л., 1961, стр. 83, рис. 5, 2.

³⁷ Н. Л. Членова. Золото в карасукскую эпоху. СА, 1972, 4, стр. 259.

Особую группу составляют серповидные ножи (2 шт.). Они найдены в изголовье двух погребенных рядом с костями овец (лопатка и ребра). Происхождение их, несомненно, связано с изделиями андроновской культуры, получившими дальнейшее развитие в сакское время и тагарскую эпоху.

Первый нож (табл. I, 4) имеет широкое треугольное в сечении лезвие с закругленным концом. Рукоять отделена от лезвия путем его расширения. Сохранение архаичных признаков в размере и пропорциях сближает этот нож с серпами поздней бронзы³⁸ и раннесакского времени (VIII—VII вв. до н. э.)³⁹. Подобный нож встречен в погребении большереченской культуры⁴⁰.

Второй нож (табл. II, 1) отличается от первого хорошо выработанной формой и меньшей шириной лезвия. На рукояти, выделенной выемкой, имеется треугольное (исполненное при отливке) отверстие для подвешивания. Прямых аналогий ножу нам неизвестно. По форме лезвия он близок зевакинским ножам первых двух типов, что говорит об их синхронности.

Кроме того, в одной из зевакинских оград найден пластинчатый двулезвийный бронзовый нож (длина 4,2 см, ширина 1,5 см) с двумя выемками при переходе от рукояти к лезвию (табл. III, 6). Сохранились две деревянные накладки с рукояти, перетянутые узким кожаным ремешком. Аналогичный нож зафиксирован в Томском могильнике⁴¹.

К орудиям труда относятся два костяных пряслица с округлым отверстием, изготовленные из коленного сустава (табл. II, 7) и трубчатой кости (табл. III, 16). Подобные пряслица существовали длительное время. Они встречены в материалах Трушниковского⁴², Атасуского⁴³ и Большереченского⁴⁴ поселений и используются поньше у многих народов, что исключает их из круга датируемых материалов.

Из костяных изделий, кроме того, собрано пять округлых втулок (табл. III, 19—23) и три полые трубочки. На одной из них (табл. III, 15) имеются две поперечные прорези у одного конца, на другой (табл. III, 17) — поперечный желобок. Назначение этих предметов не-

³⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, рис. 27, 3; Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. I. 2, 3; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, стр. 46—47, табл. IX, 25; табл. X, 4, 15.

³⁹ К. А. Акишев, Г. В. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

⁴⁰ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956, табл. XVIII, 29.

⁴¹ М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, 1952, стр. 35, рис. 20, 20.

⁴² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. XLVII, 20, 29.

⁴³ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. В. Кадырбаев, А. М. Орабаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. XXIV, 3.

⁴⁴ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби..., табл. IX, 19; табл. XXI, 5.

ясно. Они лежали у кисти или на костях таза погребенного. Подобные изделия известны среди материалов эпохи бронзы ⁴⁵.

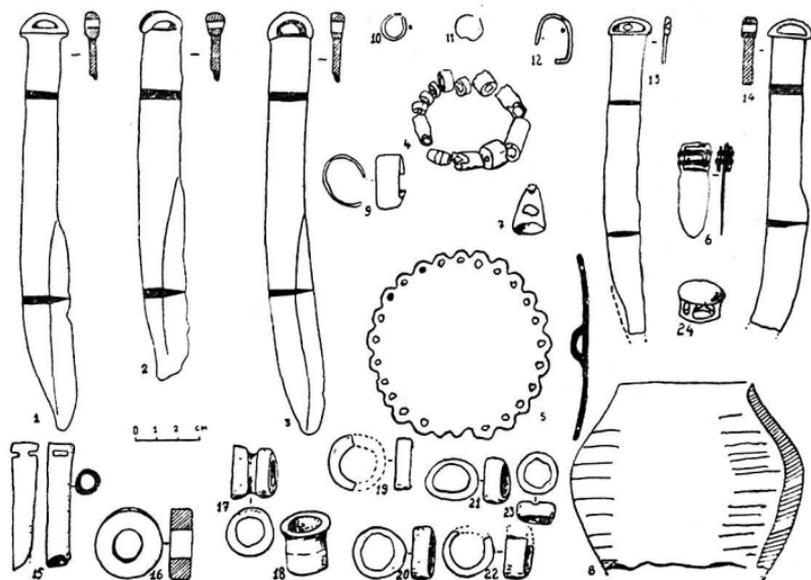

Таблица III. Инвентарь из погребений Зевакинского могильника: 1 — ограда 224/8; 2 — ограда 224/2; 3 — ограда 223/5; 4, 5, 7 — ограда 32; 6 — ограда 6; 8 — ограда 34; 9, 10 — ограда 38; 11 — ограда 27; 12 — ограда 46; 13 — случайная находка из Большенарымского района; 14 — ограда 42; 15 — ограда 6; 16 — ограда 20; 17 — ограда 223/5; 18 — ограда 38; 19 — ограда 39; 20 — ограда 19; 21 — ограда 224 (впускное); 22 — ограда 223; 23 — ограда 43/1; 24 — ограда 218/5 (1—3, 5—7, 9, 11—14, 24 — бронза; 4 — сердолик; 8 — глина; 10 — золото; 15—23 — кость).

Среди вещественного материала имеются предметы туалета и украшения. Это бронзовые кольца, зеркало, диадема, золотая серьга, каменные бусы и аргиллитовая застежка.

Зеркало (табл. III, 5) отлито в виде неправильного, слегка выгнутого диска с петельчатой ручкой на оборотной стороне и с двадцатью тремя отверстиями по краю. Аналогии ему нам неизвестны.

Кольца (4) были надеты на указательный, средний и безымянный пальцы правой руки. Они изготовлены из округлой (табл. III, 12) и четырехугольной (табл. III, 11) в сечении проволоки, а также из широкой пластины (табл. II, 9; табл. III, 9). Украшения подобного типа широко распространены хронологически и территориально.

⁴⁵ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Археология. Алма-Ата, 1959, табл. XX, 4; С. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак в Западном Казахстане. МИА, № 120, 1962, табл. XLII, 1, 2.

Особого внимания заслуживает диадема из бронзовой пластины (ширина 1,8 см, длина 32 см) с отверстиями на концах (табл. II, 8). Такие украшения головных уборов встречены в могильнике Долгая Грива (раскопки С. М. Сергеева в 1930 г.), датируемые М. П. Грязновым IX—VIII вв. до н. э.⁴⁶, а также в карасукских погребениях у с. Камышенка⁴⁷.

Найденная золотая серьга (табл. III, 10) сделана из круглой в сечении проволоки в виде несомкнутого круга диаметром 11 мм. Один конец ее слегка расплюсчен. Подобные золотые кольца (3 шт.) отмечены в позднекарасукских погребениях (VIII—VII вв. до н. э.) в районе Красноярска и Алтая⁴⁸.

В ограде 46 у левой локтевой кости погребенного обнаружена застежка из белого камня, разделенная тремя поперечными желобками (табл. II, 6). Она близка по форме нашивным бляшкам большереченской культуры, выполненным из бронзы, белого камня и кости. М. П. Грязнов считает их местной верхнеобской формой украшения⁴⁹. Аналогичная застежка, датируемая Н. Л. Членовой VII в. до н. э., зафиксирована в Райковом улусе⁵⁰. Находка деревянных, обернутых листовым золотом застежек аналогичной формы из кургана Аржан, датированного VII—VI вв. до н. э.⁵¹, позволяет установить верхнюю границу зевакинских погребений — VII в. до н. э. Эта датировка подтверждается бытованием подобной формы наверший на раннетагарских ножах и кинжалах. Прототипом таких застежек, вероятно, могли быть карасукские бронзовые бляшки с несколькими выпуклостями, вытянутыми по одной линии⁵².

Не имеет близких аналогий бронзовая миниатюрная подвеска конической формы с диаметрально расположенными отверстиями (табл. III, 7).

В ограде 32 у скелета женщины вместе с бронзовой подвеской и зеркалом собрана рассыпанная низка бус (табл. III, 4). Одиннадцать бусин цилиндрической формы сделаны из красного и желтого сердолика, одна — из серой стекловидной массы с двумя поперечными белыми полосами. В карасукских и тагарских захоронениях встречаются каменные бусы, но очень редко⁵³. Аналогичной формы сердоликовые

⁴⁶ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби..., рис. 7, 4, 5.

⁴⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 153.

⁴⁸ Н. Л. Членова. Золото в карасукскую эпоху. СА, 1972, 4, стр. 258, рис. 4, б, 8.

⁴⁹ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956, табл. XIX, 1; табл. XXI, 8—11.

⁵⁰ Н. Л. Членова. Памятники переходного карасуко-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, 3, стр. 61.

⁵¹ М. П. Грязнов, М. Х. Манай-о-л. Раскопки царского кургана раннекифского времени в Туве. Краткие тезисы докладов к пленуму, посвященному итогам археологических исследований 1971 года. Л., 1972, стр. 5—6.

⁵² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 131, табл. XII, 13.

⁵³ Там же, стр. 130.

бусы отмечены в тасмолинских⁵⁴ и сакских⁵⁵ курганах. В детском погребении (ограда 218/6) найден позвонок рыбы с просверленным круглым отверстием. Очевидно, это амулет.

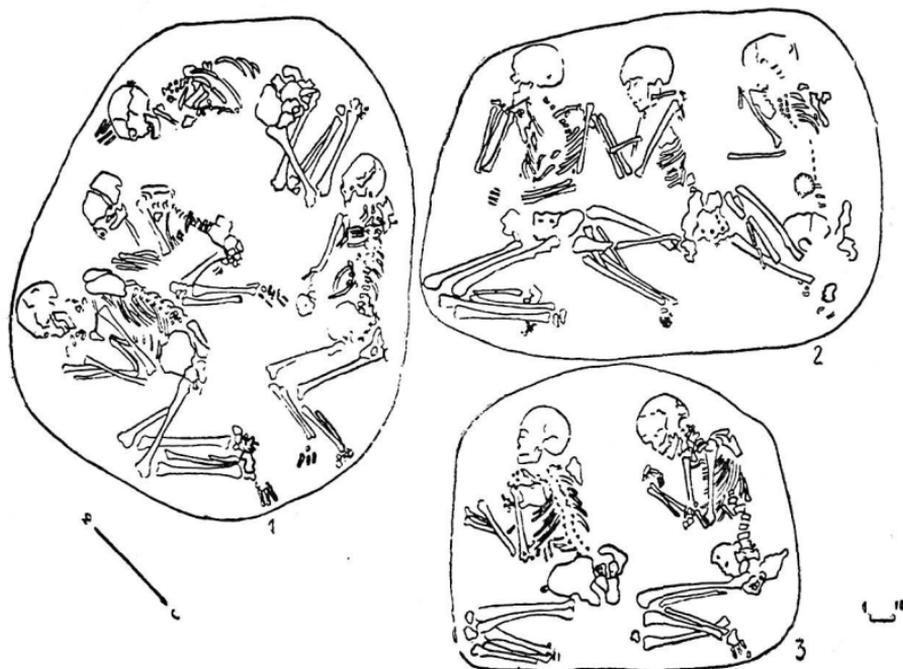

Таблица IV. Планы погребений Зевакинского могильника: 1 — ограда 34; 2 — ограда 32; 3 — ограда 33.

Бронзовая пронизка (табл. III, 24), обнаруженная под нижней челюстью ребенка на шейных позвонках, по-видимому, являлась деталью одежды. Аналогичная форма уздечных пронизок, бытовавшая у тасмолинских⁵⁶ и восточноказахстанских⁵⁷ племен, датируется VII—VI вв. до н. э.

В девяти детских погребениях данного комплекса оказалось 58 астрагалов овцы. Как правило, их нечетное число: 3, 5, 7, 13 и т. д. Часть астрагалов окрашена красной охрой, на некоторых имеются срезы.

⁵⁴ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 69.

⁵⁵ К. А. Акишев. Саки Семиречья. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, табл. I.

⁵⁶ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры, стр. 323, рис. 15, 2.

⁵⁷ Ф. Х. Арсланова. Новые материалы ранних кочевников. СА, 1971, 4, стр. 255, рис. 5.

Астрагалы овцы как игральные кости до сих пор бытуют у некоторых народов, в том числе и у казахов.

Таким образом, анализ зевакинских материалов подтверждает их преемственную связь с памятниками андроновской (федоровской) культуры, которая выражается в обряде погребения и формах предметов быта. Появление новых карасуко-тагарского типа металлических изделий позволяет датировать изученные захоронения VIII—VII вв. до н. э.

Имеющиеся в нашем распоряжении металлические изделия (ножи, зеркало, серьги, кольца) говорят о довольно значительном развитии металлургического производства у местных племен. Ножи, в формах которых заметно влияние ножей карасуко-тагарской культуры, однако, не являются плодами слепого подражания. Они отличаются традиционными местными признаками.

Открытый на Зевакинском могильнике устойчивый погребальный комплекс можно рассматривать как локальный вариант погребений карасуко-тагарской общности. Важную роль в ее формировании сыграли «андроновцы» федоровского времени. Вместе с тем следует учесть начавшийся переход к кочевому скотоводству, который, возможно, явился результатом смешения аборигенов с пришлым субстратом. Развитие производительных сил способствовало разложению первобытных отношений, следствием этого было выделение из рода патриархальной семьи как самостоятельной хозяйственной единицы. Об этом свидетельствуют 16 «многолюдных» семейных усыпальниц Зевакинского комплекса.

Полученный материал позволяет предполагать, что скотоводство в данный период стало одним из главных направлений в хозяйственной деятельности зевакинских племен. Значительное место занимали и домашние промыслы: гончарное, косторезное, прядильное и т. д. Заслуживает внимания и появление у «зевакинцев» изделий южносибирского и алтайского типа (ножи, керамика, украшения). Это свидетельствует о наличии тесных контактов племен переходного карасуко-тагарского времени Южной Сибири и Алтая с населением Прииртышья.

Причины миграции населения из Восточного Казахстана в Минусинскую котловину в конце VII—VI вв. до н. э. и ее роль в расширении межплеменных связей раскрыты Н. Л. Членовой⁵⁸. Материалы, собранные за последние годы на территории Восточно-Казахстанской области (раскопки на Зевакинском могильнике, случайные находки в селах Камышинка и Чистый Яр)⁵⁹, подтверждают предположение о достаточно развитых этнокультурных связях прииртышских и южносибирских племен.

⁵⁸ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 219.

⁵⁹ Ф. Х. Арсланова. Новые материалы ранних кочевников, СА, 1971, 4, стр. 254, рис. 5.

К. А. АКИШЕВ

КУРГАН «ИССЫК»

(Предварительные итоги раскопок)

Курган входит в состав большого могильника, расположенного на левом берегу горной реки Иссык, у северной окраины одноименного города, находящегося в 50 км на восток от г. Алма-Аты. Могильник состоит из земляных курганов, вытянутых с севера на юг на площади 3 кв. км. Это преимущественно так называемые царские курганы диаметром 30—90 м, высотой 4—15 м. На вершине у них глубокие воронки — следы ограбления. На наиболее крупных курганах имеются скопления галечника, образовавшегося в результате выброса земли из грабительского лаза и вымывания насыпи дождевыми и тальми водами. Вокруг больших курганов сложены плоские овальные выкладки из речной гальки. Раскопки 1961 г. доказали, что они сооружены почти на целое тысячелетие позднее курганов.

Весьма примечателен археологический ландшафт памятника. Описываемый могильник не единственный в регионе, он лишь один из многих подобных ему, зафиксированных по берегам горных рек, стекающих с северных склонов Заилийского Алатау и впадающих в р. Или. На западе от него на берегу р. Талгар находится Новоалексеевский могильник¹, в этом же направлении расположены и могильники по берегам рек Малая и Большая Алматинка (в настоящее время от них сохранились лишь единичные курганы), Каскелен и Курты; на севере и востоке на левом берегу р. Или — могильник Бешатыр² и на правом берегу р. Тургень — Каракемер³. Далее царские могильники встречаются восточнее и юго-восточнее по берегам рек Чилик, Чарын, Кегень, Каркара; северо-восточнее — по верховьям рек Каратал,

¹ И. И. Копылов. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины. Ученые записки АПИ им. Абая, т. 15(3), Алма-Ата, 1958, стр. 158—177.

² К. А. Акишев. Культура саков долины р. Или (VI—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 25—87.

³ А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1948, вып. 1, стр. 81.

Аксу, Лепсы, Аягуз вплоть до известного могильника Чиликты (Зайсанская котловина)⁴ и знаменитых Пазырыкских курганов (Горный Алтай)⁵. Все памятники объединяет единство основных компонентов культуры, что можно объяснить не только примерно одним уровнем социально-экономического развития, одинаковым образом жизни, но и

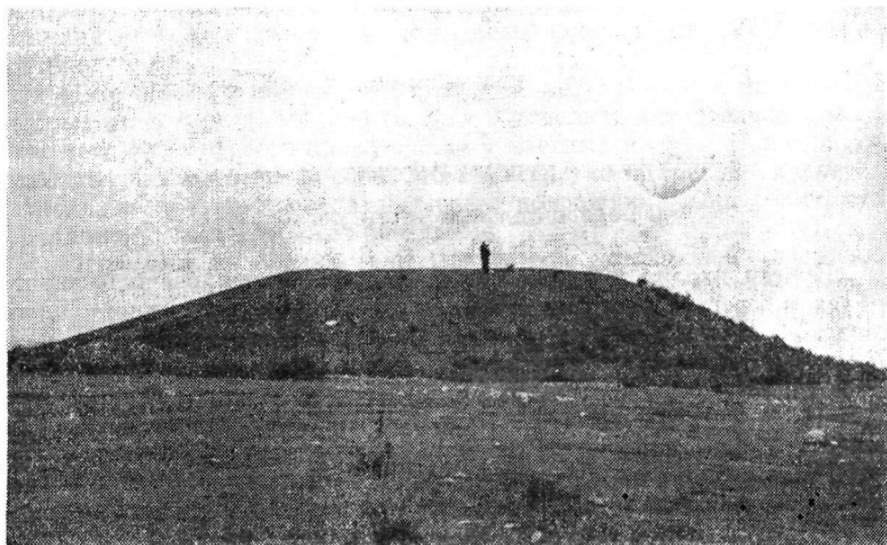

Рис. 1. Курган «Иссык» до раскопок.

кровнородственными связями и этнической близостью племен, оставшихся могильники. Учитывая труды другой группы исследователей (С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов, А. Д. Грач), мы склонны отнести к этой же культуре и памятники с территории Южной Сибири и Тувы.

Таким образом, Иссыкский могильник не уникален и из перечисленных ничем особенным не выделяется. Знаменитым его сделали находки.

Курган «Иссык» находился на южной окраине могильника, разделенного на две части автомобильной дорогой, соединяющей город с Кульджинским трактом (рис. 1). Размер его: диаметр 60 м, высота 6 м. На вершине воронка диаметром 12 м, глубиной 2,3 м. Насыпь не имеет четкой структуры, но по профилю выяснено, что она многослойная (3—4 слоя): слой гальки чередуется с щебеночно-глинистым. Вокруг центральной могилы лежали крупные окатанные камни — выброс из могильного котлована. После сноса насыпи и контрольной проверки погребенной площадки на глубину до 1,2 м было установлено,

⁴ С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1968.

⁵ С. И. Руденко. Культура центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

что курган содержит два захоронения: центральное и боковое (южное).

Центральная могила полностью деформирована в результате двух грабительских лазов. Один имел вид горизонтальной штольни, начинающейся у западной полы насыпи, другой — вертикального колодца, идущего с вершины кургана. По всей вероятности, подземная проходка более древняя. Возможно, люди работали тайно от соплеменников погребенного, но вполне возможно, что они искали другие второстепенные захоронения. Однако боковая могила все же оказалась не потревоженной. Она расположена в 15 м на юг от центральной и в 10—12 м от южной полы насыпи кургана.

Погребальная камера сооружена из обработанных бревен тыншаньской ели длиной от 1,5 до 3 м, толщиной 25—30 см. Размер камеры: по внутреннему обмеру $2,9 \times 1,5$ м, по наружному $3,3 \times 1,9$ м. Высота ее с накатом 1,3—1,5 м. Таким образом, камера занимает площадь соответственно 4,4 и 6,3 кв. м (рис. 2).

В южной и западной частях камеры обнаружена посуда, а в северной на дощатом полу — останки погребенного. Судя по большому количеству древесной трухи и железным скобам, покойник был закрыт деревянной крышкой. По останкам выяснено, что он лежал вытянуто на спине, головой на запад, его левая рука чуть откинута в сторону, а правая вплотную прижата к туловищу, кисти рук находились под тазовой костью, а ноги чуть раздвинуты в стороны. Голова положена на затылок, но уже после освобождения от связей она завалилась на правую сторону. Длина костяка от черепа до пяточных костей 165 см (рис. 3).

По сохранившимся *in situ* предметам можно подробно восстановить форму, покрой и примерный размер одеяния захороненного.

На костяке и под ним найдено много предметов, украшавших одежду, головной убор и обувь, изготовленных из листового золота. Рядом обнаружены предметы вооружения, туалета, а также утварь.

Различной формы золотые пластины, бляхи и бляшки с головного убора в основном не потревожены, они лежали на запад от черепа, занимаемая участок 65×30 см. Причем золотая статуэтка аржара, венчавшая головной убор, находилась в 65 см от черепа. Часть пластин-украшений по мере деформации и разрушения шапки меняла свое месторасположение. Всего на головном уборе было 150 предметов (рис. 4, 8, 9).

У черепа с левой стороны обнаружена золотая серьга с зернью и подвесками из бирюзы. На шейных позвонках покоилась золотая трубчатая гривна с наконечниками в виде головы тигра. На туловище от шейных позвонков до сочленения тазовых костей с большими берцовыми слои лежали золотые бляхи с изображением морды хищника кошачьей породы (рис. 10), треугольные бляшки и пронизки — украшения верхней и нижней одежды. Всего около 3000 штук. Мелкие бляшки (их большинство) имели бронзовую основу в виде тонких пластин.

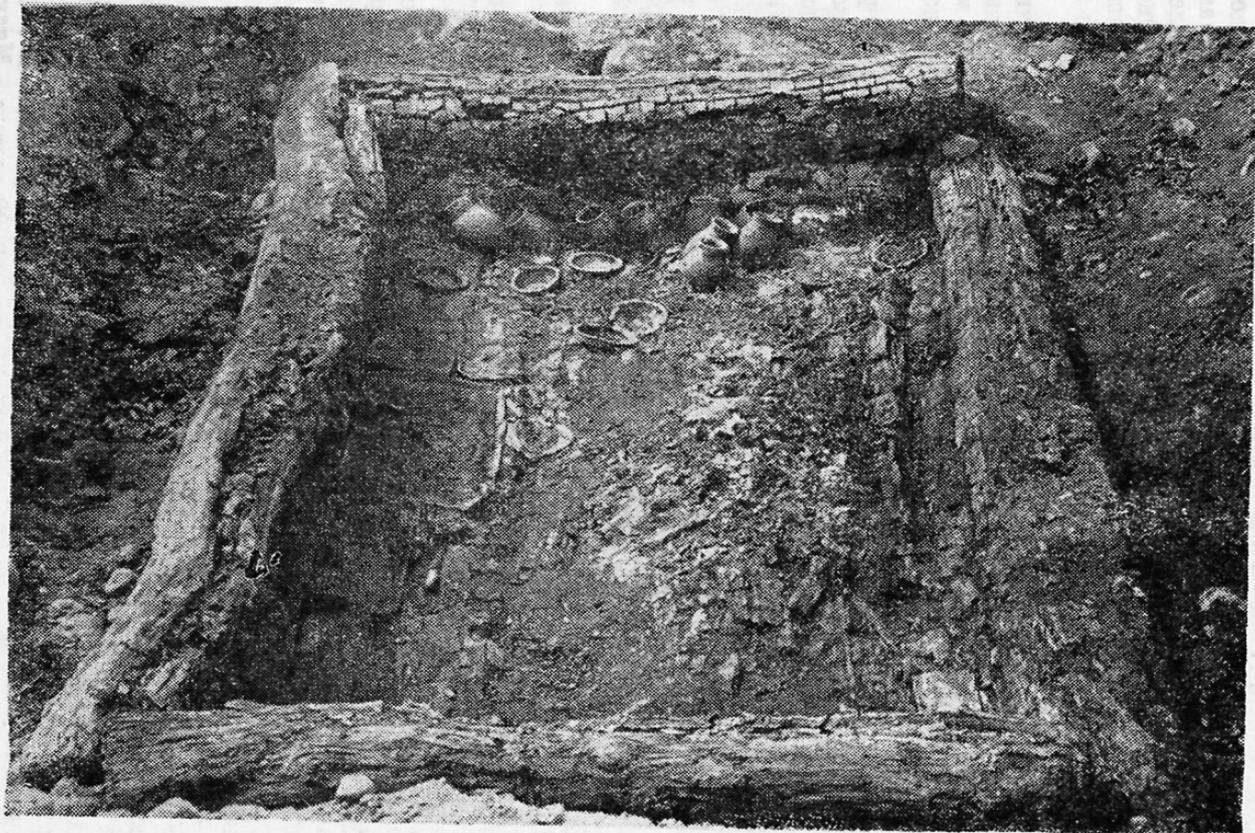

Рис. 2. Останки человека и инвентарь в погребальной камере.

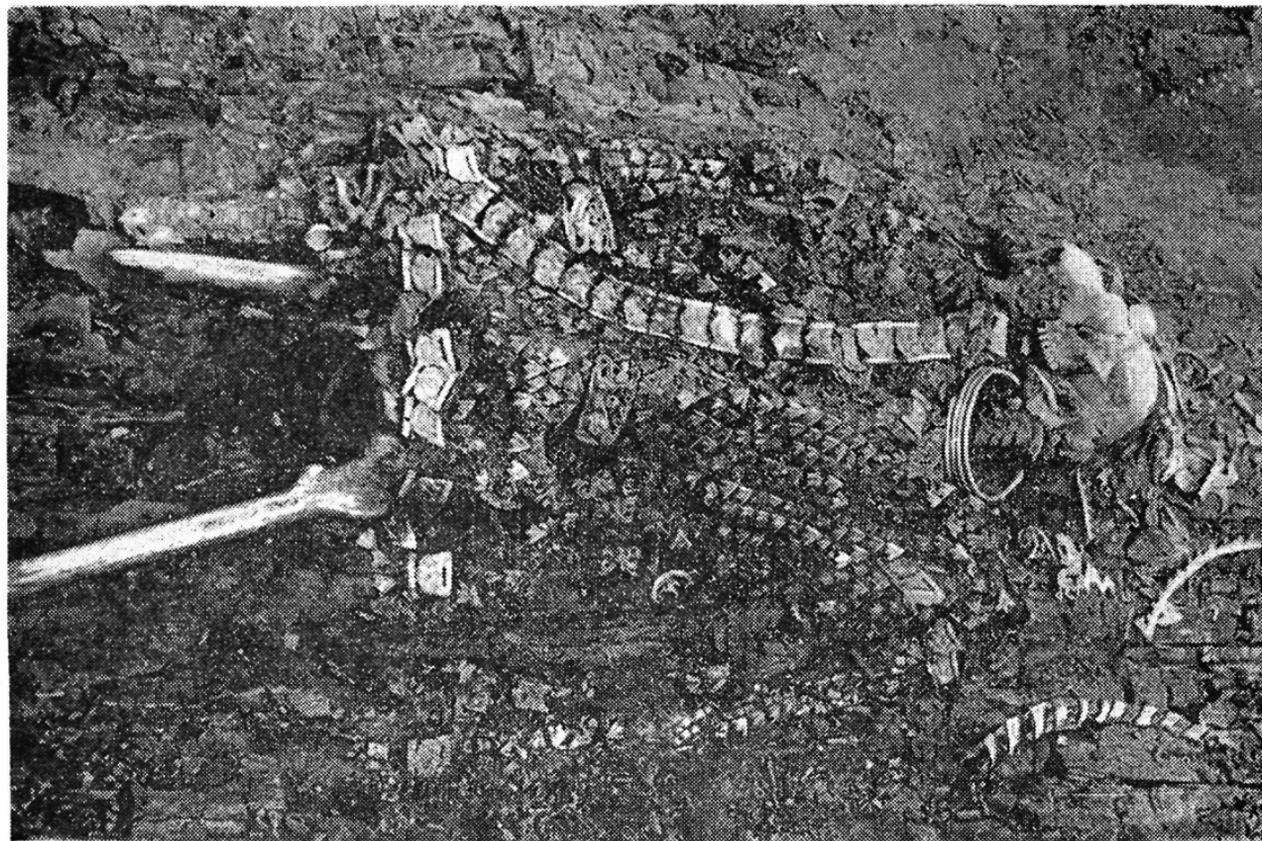

Рис. 3. Фрагмент погребального обряда.

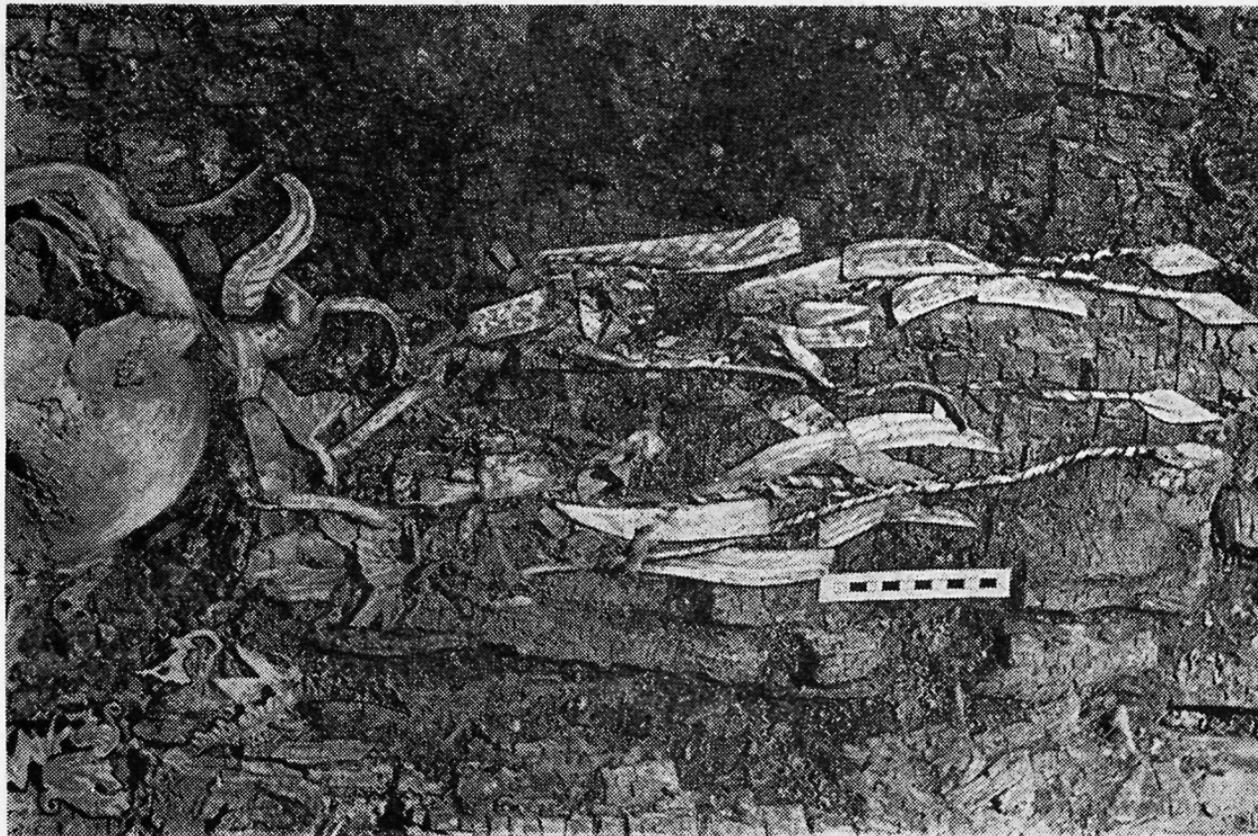

Рис. 4. Расположение золотых украшений на головном уборе.

В области поясицы поверх блях верхней одежды находились крупные четырехугольные бляхи-накладки от наборного ремня. Всего таких накладок 16, три из них крупные массивные в виде лежащего оленя и остальные более мелкие в виде оленьей головы. Все они на обратной стороне имеют припаянные серебряные ушки овально-прямоугольной формы. На крупных накладках их по четыре, а на мелких по два на углах по диагонали. С внешней и внутренней стороны вдоль больших берцовых костей найдены мелкие золотые прямоугольные обоймицы на бронзовой основе. Они в виде канта были нашиты на матерчатые шаровары. На малых берцовых костях от щиколотки почти до коленного сустава лежали золотые треугольные бляшки, украшавшие голенища обуви (рис. 5). Форма их и расположение совершенно аналогичны тем, которые они имели на верхней одежде. Вокруг малых берцовых костей ниже коленного сустава и вокруг костей голеностопного сустава встречены прямоугольные золотые бляшки, близкие по форме и размеру нашитым на шаровары. Они окантовывали верх голенища и место соединения его с головкой обуви. Среди костей фаланг пальцев верхних конечностей обнаружены два золотых массивных перстня с круглыми щитками. Один из них перстень-печатка с горельефным антропоморфным изображением.

С правой стороны костяка у костей правой нижней конечности найден железный меч с рукоятью, заходящий почти под тазовую кость и инкрустированный золотом. Меч имеет серповидное навершие и брусковидное сломанное под тупым углом перекрестье. По остаткам выяснено, что меч находился в ножнах, деревянный верх которых был окрашен в коричневато-розовый цвет. Лезвие меча, как и кости правой ноги до половины большой берцовой кости, разрушены при попытке ограбления, поэтому длина меча может быть установлена лишь по размеру аналогичных мечей. Около рукояти меча найдены три золотые пронизи, одна из них большая цилиндрической формы, остальные две — кольцевой.

Слева между костями левой руки и туловища обнаружен железный кинжал, рукоять и клинок которого богато инкрустированы золотом. У кинжала зооморфное навершие, почковидное или бабочковидное (разрушено) перекрестие. От ножен кинжала сохранились две пластины-накладки с зооморфными изображениями, две бляхи-обоймы для перекрестных ремней. Судя по лежавшей в первоначальном положении на лицевой стороне пластине-накладке верхней части ножен, кинжал перевернулся. Под кинжалом, но также *in situ* находились бляхи-обоймы. Возможно, что кинжал в момент захоронения покоился на животе погребенного, а затем при разложении трупа перевернулся и упал. Вторая пластина-накладка, украшавшая низ ножен, оказалась с левой стороны около малых берцовых костей левой нижней конечности. Она лежала вместе с бляхой в виде полого конусовидного колпачка со стерженьком-перекладкой внутри. По-видимому, ее перетащили сюда грызуны.

Рис. 5. Золотые украшения голенищ сапог.

Пластины-накладки ножен украшают реалистично выполненные изображения оленя и лошади с вывернутыми крупами.

С левой стороны костяка у локтевого сустава найдена символическая стрела, состоящая из длинного древка и треугольного «наконечника» из листового золота. Им покрыт и верхний конец древка. Вы-

Рис. 6. Глиняные сосуды.

ше (западнее) нее лежали остатки рукояти нагайки, обернутой широкой лентой из листового золота. Далее у черепа выявлено большое бронзовое зеркало с кусочком охры на нем. Оно оказалось в окружности из мелких прямоугольных золотых бляшек, которыми была обшита сумочка. Мелкие различной формы бляшки отмечены и в других местах, вне костяка — справа от него, в промежутке между ним и сосудами, а также среди сосудов, западнее черепа. Таким образом, всего в камере насчитывается около 4000 золотых изделий.

В погребальной камере кургана обнаружен 31 сосуд. Они изготовлены из глины, дерева и металла. Найдены также серебряная ложка и деревянный черпак. Посуда размещена в определенном порядке: у южной стены камеры стояли деревянные сосуды, а у западной — глиняные и металлические.

Глиняную посуду можно разделить на кувшины и миски (рис. 6). Кувшины двух подвидов: один с удлиненным, сильно раздутым туловом, невысокой, но хорошо выраженной горловиной, умеренно отогнутым наружу венчиком и плоским дном; другой со слабо отогнутым

венчиком, менее выраженной горловиной и почти прямыми стенками тулова. Некоторые экземпляры обоих подвидов имеют очень толстую (до 5 см) донную часть и скошенное на одну сторону донце. Кувшины сделаны на гончарном круге (вертящейся подставке) из хорошего теста, все красного лощения и печного обжига. Размер их: диаметр венчика 8,3—9,3 см, тулова 12—14 см, донца 6—8 см, высота 17—20 см.

Глиняные миски (6 шт.) трех подвидов: со слабо отогнутым венчиком и хорошо профилированной прямой горловиной; с сильно отогнутым и с широкой закраиной венчиком и глубоким желобом вокруг горловины и, наконец, с чуть отогнутым венчиком, переходящим в тулово. Тулово мисок низкое, резко переходящее в выпуклое дно, которое иногда уплощено. Миски изготовлены на гончарном круге, из хорошего теста, печного обжига. Их размер: высота 6—6,5 см, диаметр венчика 14—17 см, тулова 13—16 см.

Деревянная посуда сделана из березы, ока трех видов: блюда, миски и черпак. Блюда (4 шт.) прямоугольной формы с невысокими бортиками, скошенными наружу, выполнены из цельного куска березы. Они овальные, большие (67,5×37,5 см) и поменьше (46×29 см). Высота бортика блюд 3 см. Из четырех блюд удалось собрать лишь два.

Миски (6 шт.) очень плохой сохранности, но по отдельным крупным фрагментам можно восстановить форму и размер. Это низкие с пологими стенками сосуды с профилированным венчиком, отогнутым наружу вниз и уплощенным дном. Толщина стенок 1,3 см, высота мисок 4,0 см, диаметр венчика 18 см.

Черпак в виде чаши с отогнутым наружу вверх венчиком и раздутым туловом, переходящим в плоское дно. На тулове чуть ниже венчика имеется отверстие, в которое вставлялся шпенок ручки. Ручка (длина 25 см) резная в виде одиннадцати округлых валков, переходящих в круглое сечение; она заканчивается резным набалдашником. Чаша черпака выточена на токарном приспособлении. Диаметр венчика и тулова 9,5 см, высота чаши 5,7 см. Толщина стенок 1 см, дна 3,2 см. Толщина ручки по разрезу рукояти и валков 2,5 см. Три фрагмента аналогичной ручки лежали на остатках миски, стоящей у черпака.

Металлическая посуда представлена серебряными и бронзовыми предметами. Во фрагментах найдена бронзовая, по-видимому, литая миска. По ним полностью восстановлена ее форма. Миска имела прямой утолщенный венчик, плоское дно и двустороннюю позолоту.

Две чаши и ложка серебряные. Одна чаша большая с широким, горизонтально отогнутым венчиком, переходящим в умеренно выпуклое тулово, заканчивающееся фигурным донцем. На внешней поверхности венчика по кругу выгравировано 32 кружка (диаметр 0,8 см). Внутри чаши в средней части имеется орнамент в виде концентрических окружностей. Чаша кованая, донце изготовлено отдельно. Оно в форме восьмилепестковой розетки с невысоким кольцевым поддоном.

К тулову чаши донце прикреплено серебряными заклепками (8 шт.). Диаметр венчика чаши 15,6 см, поддона 4,2 см, высота 3,8 см. Вторая чаша также кованая, с прямым венчиком, плавно переходящим в выпуклое тулово. На донную поверхность острым инструментом нанесены две строки надписей из 26 знаков. Диаметр чаши 7,7 см, высота 2,2 см (рис. 7). Ложка кованая, серебряная, с длинной круглой в сечении ручкой, конец которой изогнут в виде большой петли, завершающейся головой птицы с длинным острым клювом. Ложка частично разрушена.

Таким образом, полная сохранность Иссыкского захоронения дала возможность восстановить детально не только погребальный обряд, но и реконструировать форму головного убора, одежду и обувь, воспроизвести расположение на них украшений и иных атрибутов, распределение на ремне оружия и способы его крепления. Далее попытаемся реконструировать форму и орнаментацию головного убора, одежды и обуви.

Трудно ответить на вопрос, в какой хронологической связи находились центральное и боковое захоронения в Иссыкском кургане. Причиной этого являются отсутствие инвентаря из центральной могилы, деформация его в результате неоднократного ограбления и чрезвычайно рыхлый аллювиальный грунт (щебень и крупная галька), что не позволило выяснить соотношение уровней залегания могильных ям. Мы склонны считать, что оба погребения в Иссыкском кургане синхронны, однако возможно и подхоронение какое-то время спустя. В таком случае хронологический разрыв невелик, в пределах одного столетия. Но более вероятно, что оба захоронения синхронны, а если так и если учесть, что они находились под одной насыпью, то, видимо, умершие были из одной семьи или состояли в близких кровнородственных отношениях. Причина смерти их неизвестна, но бесспорно, что захороненный в боковой могиле не был лицом, сопровождавшим погребенного в центральном сооружении. Пышность захоронения и сказочное богатство одежды свидетельствуют о том, что в южной могиле покоилось лицо, занимавшее высокое общественное положение. В то же время расположение могил под насыпью кургана указывает на взаимоотношения высшего и низшего, старшего и младшего, существ-

Рис. 7. Серебряная чашка с надписью.

вовавшие между ними в обществе и в семье. Безусловно, что в основной центральной могиле был захоронен человек общественно значимей помещенного в боковой могиле.

К сожалению, мы ничего не знаем об обряде погребения в центральной могиле, можем лишь утверждать (исходя из указанных положений), что он значительно пышнее и богаче, чем в южной. В остальном, включая и конструкцию погребального сооружения, обряд в обоих случаях идентичен, поэтому по обряду в южной могиле можно судить о нем и в центральной.

По нашему мнению, погребальное сооружение возводилось следующим образом. На выбранном участке был вырыт котлован прямоугольной формы, ориентированный длинной осью З—В, размером примерно $4 \times 3,5$ м, глубиной 2,7 м. На дне его был поставлен бревенчатый сруб — погребальная камера. Высота ее намного меньше высоты могильной ямы, поэтому верхние бревна обнаружены на 1,2 м ниже поверхности погребенной почвы. Погребальная камера также прямоугольной формы, ориентирована длинной осью З—В. Конструкция ее весьма проста: бревна определенной длины уложены друг на друга и образуют стенки камеры. На углах бревна, составляющие продольные (длинные) и поперечные (короткие) стены камеры, между собой не связаны, а лишь соприкасаются. Эта укладка предотвращает завал. Торцовые концы бревен продольных и поперечных стен камеры на углах поочередно заходят друг за друга. Если в западной части камеры в левом углу концы бревен продольной стены касаются бревен поперечной стены с внутренней стороны, то в правом углу концы бревен поперечной стены касаются внутренней стороны второй продольной стены, в восточной половине камеры этот же прием повторяется, но порядок сопряжения бревен на углах обратный.

В погребальной камере бревна стен уложены в пять рядов. Сверху камера перекрыта также бревнами, уложенными поперек на длинные стены. Всего бревен наката десять. Дно камеры выстлано хорошо обработанными и плотно пригнанными друг к другу досками, уложенными вдоль длинных стен. Досок также десять, ширина их 13—14 см, толщина 3,5—4 см. На полу находились останки и погребальный инвентарь. По-видимому, участок пола, предназначенный для покойника, был устлан матерчатой подстилкой, расшитой мелкими золотыми бляшками, которые мы обнаружили по сторонам костяка, особенно много между ним и деревянными сосудами. По существовавшему и устойчивому ритуалу усопший, облаченный в блестящую парадную форму и при полном вооружении, был положен на спину, головой на запад, лицом вверх (судя по сохранившейся *in situ* начальной части головного убора). Кисть правой руки лежала на пахе, а левая рука была откинута в сторону. Вдоль правого бедра, рукоятью к поясу, вероятно подвешенный к портуpee, плашмя был помещен железный меч в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ремни портуpei украшали золотые кольцевые обоймы и пронизь с рельефным изо-

бражением головы тигра. С левой стороны между туловищем и левой рукой найден перевернутый железный кинжал в деревянных ножнах, обернутых кожей и украшенных двумя золотыми пластинами с изображениями в зверином стиле и двумя цилиндрическими бляхами-обоймами для перекрестных ремней с рельефными изображениями свернувшегося волка. Рядом с покойником у локтя левой руки лежала

Рис. 8. Бляха с изображением барса и мотивом горного пейзажа.

символическая стрела с золотым «наконечником», выше нее — нагайка, рукоятка которой обернута спиралью из широкой золотой ленты, еще выше — матерчатая (шелковая?) туалетная сумка, в которой обнаружены бронзовое зеркало и красная краска.

Останки, очевидно, были закрыты дощатой крышкой в виде прямоугольного ящика, об этом свидетельствует слой древесной трухи на костяке и железные кольцевые скобы, скреплявшие доски на стыках.

После окончания обрядовых действий с погребаемым на полу камеры расставляли сосуды с заупокойной пищей и ритуальную посуду.

К последней относится серебряная чашечка с надписью и бронзовая с позолотой миска, стоящая в стороне от других. В ней было несколько золотых фигурных пластинок в виде клюва и когтей хищной птицы. Ни в одном из сосудов не обнаружены кости животных — остатки мясной пищи, выявленной почти во всех раскопанных в этом регионе захоронениях сакского и усуньского времени.

Рис. 9. Бляха в виде фигуры лошади.

Мы уже отмечали, что посуда размещена в определенном порядке. Отдельно стояли сосуды глиняные и деревянные, в каждой группе имелись различные виды посуды. Так, у южной стены камеры находилась деревянная посуда, у стенки на заднем плане в два ряда были поставлены четыре блюда, а на переднем — миски и черпак. У задней стены в один ряд вплотную друг к другу располагались глиняные кувшины, перед ними — миски, среди которых были две серебряные чаши и ложка. Одна бронзовая чаша стояла в изголовье захороненного.

Участок пола у восточной стены камеры оказался не занятым ве-

щами, в результате между телом покойника и деревянными сосудами образовался проход. Очевидно, вход в камеру был именно с восточной стороны. Беспшатырские курганы служат тому подтверждением⁶. После свершения ритуала над телом и размещения инвентаря камеры перекрыли короткими бревнами, заполнили яму грунтом, вынутым во время рытья могилы, а затем возвели насыпь.

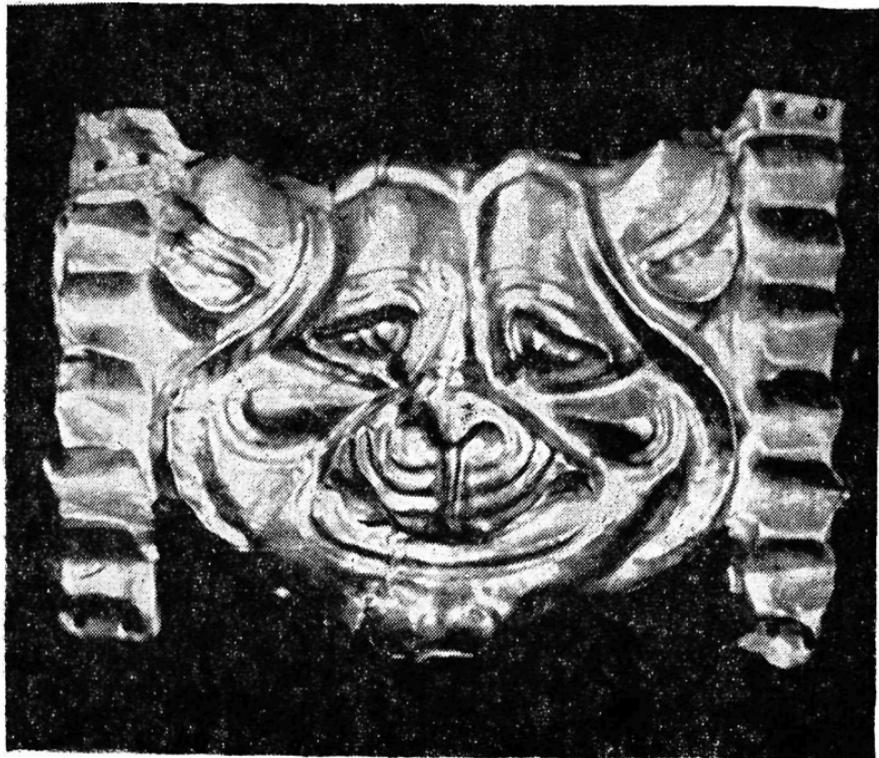

Рис. 10. Бляха с изображением морды хищника кошачьей породы.

Нам трудно восстановить все этапы погребального обряда той далекой эпохи. Но все же можно представить такую картину. Длинная траурная процессия медленно движется к месту погребения. Впереди мужчины, возможно жрецы, несут погребальные носилки с телом усопшего, с которых ниспадает расшитая золотом накидка и колыхается в такт движения, за ними шествует вереница людей с ритуальными сосудами и пищей, а далее следуют родственники, воины, со-

⁶ К. А. Акишев. Культура саков долины р. Или (VI—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 57.

племенники, съехавшиеся со всех концов подвластной территории. Погребальное сооружение давно готово, и находящиеся возле него отправители культа ждут своего часа, когда тело будет передано им и они завершат процесс таинственно-торжественного отправления в вечный мир. Наконец, похоронная процессия достигает конечной цели. Огром-

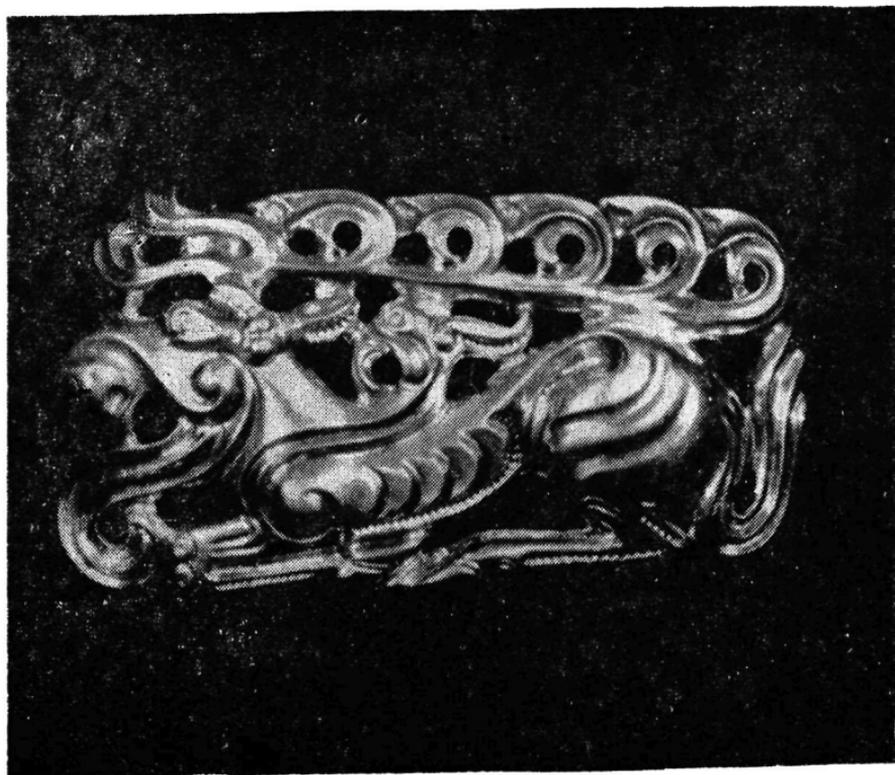

Рис. 11. Бляха-накладка — украшение ремня.

ная толпа, в том числе родственники, остаются наверху, в камеру спускаются лишь жрецы с телом, чтобы положить усопшего в отведенном месте, предварительно подстелив под него снятую с носилок накидку. Они же расставляют на полу камеры многочисленные сосуды в том порядке, в котором мы застали их во время раскопок, и закрывают камеру заготовленными бревнами. Только после этого тысячи соплеменников приступают к возведению огромного погребального кургана. Так могло быть. Но в какой степени это достоверно, мы, вероятно, никогда точно не узнаем. «Летопись» Иссыкского кургана ничего не сохранила для нас и о совершенных жертвоприношениях и о тризнах. Они, конечно, были.

К сожалению, ахеменидские и античные письменные источники содержат мало сведений о погребальном обряде племен сакско-скифского времени. Если о скифах известно, что они возят тело умершего вождя по всем родо-племенным подразделениям, священно почитают могилы предков и на могиле приносят жертву мечу и солнцу, то об азиатских саках известно еще меньше, лишь то, что над прахом своей царицы Зарины они возвели грандиозный курган и поставили на нем золотую статую. Эти сведения важны, но их слишком мало даже для неполного представления о погребальном обряде и, конечно, они значительно меньше той информации, которую дает археологический материал. Поэтому при всей гипотетичности наших рассуждений он не только ярко, но сравнительно объективно позволяет воспроизвести картину одного из возможных вариантов бытовавшего погребального обряда.

Критериями датировки иссыкских находок являются формы навершия и перекрестия кинжала и меча, некоторые художественно-стилистические особенности предметов прикладного искусства (мотивы свернувшегося хищника, статичная поза горных козлов, поверженных с вывернутой половиной туловища животных и зверей), разновидность глиняных сосудов, типичных для сакской культуры. На основе этого мы относим курган к V в. до н. э.

В результате раскопок Иссыкского кургана получено большое количество ценной информации для разных гуманитарных наук: истории, истории материальной культуры, истории искусства, истории письменности и языка, палеоантропологии Казахстана. Последующее обобщение, возможно, принципиально изменит некоторые концепции в этих науках.

Предварительный анализ части полученных данных представляется важным для определения новой точки зрения на уровень развития социально-экономических отношений, культуры и искусства, этно-культурных связей саков Казахстана. Меняется наше представление о вкладе казахстанских скотоводческих племен в мировую цивилизацию.

Находки в Иссыкском кургане по количеству (4000 шт.) золотых изделий, высокой технике изготовления предметов украшения, вооружения и быта, по сохранности захоронения, позволяющей восстановить погребальный обряд знатного сака и все атрибуты парадного годовного убора, одежды и обуви, уникальные.

Новое слово в эпиграфику Востока вносит так называемое иссыкское письмо. Ныне с большим основанием можно ставить вопрос о том, что саки — древние обитатели Казахстана — уже в V в. знали письменность, хотя еще явно преждевременны выводы о языковой принадлежности этих племен. Иссыкская находка — это открытие, имеющее значение для всемирной истории.

Н. П. ПОДУШКИН

О ХОЗЯЙСТВЕ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ АРЫСИ В I—IV ВЕКАХ

Стационарные исследования, проведенные на ранних поселениях долины р. Арыси — Караул-тобе и Джарты-тобе, — дали материал, позволяющий судить о направлении производственной деятельности человека того времени. Многочисленные поделки из камня, изделия из металла, кости, керамики характеризуют его хозяйственную деятельность и основные формы хозяйства. Анализ полученных орудий труда и других предметов материальной культуры наряду с данными письменных источников и специальных исследований предоставляет возможность в общих чертах определить уровень и особенности экономической и культурной жизни общества того времени¹.

Период рубежа нашей эры совпал в истории Казахстана с развитием железного века, с эпохой широкого освоения человеком железа — этого важнейшего из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории². На обширных пространствах Казахстана складывались экономические основы кочевых, полуседлых и оседлых форм хозяйства, определившие на длительный исторический период пути развития и специфику его обществ. Специализация районов обусловливалась целым рядом факторов и, в частности, состоянием развития производительных сил общества и особенностями природных условий местности.

Территория Семиречья и средней Сырдарьи в рассматриваемый период была населена племенами усуней и кангюй. Согласно восточным письменным источникам, основу их хозяйства составляло кочевое скотоводство. «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по прихоти в траве и воде»³. Такая же характеристика дана и образу жизни кангюев. Источники говорят о существовании у них городов,

¹ Н. П. Подушкин, Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 5; его же. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховьев р. Арысь (I—IV вв.). В кн.: «По следам древних культур». Алма-Ата, 1970, стр. 93—107.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 163.

³ Н. Я. Вичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М., 1950, стр. 190.

в частности, усуньский правитель имел ставку в городе Чигу, кангюйский — в Битяне⁴. Скупые сведения письменных источников в последнее время пополнены материалами археологических раскопок, которые свидетельствуют о наличии земледелия у названных племен. Это подтверждают данные, полученные М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в Северной Киргизии⁵, К. А. Акишевым и Г. А. Кушаевым в Семиречье⁶. Исследования, проведенные А. Г. Максимовой, М. С. Мерциевым, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левиной на синхронных памятниках средней Сырдарьи и Т. Н. Сениговой на поселениях Актобе в Каратау, также дали материал о существовании оседлых форм хозяйства в Южном Казахстане в первых веках нашей эры⁷.

Рассмотрим некоторые аспекты этого вопроса на памятниках Караул-тобе и Джарты-тобе. Поселение Караул-тобе, датируемое I—IV вв., расположено на склонах Аксу-Джебаглинского хребта. Природные и климатические условия района исключительно благоприятны для развития комплексного хозяйства и, в частности, таких его основных направлений, как земледелие и скотоводство. Обилие воды, плодородие аллювиальных почв, богатство растительного покрова и животного мира предопределяли развитие данных форм хозяйства в древности.

Возникновение древнейших очагов земледелия в Казахстане и Средней Азии, как правило, связано с предгорными зонами, где имелись для этого условия. В литературе, посвященной истории земледелия и ирригации, отмечается: «Наиболее благоприятными районами для зарождения ирригационного земледелия явились предгорья и горные изолированные долины с аллювиальными террасами небольших рек, покрытыми зеленеющими лугами, с окраинами затухающих селевых потоков, с вершинами дельтовых выносов ручьев»⁸.

В материалах раскопок поселений Караул-тобе и Джарты-тобе отмечены элементы, свидетельствующие о занятии земледелием древних обитателей долины Арыси в I—V вв. Это следы соломы в обмазке жилых помещений, находки зерен пшеницы и проса, наличие толстостенных плоскодонных сосудов типа хумчей и хумов для хранения зерна и других продуктов земледелия и, наконец, обилие зерноотерок.

⁴ Там же, стр. 184—190.

⁵ М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усунские могильники на территории Киргизской ССР. «Вестник древней истории», 1938, № 3-4, стр. 162—179.

⁶ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 162—179; К. А. Акишев. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1969, № 1, стр. 29—30.

⁷ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1969, стр. 233—245; Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 79.

⁸ Б. В. Андрянов. Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 21—22.

Важное значение в экономической жизни древних обитателей верховьев Арыси имело собирательство. Жители поселений, вполне вероятно, занимались сбором таких дикорастущих растений, плодов и фруктов, как горный лук и чеснок, боярка, фисташки, урюк, яблоки. Сезонная заготовка этих продуктов являлась важным подспорьем в пропитании древнего человека. Об этом говорят находки косточек урюка, боярки и фисташки в культурных слоях памятников.

Другой важной отраслью хозяйства было скотоводство. Благодаря раскопкам получен большой костный материал, представленный останками как домашних, так и диких животных. На его основе можно судить о составе стада и предметах охоты. На поселении Караултобе собрано весьма значительное количество костных останков домашних животных: лошади, коровы, овцы, козы. Их оказалось примерно одинаковое процентное соотношение.

Для пастбы животных осваивались преимущественно территории, расположенные вблизи поселений. Зимой и весной скот выпасали в речных долинах и на южных малоснежных склонах Каратау, летом и осенью — в горах на джайлау. Это так называемое вертикальное кочевание. Подобная форма скотоводства была характерна для многих народов, живших в предгорных и горных районах и ведших оседлое или полуседлое хозяйство⁹.

Близкие формы кочевания были присущи древним усуням¹⁰. Эта форма ведения животноводства сохранилась и в настоящее время, о чем свидетельствует практика совхозов и колхозов Тюлькубасского и Сайрамского районов Чимкентской области.

Наряду с земледелием, собирательством и скотоводством немалую роль в жизни поселений Арыси того времени играла охота. Этот подсобный вид хозяйства на протяжении длительного исторического периода в отдельных районах был важным дополнительным источником существования. О значении охоты убедительно говорят и письменные источники.

В процессе археологических исследований ранних поселений Арыси выявлены костные останки таких диких животных, как косуля (елик), таутеке (козерог), архар (горный баран). Интересна находка двух целых черепов самцов архара на поселении Караултобе — животного, наиболее почитаемого у многих племен и народов Казахстана и Средней Азии, с ним связаны древнейшие религиозные представления¹¹. Сцены охоты на этих и других животных отражены в на-

⁹ Т. А. Жданко. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1966, стр. 277—278.

¹⁰ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или, стр. 264.

¹¹ В. А. Литвинский. Кангюско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. Образ барана-производителя (коч) занимал видное место в религиозных воззрениях казахов. Головы архаров ставились в наиболее почитаемых мазарах, у священных родников, деревьев. Название архар сохранилось в топонимике — река Кочкар-ата и в собственных именах — Кочкар и т. д.

скальных рисунках верховьев р. Боролдай и заповедника Аксу-Джебагы, расположенного недалеко от поселения.

Помимо отмеченных форм хозяйственной деятельности, на поселениях I—IV вв. занимались гончарным и ткацким ремеслом и изготовлением орудий труда. Все орудия в основном каменные, находки изделий из железа и бронзы единичны. Дадим им характеристику.

Орудия труда и изделия из камня на ранних поселениях Арысы представлены зернотерками, пестами, терочницами, грузилами, оселками, лопилами, ядрами, сурматашами.

Зернотерки. На поселении Караул-тобе и Джарты-тобе найдено 34 экземпляра. Они ладьевидной формы, донце и боковины их обработаны небрежно, рабочая поверхность гладкая с выемкой, возникшей в результате длительного употребления. Наиболее крупные длиной 45—50 см, шириной 22—25 см, высотой 7—10 см; более мелкие длиной 15—20 см, шириной 10—12 см, высотой 4—5 см (табл. I, 1—2).

Песты. В коллекции 12 шт. Они различны по величине, форме и материалу, из которого изготовлены. Наиболее крупные сделаны из каменной породы серого цвета (песчаник), имеют вытянутую, круглую или подчетыреугольную в сечении форму и хорошо обозначенный рабочий край. Размер: длина 16—20 см, диаметр 8—6 см. Ручка-держак едва обозначена. Рабочий край у большинства пестов выпукло-круглый, что свидетельствует об употреблении их в небольших ступах, дно которых конусовидное, у других, напротив, рабочая поверхность плоская, что является доказательством применения их на плоской рабочей площадке (табл. I, 3—7). Один из пестов использовался как для дробления, так и для растирания. Песты меньшего размера сделаны из черных каменных пород, имеют хорошо обработанную поверхность и четко обозначенную ручку. Интересен миниатюрный пестик в форме катушки (высота 5 см, диаметр 3 см), прекрасно отполированный, с двусторонним рабочим краем (табл. I, 8).

Песты использовались для дробления и растирки камня, глины, красок и растительных продуктов. Их аналогии встречены во многих памятниках эпохи бронзы и раннего железа нашей страны.

Терочки-ступки. Их насчитывается семь. Фрагмент одной из них большой, остальные мелкие. Все круглой формы, плоские. Средний размер: диаметр 8—12 см, высота 3—5 см, рабочее углубление диаметром 4—8 см. Некоторые терочки двусторонние (табл. I, 9—11, 16—18). Аналогий у них, как и у пестиков, много.

Каменные грузила (подвески). Все округлой формы, овальные в сечении, сделаны из серой породы, хорошо обработаны. Размер: диаметр 8—6 см, высота 2—3 см, диаметр отверстия 2—3 см (табл. I, 12—15). Одни исследователи считают эти изделия грузилами для рыбной ловли, другие — грузилами ткацких станков¹². Учитывая, что в

¹² Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 78, рис. 1; стр. 80, рис. 4—6; С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нашхеба в III—V вв. «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 167, рис. 6.

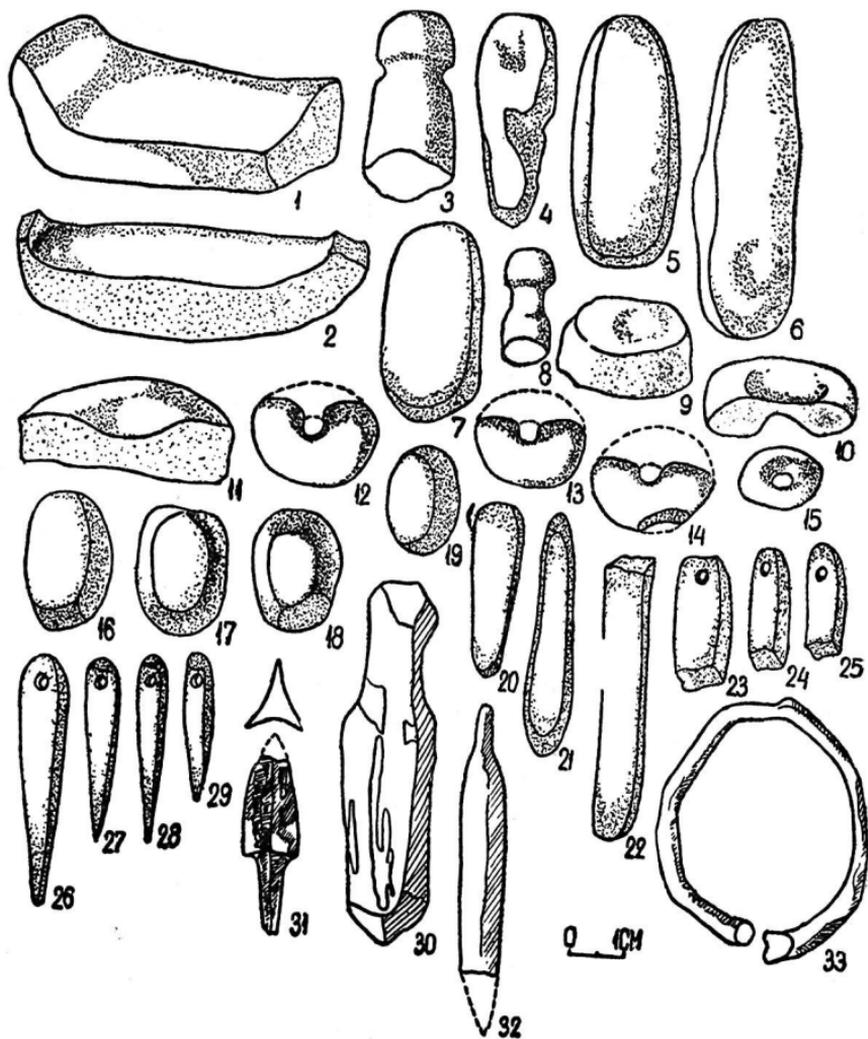

Таблица 1. Изделия из металла и камня из поселений Караул-тобе и Джарты-тобе: 1—2 — зернотерка; 3—8 — песты; 9—11, 16—18 — терочки-ступки; 12—15 — каменные грузила; 16—19 — лоцила; 20—25 — точильные камни, оселки; 26—29 — сурматаши; 31 — фрагмент стрелы; 32 — обломок кинжала, 33 — медный браслет.

верховьях р. Арыси почти отсутствуют возможности для ловли рыбы сетями, мы полагаем, что эти грузила предназначены для ткацкого станка.

Каменные ядра. Круглые, реже овальные. Они применялись в качестве ударного и метательного орудия. Широко известны на памятниках раннеземледельческой культуры¹³.

Лощила. Сделаны из камня темного цвета в виде многогранника, вследствие длительного употребления боковины отполированы. Лощилами заглаживали поверхность керамических изделий (табл. I, 16—19).

Точильные камни, оселки. Служили для затачивания и правки изделий из металла, возможно, кости. Они удлиненно-прямоугольной, реже удлиненно-овальной формы с четко выделенной рабочей поверхностью. У некоторых на одном из концов имеется небольшое сквозное отверстие для подвешивания (табл. I, 20—25).

Сурматаши. Изготовлены из различных горных пород черного и серого цвета, иглообразной формы, у большинства в утолщенной части имеются отверстия для подвешивания (табл. I, 25—29). Как и точильные камни, они найдены на различных памятниках рубежа нашей эры¹⁴.

Из других каменных изделий отметим довольно многочисленную группу каменных пряслиц, в основном плоской и биконической формы.

Находки каменных грузил (подвесок) и пряслиц говорят о развитии ткацкого дела, что подтверждается и отпечатками тканей на керамике поселений. Судя по отпечаткам, ткань грубошерстная, простого плетения.

Деревянные изделия не сохранились, но многочисленные остатки их, например отпечатки деревянных ножен на однолезвийном кинжале, свидетельствуют о применении дерева в быту. Изделия из кости представлены двумя поделками — заготовкой ручки и трехгранной пластиной (назначение не выяснено). На обоих изделиях имеются продольные и поперечные следы среза от какого-то предмета, вероятно ножа. Найдена костяная заготовка ручки для кинжала, вероятно, из рога оленя.

Изделия из металла единичны. На Караул-тобе обнаружен фрагмент железного обоюдоострого черешкового кинжала небольшого размера, трехлопастный черешковый железный наконечник стрелы среднего размера (табл. I, 31—32) и медный браслет.

Небольшие обоюдоострые кинжалы (длина 14—18 см) часто встречаются в кочевнических погребениях Казахстана и Средней Азии

¹³ В. И. Усманова. Керамические ядра из Мерва. Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, т. V, Ташкент, 1960, стр. 35.

¹⁴ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции в 1937 году. Ташкент, 1940, стр. 22, рис. 16; Ю. А. Заднепровский и И. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 18, 1962, стр. 276, рис. 10—12; К. А. Акшишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 96, рис. 77 и др.

рубежа нашей эры. Синхронны им и трехлопастные черешковые наконечники стрел. Длина боевой части 3 см, черешка 3,5—4 см¹⁵.

Из других металлических изделий привлекает внимание медный браслет (табл. I, 33). Он сделан из тонкого плоского листа меди путем свертывания по продольной оси. Оба конца расплющены и напоминают голову змеи, одна из них с раскрытой пастью. Близкие, но более искусно выполненные сюжеты имеются на украшениях сакского времени¹⁶.

Интересны результаты химического и спектрального анализа браслета¹⁷. Поверхность его по цвету несколько отличается от основы. Поэтому в эксперименте были исследованы две части. Мы пришли к выводу, что древние мастера в целях предохранения медных изделий от окисления покрывали их оловом.

Судя по нашим материалам, хозяйство местных племен поселений Арысы I—IV вв. включает элементы земледелия, скотоводства, собирательства и охоты. Такая форма была закономерным следствием социально-экономического развития общества того времени. Большое значение в хозяйственной деятельности населения имели и домашние ремесла, особенно гончарное производство и ткачество.

¹⁵ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этноанализа Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археол.», 1949, № 67, стр. 71—72, рис. 3; Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. «Известия АН КазССР, сер. археол.», 1949, № 67, стр. 120; А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1969, стр. 185, табл. 3; О. В. Обельченко. Миранкульские курганы. В кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 8. Ташкент, 1969, стр. 87, рис. 2 и др.

¹⁶ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура..., стр. 100—101, рис. 81.

¹⁷ Все химические и спектральные анализы металлов проводились Н. В. Бовтута.

Б. Н. НУРМУХАНБЕТОВ

РАННЕМУСУЛЬМАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ БЛИЗ ГОРОДИЩА КУЙРЫКТОБЕ

Историческая топография средневекового города стала предметом изучения со времени становления казахстанской археологии. Вначале она являлась лишь базой для последующих раскопок, а в дальнейшем превратилась в полноценный источник, данные которого используются для выявления особенностей социальной и экономической жизни древних городов.

Интересны в этом плане работы Отрарской археологической экспедиции. Более точные и новые методы (теодолитная съемка в крупномасштабном плане, плановая и перспективная аэрофотосъемка) в изучении исторической топографии древнего Отрара позволили не только уточнить уже известное, но и извлечь дополнительную информацию. Так, при дешифровке аэрофотоснимков центрального бугра были выделены цитадель и шахристан домонгольского города, выяснен характер застройки после монгольского нашествия. Подробная топографическая съемка в сочетании с аэрофотосъемкой дала также ценный материал по определению границы города ¹.

Все это расширяет круг источниковедческой базы по истории средневекового города. Но тематика изучения исторической топографии древнего Отрара пока ограничена рамками исследования собственно города, между тем за его пределами находится еще немало того, что составляет комплекс древностей Отрара. Среди них его некрополь. Так же обстоит дело и с памятниками Отрарского оазиса, которых известно свыше шестидесяти ².

Вся площадь за пределами городищ, где возможно нахождение могильников, утратила свой первоначальный микрорельеф. Особенно изменились окрестности Отрара, Куйрыктобе, Каракунчука. Здесь в настоящее время расположены современные населенные пункты. Поэтому вероятность выявления их погребальных памятников по топографическим особенностям сводится на нет. Первая попытка обнару-

¹ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. В. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 43—50, рис. 1—5.

² Там же, стр. 9—12, рис. 1; стр. 203.

жить нужный объект была предпринята в урочище Канды-Тогай (правильнее Канттогай.— Б. Н.), на северо-западной границе Отрарского оазиса³. Однако ни в одном из девяти курганов следов могильных ям и остатков захоронений не обнаружено. Исследователи высказали предположение, что курганный могильник относится к могильникам с обрядом трупосожжения, хотя никаких признаков сожжения не было зафиксировано. В 1972 г. (по прошествии 22 лет) мы отыскивали этот объект, но не рискнули заложить раскоп, ибо, как нам показалось, многочисленные курганообразные всхолмления, принятые за курганный могильник, образовались в результате различных экзогенных рельефообразующих факторов. К тому же эта местность периодически затапливается водами Сырдарьи⁴, поэтому вряд ли она могла устроить древних насельников как место для кладбища.

Курганный отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции АН КазССР продолжил поиски в том же районе, но по другим направлениям. В результате были открыты и предварительно исследованы могильник в окрестностях городища Куюк-мардан⁵ и раннемусульманское кладбище близ Кууйрыктобе. Собранный археологический и антропологический материал хотя и небольшой, но новый для изучаемого региона.

Кладбище находится на южной границе городища Кууйрыктобе⁶. Здесь сохранилось четыре вытянутых всхолмления, примыкающих с юга к древней оросительной системе. Эти и подобные им бугры⁷, согласно гипотезе А. Н. Бернштама, являются остатками античных поселений⁸. Имеется и другое мнение, что указанные валы — это остатки «магистрального канала с дренами (узкими глубокими боковыми каналами), назначение которых состояло в отводе грунтовых вод... для предохранения протекающей по магистральному каналу воды от засоления»⁹. Эти предположения интересны и спорны. Но именно здесь было обнаружено кладбище. Остановимся на его характеристике.

Раскоп I заложен на южном пологом склоне холма № 1. Расчищено семь погребений. Умершие лежали вытянуто, на правом боку,

³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 24—25.

⁴ Там же, стр. 149; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965, стр. 224; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 10.

⁵ В. Нурмуханбетов. Раскопки погребальных памятников в Южном Казахстане. В сб.: «Археологические открытия 1973 г.». М., 1974, стр. 474; Т. В. Савельева. Некоторые итоги археологических работ в Казахстане в 1972 г. В сб.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 205—206.

⁶ К сожалению, из-за отсутствия генерального плана окрестностей городища указать более точно местонахождение кладбища не можем.

⁷ Еще более отчетливы они юго-западнее городища Алтынтобе.

⁸ А. Н. Бернштам. Древний Отрар. «Известия АН КазССР, серия археол.», 1951, вып. 3, стр. 82—93.

⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 70; см. для сравнения: К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 18.

головой на северо-запад, лицом на юг. Руки у них согнуты в локтях и сложены на груди (рис. 1). Погребальный инвентарь отсутствует. Единственная бронзовая монета саманидского чекана¹⁰ найдена южнее газовых костей погребения 5. Признаков надгробных или иных погребальных сооружений не замечено. Раскоп не доведен до материка. Погребения прослеживаются за его пределами почти по всему бугру.

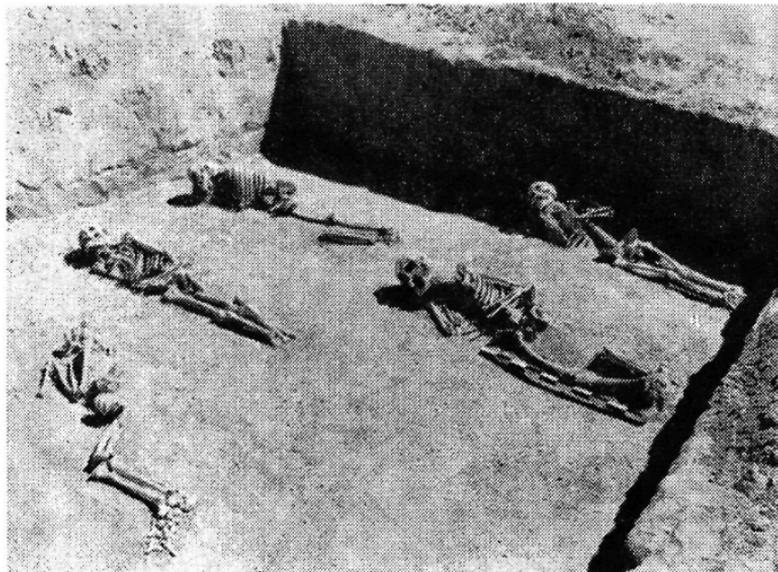

Рис. 1. Раскоп I.

Раскоп II заложен на плоской вершине северной оконечности бугра № 2. При поверхностном осмотре были обнаружены сырцовые планировки и останки погребенных. Расчистка с последующим расширением площади раскопок выявила ряд однотипных захоронений. В пределах снятого пласта обнаружено 12 погребений в кирпичных склепах (рис. 2 и 3). Стенки их сооружены из кирпича-сырца. Кладка рядов ложком без и с перевязкой поперечных швов у торцовых стен. Перекрытия из нескольких кирпичей, положенных поперек боковых стен склепа, или из кирпичей, поставленных наклонно поперек боковых стен склепа. Кирпичи изготовлены в прямоугольной форме размером: толщина 8—10 см, ширина 16—20 см и длина 32—40 см.

Полностью вскрыто 5 из 12 склепов. Умершие уложены вытянуто, на правом боку (погр. 1, 2) или на спине (погр. 4, 5). Ориентированы головой на северо-запад, лицом на юг или вверх (погр. 5). Руки согнуты

¹⁰ Бронзовый фельс, чеканенный в Усрушане от имени Исмаила Ибн-Ахмеда. Год обломан, но упоминание в поле оборотной стороны имени правителя характерно для усрушанского чекана 280 г. х. (843—844 гг.). Определение В. Н. Настича.

в локтях и сложены на груди, частичное отклонение от общей схемы замечено в погребении 4, в котором широко расставленные бедренные

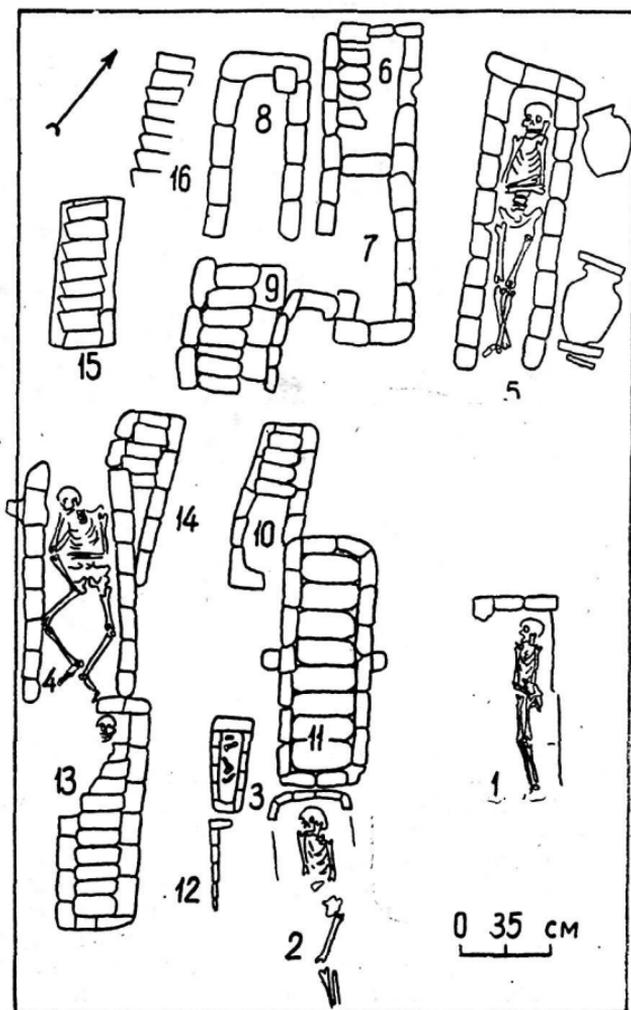

Рис. 2. Раскоп II, план.

и берцовые кости умершего соединены в костях стопы и образуют в коленном суставе прямой угол. Погребальный инвентарь отсутствует. Дальнейшее углубление на отдельных участках раскопа показало, что большинство из вскрытых склепов скрывают под собой подобные по-

гребальные конструкции. Расчищен лишь один из четырех склепов. В нем костяк уложен по описанной схеме. На уровне этого погребального горизонта, ниже пола погребений 5, найдены две хумчи. Раскоп не доведен до материка. Погребения прослеживаются за его пределами почти на всем бугре.

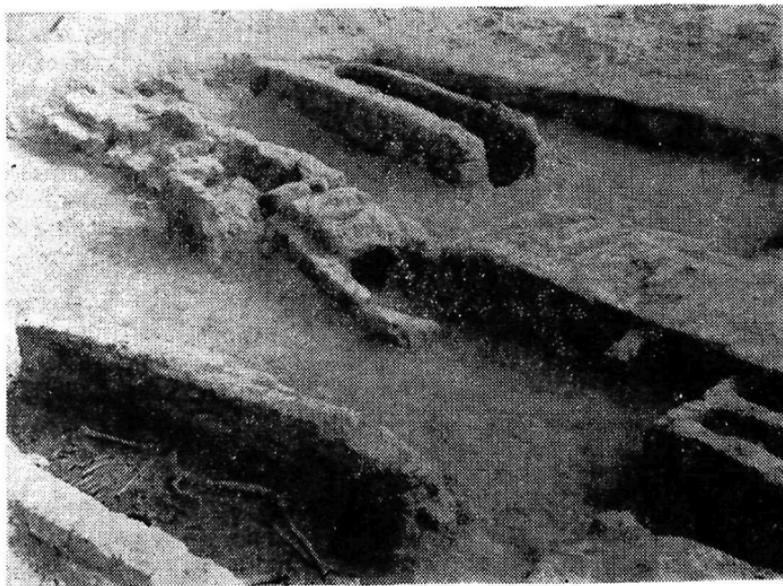

Рис. 3. Раскоп II. Склепы верхнего погребального горизонта.

Раскоп III заложен вдоль внутреннего склона левобережного отвала древнего оросительного канала. Обнаружено 10 погребальных построек. Расчищено семь. По конструкции, строительному материалу и обряду захоронения они ничем не отличаются от склепов из раскопа II (рис. 4 и 5). На западной окраине раскопа, на уровне основания строений, найдено четыре хумчи. Пятая вмазана боком на вершине детского склепа (рис. 6). Раскоп не доведен до материка. Наличие погребений прослеживается за его пределами, включая днище канала.

Все раскопы заложены небольшими площадями и далеки от завершения. Поэтому полученный материал позволяет судить о топографии, типах погребений и хронологии некрополя лишь в общих чертах.

1. Холмы № 1, 2 и примыкающий к ним участок древнего оросительного канала использовались как некрополь. Стратиграфическое наблюдение убеждает в том, что холмы в значительной части выросли из наслоений последовательно перекрывавших друг друга погребальных построек.

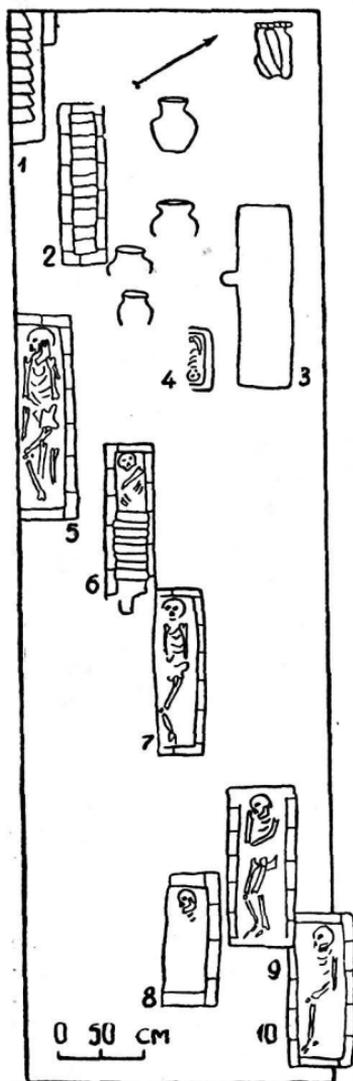

Рис. 4. Раскоп III, план.

док — намогильников — и являются подземными строениями.

¹³ «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 30—31, 34—57; П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. В кн.: «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967, стр. 82, рис. 14.

2. Погребальный обряд представлен труположениями в наземных кирпичных склепах.

3. Незавершенная типологическая характеристика обуславливает общий ко всем погребениям подход при их датировке. Судить о времени погребений в кирпичных склепах можно по датированным аналогиям, сопоставляя как тип погребений, так и материал из раскопок. Аналогии по конструкции склепа и обряду погребения немногочисленны, происходят они главным образом из могильников близ оседлых поселений и городов, прежде всего некрополя городища Баба-Ата ¹¹. Здесь в курганах 5 и 12 выявлено семь прямоугольной формы сооружений. Все они по конструкции, строительному материалу (курган 12) и обряду захоронения напоминают куйрыктобинские склепы ¹². Курганы датированы довольно широко — IX—XIV вв.

Отсутствие погребального инвентаря, северо-западная ориентация и использование сырцовых кирпичей в погребениях характерно и для некрополей городов Чуйской долины. Таковы погребения пятой типологической группы в древнем Сарыге (Краснореченское городище) и захоронения из второго слоя городища Кысымычи (древний Якалыг). По стратиграфическим данным, они датированы XII — началом XIII в. ¹³

¹¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956, стр. 49—50; Е. И. Агеева. Раскопки на городище Баба-Ата. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 185—188.

¹² Баба-атинские склепы в отличие от куйрыктобинских устроены внутри наземных огра-

Значительное число захоронений (62) со сходной конструкцией могил вскрыто на северо-восточном склоне холма Токтау (городище Ток-кала)¹⁴. Здесь, как и в других аналогиях, обкладка из сырцовых

Рис. 5. Раскоп III. Склепы вдоль древнего оросительного канала.

кирпичей сделана в основном внутри прямоугольных ям и в редких случаях выведена на поверхность земли. Изученные цистовые захоронения связывают с поселением Ток-кала IX—XI вв.¹⁵

Надежным ориентиром при выяснении датировки может быть некрополь Миздахкана (Гяур-кала)¹⁶. Материал из более 600 погребений позволил разработать их типологическую классификацию как по способу погребения, так и по типу погребальных сооружений. Интересующие нас погребения категории А разделены по общему типу по-

¹⁴ А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 79, 143—147.

¹⁵ Там же, стр. 147.

¹⁶ В. Н. Ягодин, Т. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

гребальных сооружений на три отдела (А-I; А-II; А-III). Каждый отдел, в свою очередь, по конструктивным особенностям и по форме насчитывает от одного до трех типов (А-I-1; А-II-1, 2, 3; А-III-1, 2, 3)¹⁷.

Рис. 6. Раскол III. Хум на детском склепе.

Вскрытые нами погребения находят аналогии во всех трех типах погребений из Гяур-калы с труположениями категории А¹⁸, которые датируются XI—XII вв. (А-II-3) и XIII—XIV вв. (А-I-1; А-II-2)¹⁹.

Погребальный инвентарь с кладбища, строительные материалы, приемы кладки кирпича обнаруживают сходство с предметами материальной культуры и остатками строительных конструкций городища Куйрыктобе²⁰, что уточняет датировку кладбища XI—началом XII в. Особенно наглядно такое сходство проявляется в третий период жизни цитадели, датируемый IX—XI вв.²¹ По-видимому, эту местность население Куйрыктобе начало использовать как кладбище в период упадка города²². Отчасти поэтому был заброшен и канал, на дне и

¹⁷ Там же, стр. 29—57.

¹⁸ Там же, стр. 34—51, табл. 2, 3, 4, рис. 18, 20, 21.

¹⁹ Там же, стр. 97—99, 100—107, табл. 10.

²⁰ Е. И. Агеева, Г. И. Пазевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 47—60, 53—54, 84—85, 187—196.

²¹ Там же, стр. 57.

²² Там же, стр. 57—58; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В сб.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 30—34; и там же. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 139.

вдоль береговых отвалов которого обнаружены склепы²³. Это предположение подтверждается и мнением о тождестве городища Куйрыктобе — Кедер²⁴.

Локализация Кедера на месте городища Куйрыктобе применительно к нашей теме интересна и в связи с сообщением ал-Макдиси (конец X в.), в котором говорится: «Кедер был новым городом, устройство в нем мимбара вызвало междоусобные войны»²⁵. Этот факт свидетельствует об активном процессе насаждения ислама.

Сведения о внедрении новой религии в данном районе в более ранний период можно найти у Ибн-Хордабеха, Истахри, Ибн-Хаукаля²⁶. Известия иноземных информаторов подтверждаются стратиграфическими особенностями некрополя, последовательностью залегания погребений по вертикали.

Если IX век, установленный по находке монеты для останков людей, захороненных в обычных ямах, является нижней датой кладбища, то XII век — верхней, т. е. периодом сооружения склепов.

По-видимому, ислам исповедовала часть тюрков-огузов в IX—X вв., т. е. в период своего господства в районе Фараба и Кенджида²⁷. Дата XI—XII вв., определенная для вскрытых склепов, приходится на время появления здесь кимако-кипчакского этноплеменного объединения²⁸.

Следует обратить внимание и на расположение кладбища близ мавзолея Арслан-баба²⁹. Это обстоятельство вносит элемент историзма

²³ На руслах канала проводил полевые маршрутные обследования ирригационный отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции под руководством В. А. Грошева.

²⁴ О локализации Кедера см.: К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 32.

²⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I. М., 1963, стр. 234.

²⁶ См.: «Материалы по истории киргиз и Киргизии», вып. 1. М., 1973, стр. 16, 30; «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. I. М.—Л., стр. 144, 184. Аналогичные сообщения Макдиси (X в.) о распространении ислама среди населения Тараза и городов округи приводит Т. Н. Сенигова (Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, стр. 177—178).

²⁷ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 72—75, 116; его же. Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв. (Историко-этнографический очерк). В сб.: «Страны и народы Востока», вып. X. М., 1971, стр. 180—181; его же. Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии. «Тюркологический сборник». М., 1970, стр. 199—200; В. В. Бартольд. Гуз. Соч., т. V, М.—Л., 1968, стр. 524—525.

²⁸ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 190—191; С. М. Ахинжанов. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII—начале XIII века. В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 59—70.

²⁹ Вся территория вокруг мавзолея и поныне используется как кладбище. Отдельные выходы обломков майоликовых облицовок, сырцовых плит и разрозненных костей скелетов на многих свежевырытых могилах свидетельствуют о том, что эта местность использовалась для захоронений еще в домонгольское время.

в биографические данные духовного наставника Ахмеда Яссеви, что, в свою очередь, подтверждает правомерность предположения: «...название Дарваза и-Суфи носили ворота, находящиеся в западной стене» цитадели Отрара³⁰.

Изученные погребения — лишь звено в цепи истории проникновения, распространения и утверждения ислама. Поэтому начатые здесь раскопки надо продолжить вглубь и вширь.

³⁰ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 48.

ГРОБНИЦЫ ТИПА НАУСА У С. ЧАГА (ШАГА)

В 1969 г. во время разведки Южно-Каратауского курганного отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР¹ на север-северо-запад и северо-восток от с. Чага (колхоз им. Чапаева, Туркестанский район) на возвышенностях, тянущихся вдоль отрогов южных склонов хребта Каратау, прорезанных саями, был зафиксирован курганный могильник из 213 земляных насыпей.

В 1970 и 1972 гг. на могильнике проводились раскопки. Мы рассмотрим лишь пять курганов, давших захоронения в гробницах из сырцового кирпича или пахсы.

Курган 67 диаметром с С на Ю 27,9 м, с З на В 30,9 м, высотой 2,2 м (рис. 1, а). Под насыпью, почти в центре кургана, обнаружено погребальное сооружение. В плане оно представляет собой постройку (5,2×5 м) из сырцового кирпича с прямоугольным помещением (размером 2,8×2,2 м) и входным коридором (рис. 2, 3, 4, б). Стены сооружения сохранились на высоту 2,2 м. Оно ориентировано углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий арочный входной коридор (длина 3,3 м, ширина 0,9 м, высота 1,15 м), расположенный по центру юго-восточной стены, с порталом, выступающим за линию стены на 1,85 м. Сооружение воздвигнуто на специальной пахсовой площадке толщиной 50 см. Пол погребальной камеры и пол входного коридора находятся на одном уровне и подняты над бывлой дневной поверхностью на высоту пахсовой площадки.

Стены входного коридора выложены из кирпича (50×20—25×9—10 см), положенного ложком в перевязку на глиняном растворе. В одном и том же ряду встречаются кирпичи, лежащие наружу как длинной, так и короткой стороной (рис. 5, б).

¹ Начальник экспедиции К. А. Акишев. Работы проводились под руководством автора статьи.

Арка образована путем радиально положенных на ребро под углом кирпичей (размером $40 \times 30 \times 10$ см), в центре ее трапецевидной формы кирпич служит как бы центральным распором.

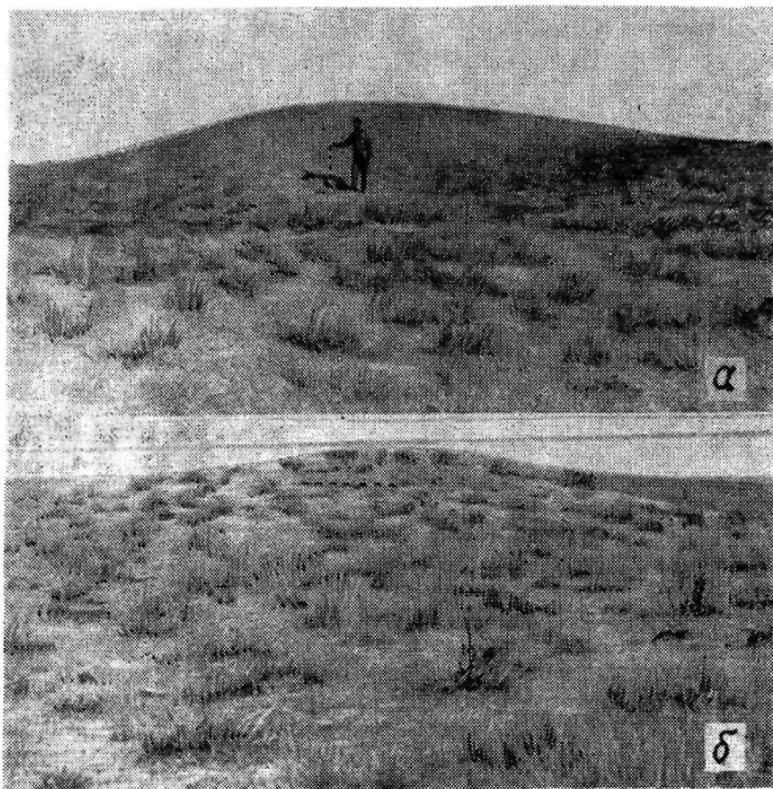

Рис. 1. а — курган 67; б — курган 76. Внешний вид.

Снаружи стены гробницы и четыре нижних ряда (западная, восточная и северная стенки) внутри помещения выложены кирпичом того же формата и той же кладкой, что и входной коридор. Выше четвертого ряда стены сложены из кирпича, поставленного наклонно, на ребро (рис. 6а).

Помещение скорее всего имело перекрытие в виде коробового свода, начинающегося в 80 см от суфы.

Вдоль северной и восточной стен устроена суфа (в виде буквы «Г») высотой 15 см, шириной 75 см из кирпича (размер $40 \times 25 \times 10$ см), положенного в два ряда. Один кирпич по длине лежал вдоль стены, другой — перпендикулярно к ней.

К сожалению, суфа у северо-западной стенки посередине, а также пол под ней и в центре помещения разрушены грабителями. При расчистке завала найдено бронзовое кольцо (рис. 7, 5).

Стены, свод, пол входного коридора, а также стены, пол и суфы внутри помещения оштукатурены (толщина штукатурки 2—2,5 см) и побелены известью или мелом.

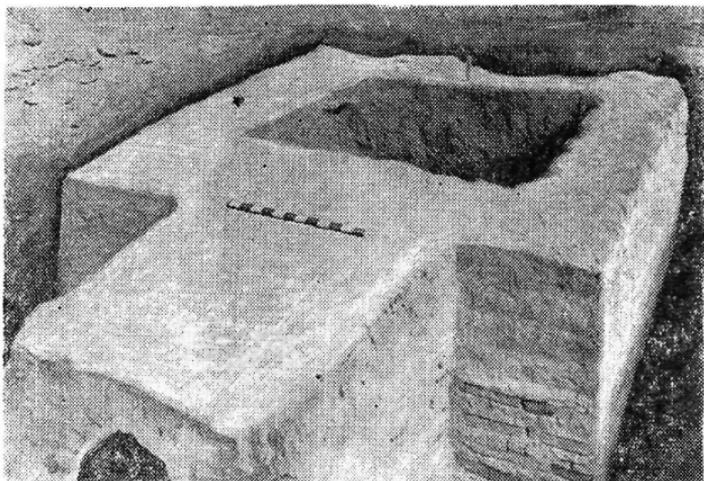

Рис. 2. Общий вид погребального сооружения сверху (курган 67).

Арка входного коридора из помещения оформлена радиально расположенным кирпичом (рис. 5, а).

Снаружи стены слегка скошены внутрь. На бывшей дневной поверхности вдоль стен была глиняная отмостка шириной около 70 см, высотой около 20 см.

В коридоре, в 50 см от входа, отмечен кирпич (размер $40 \times 25 \times 5$ см), положенный в три ряда в длину по длине коридора. В двух рядах — по три кирпича, в третьем — два. Остальная часть входа забита пахсой (рис. 4, а). Вероятно, первоначально вход был заложен кирпичом. Перед кирпичами обнаружены зола и угольки кустарника и, возможно, травы.

При расчистке коридора встречались разрозненные кости скелета человека (ребра, позвонки, бедренная кость). Между кирпичами найден обломок железного ножечка (рис. 7, 12), за кирпичами — нефритовая пряжка (рис. 7, 2).

В помещении, в северном углу, на суфе оказались кости, вероятно, трех человеческих скелетов, сложенные в кучку: тазовые, кости рук и ног, три черепа, ребра, позвонки, крестцовые кости. Поверх костей имелся слой (2—3 см) золы и угольков кустарника. Некоторые кости

носили следы обжига. Можно предположить, что на суфе, вдоль северной и восточной стен, лежало по одному умершему, около входа находился третий.

В южном углу помещения, в слое над полом, найден трехперый черепковый железный наконечник стрелы (рис. 7, 10) и обломки железных предметов (рис. 7, 11, 15—18). При расчистке помещения со-

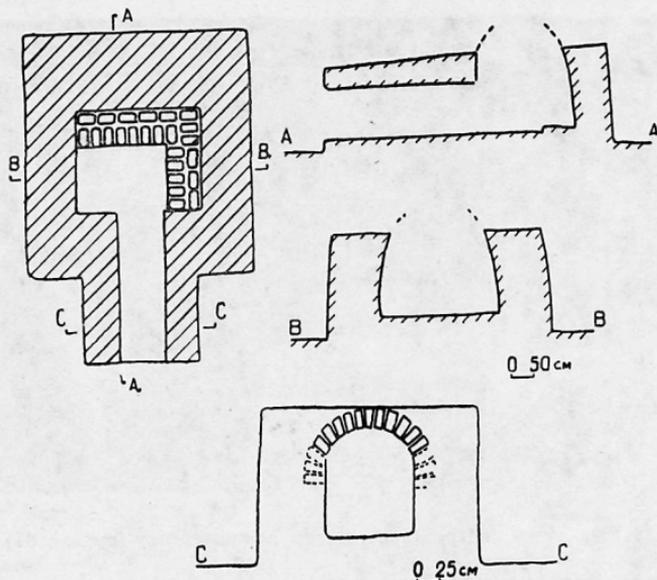

Рис. 3. План и разрезы гробницы (курган 67).

браны обломки боковин кухонных и столовых глиняных сосудов. Кухонная посуда ручной лепки, серовато-темная, с примесью в глине шамота, столовая же сделана на гончарном круге. Черепок у нее плотный, поверхность желтовато-коричневая со следами раскраски.

Интерес представляет согдийская монета с квадратным отверстием, найденная у северо-западной стены погребального сооружения, и бочонковидная бусина из полосчатого агата (рис. 7, 3), обнаруженная у юго-западной стены сооружения. Здесь же встречены обломки сырцового кирпича и кости человека (ребра, позвонки).

Курган 75 диаметром 18 м, высотой 1,2 м. В центре кургана зафиксировано наземное погребальное сооружение. В плане оно представляет собой постройку (5,1×5,15 м) из пахсы с квадратным помещением (2,9×2,9 м) и входным коридором (рис. 8). Стены сооружения сохранились на высоту 1,2 м. Ориентировано оно углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий входной коридор (длина 2,2 м, ширина 0,7 м), не-

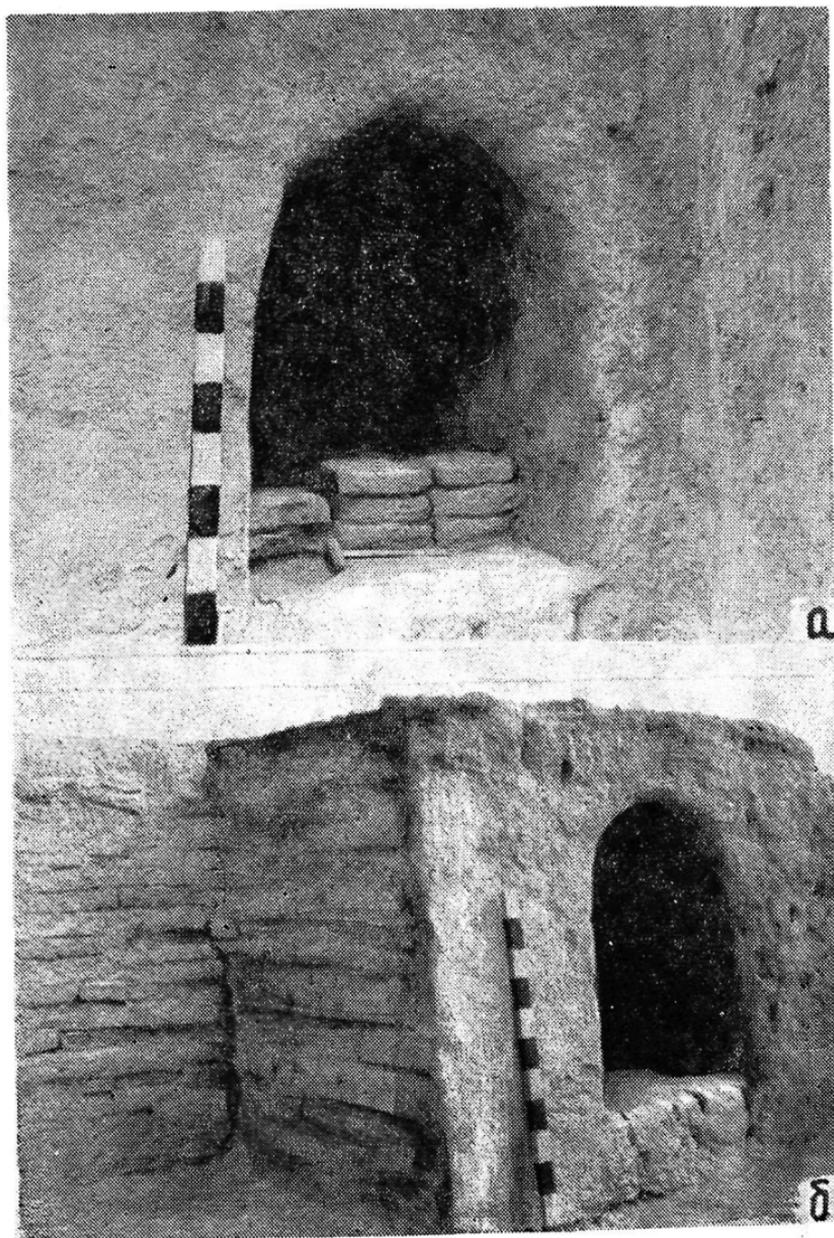

Рис. 4. Курган 67: *а* — входной коридор с остатками кирпича, которым был заложен; *б* — входной коридор с юго-запада.

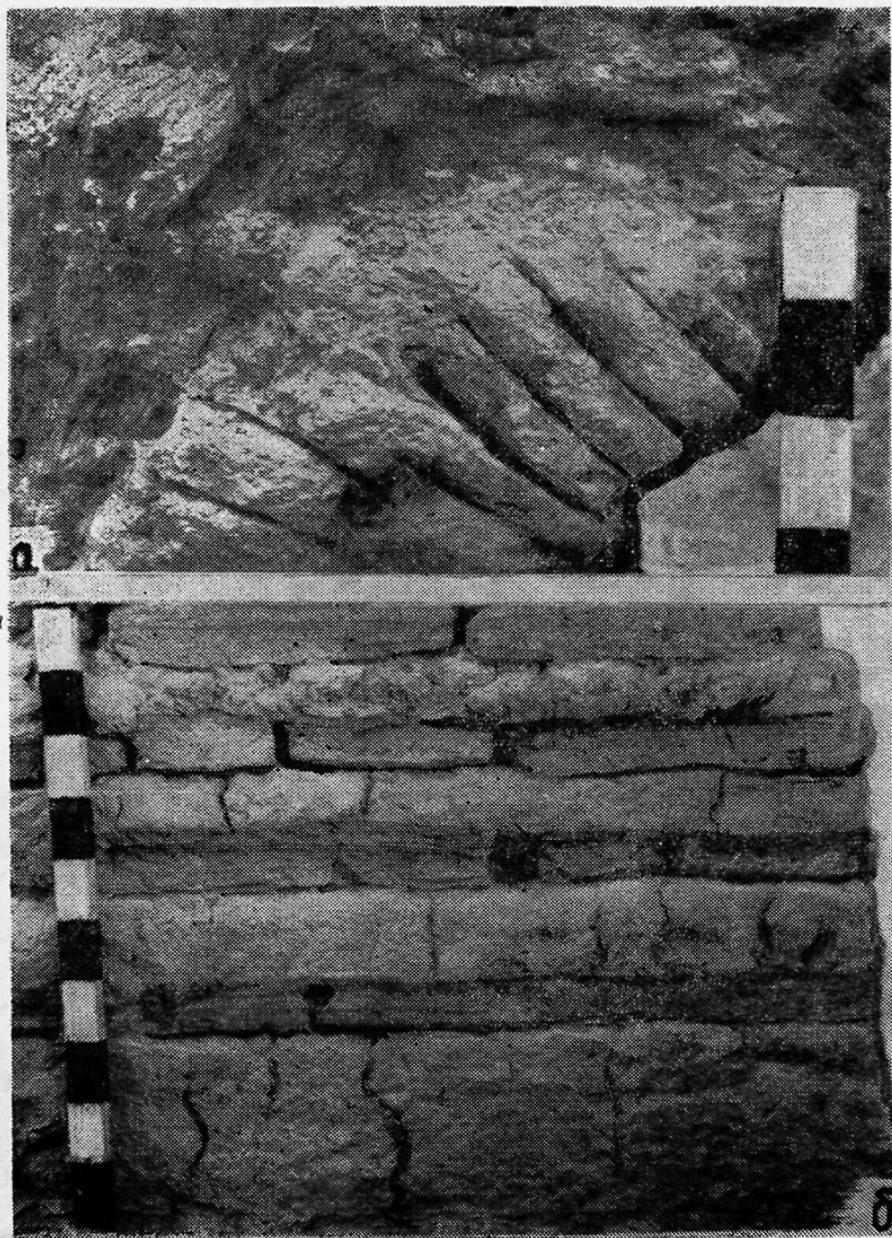

Рис. 5. Курган 67: а — арка входного коридора в помещении; б — кладка кирпича на пахсовой площадке (северо-западная стенка с угла).

сколькo смещенный к востоку от центра юго-восточной стены с порталом, выступающим за линию стены на 1,1 м.

Стены входного коридора, помещения и пол сделаны из пахсы. Пол входного коридора на 10 см выше бывшей дневной поверхности, а пол помещения выше него на 25 см.

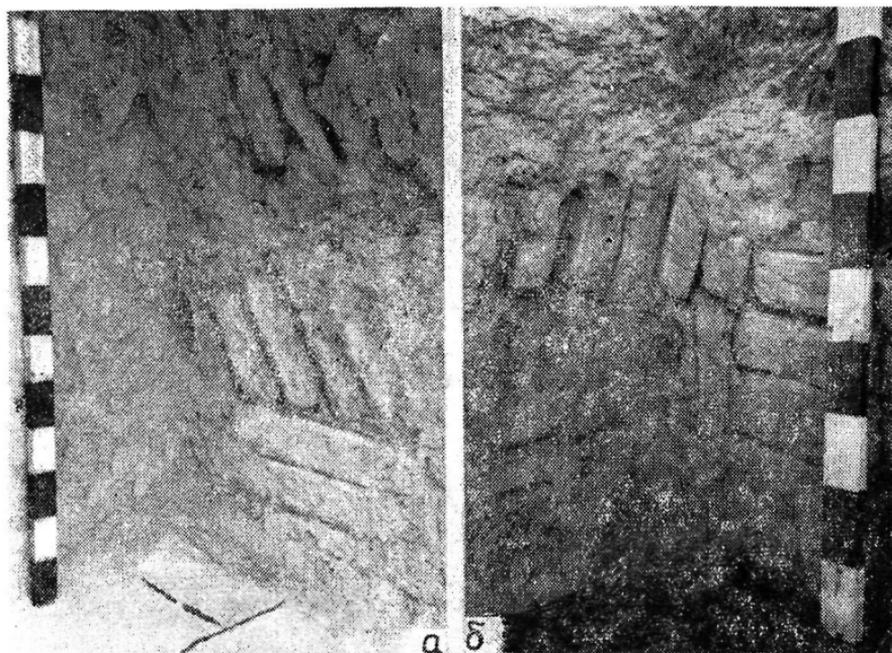

Рис. 6. Кирпичная кладка стен внутри помещения: а — курган 67, б — курган 68.

Вдоль западной, северной и восточной стен помещения — суфы шириной 80 см, высотой 15 см, сложенные из кирпича (размер $40 \times 25 \times 10$ см), положенного в два кирпича. Один кирпич — вдоль стен, другой — перпендикулярно им (рис. 9, а).

Стены, пол входного коридора и помещения, а также суфы оштукатурены (толщина штукатурки до 2 см), возможно, побелены. Снаружи стены слегка скошены внутрь. На дневной поверхности того времени вдоль стен проходит глиняная отмостка.

На глубине 70 см у северо-восточной стенки найдены кости человека (кости ног, рук, позвонки, ребра, обломки черепов), а среди них — угольки. На полу, около суф (в северной части) также лежали кости человека в беспорядке (обломки черепа, кости ног, ребра, позвонки). Выяснить количество погребенных трудно, возможно, их было не более четырех: по одному на суфах и один у входа. На полу у западной суфы обнаружены бусы (8 шт.) из стекловидной массы (рис. 7, 4).

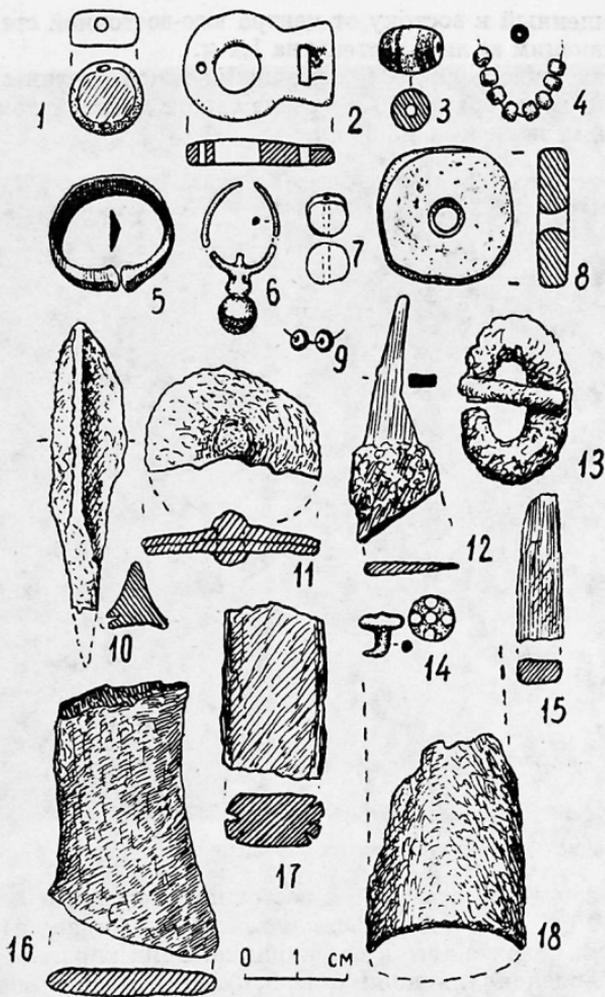

Рис. 7. Вещи: 2, 3, 5, 10—12, 15—18 (курган 68); 4 (курган 75); 1, 6—9, 13, 14 (курган 76).

При расчистке помещения собраны обломки кухонных и столовых глиняных сосудов. Кухонная посуда ручной лепки, серовато-темная. В глине имеется примесь шамота (рис. 10, 7). Столовые сосуды сделаны на гончарном круге. Черепок плотный. Излом и внутренняя поверхность розоватые. По внешней поверхности по светлому ангобу нанесены темно-коричневые потеки (рис. 10, 1—6, 8). Один из сосудов, видимо кружка, имел рифленую поверхность и посередине петлеобразную

вертикальную ручку. На стенках внутри и снаружи у него были потеки темно-коричневой краски по светлому ангобу (рис. 10, 2).

Курган 76 диаметром 12 м, высотой 0,35 м (рис. 1, б). При снятии насыпи, почти в центре кургана, найден глиняный сосуд ручной лепки, с петлеобразной вертикальной ручкой в верхней части тулова (рис. 12, 2).

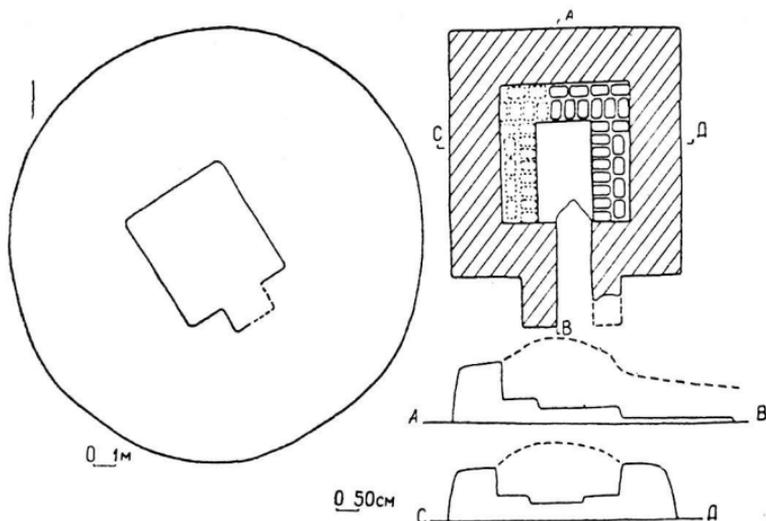

Рис. 8. План и разрез сооружения (курган 75).

В южной части кургана обнаружено наземное погребальное сооружение. В плане оно представляет собой постройку (4×4,2 м) из пахсы с квадратным помещением (2,2×2,2 м) и входным коридором (рис. 11). Стены сооружения сохранились на высоту 1 м. Ориентировано оно углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий входной коридор (длина 1,6 м, ширина 65 см), расположенный вдоль юго-восточной стены и смещенный к западу, с порталом, выступающим за линию стены на 70 см (рис. 9, б).

Стены коридора и помещения, а также пол сделаны из пахсы. Пол помещения и коридора были на одном уровне и подняты над дневной поверхностью того времени на 10 см. Стены и пол внутри коридора и помещения оштукатурены (толщина штукатурки до 2 см), возможно, побелены. Снаружи стены сооружения слегка скошены внутрь. На дневной поверхности вдоль стен шла глиняная отмостка.

На глубине 70 см у северо-западной стенки (по центру) обнаружен скелет человека. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на спине с согнутыми в коленях ногами. Скелет, вероятно, по-

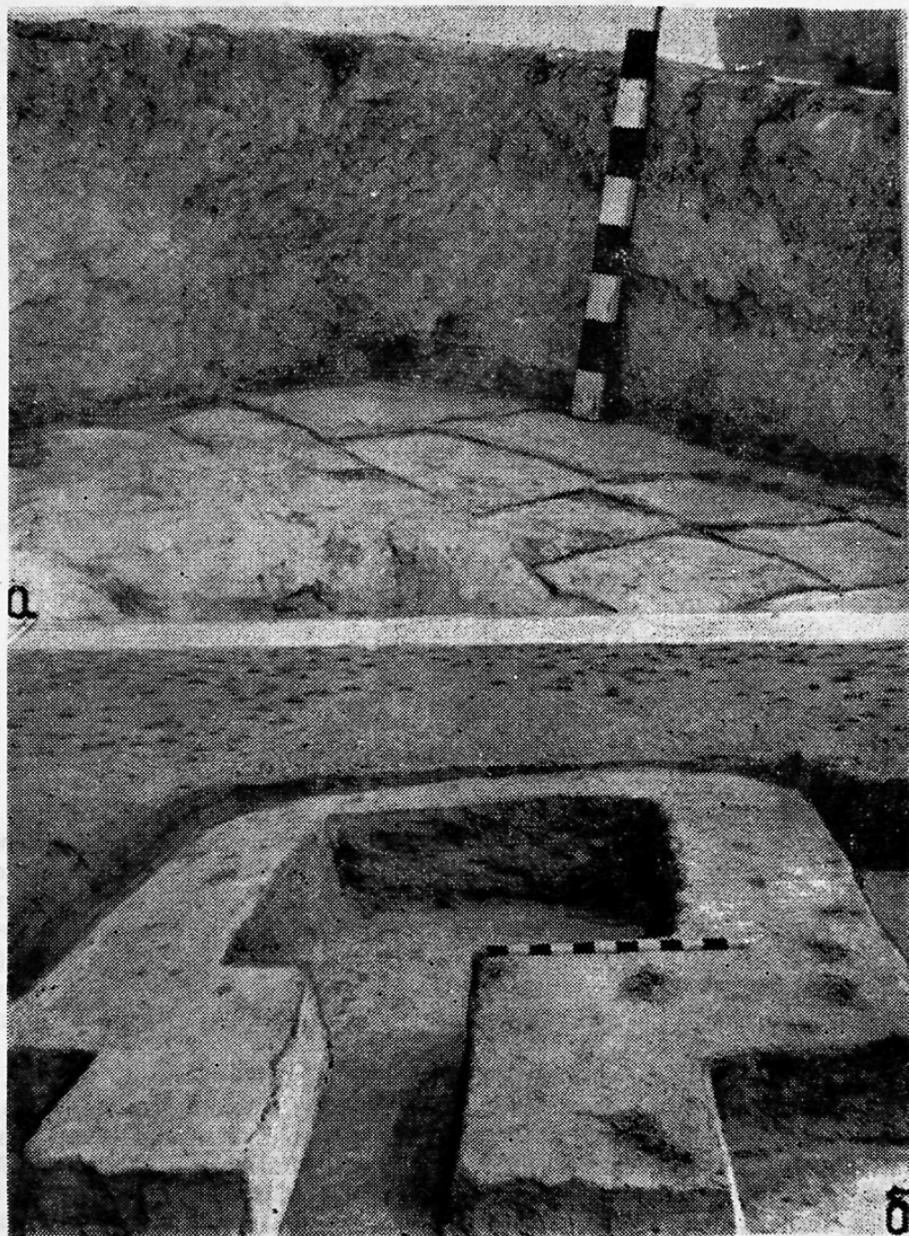

Рис. 9. а — северный угол внутри помещения, суфа (курган 75),
б — вид сооружения после раскопок (курган 76).

тревожен грабителями. Выше черепа на 15 см, у стенки найден глиняный кувшин ручной лепки с вертикальной петлеобразной ручкой, верхний конец которой прикреплен к краю венчика, а нижний — к верхней части тулова. Поверхность его розовато-красноватая (рис. 12,

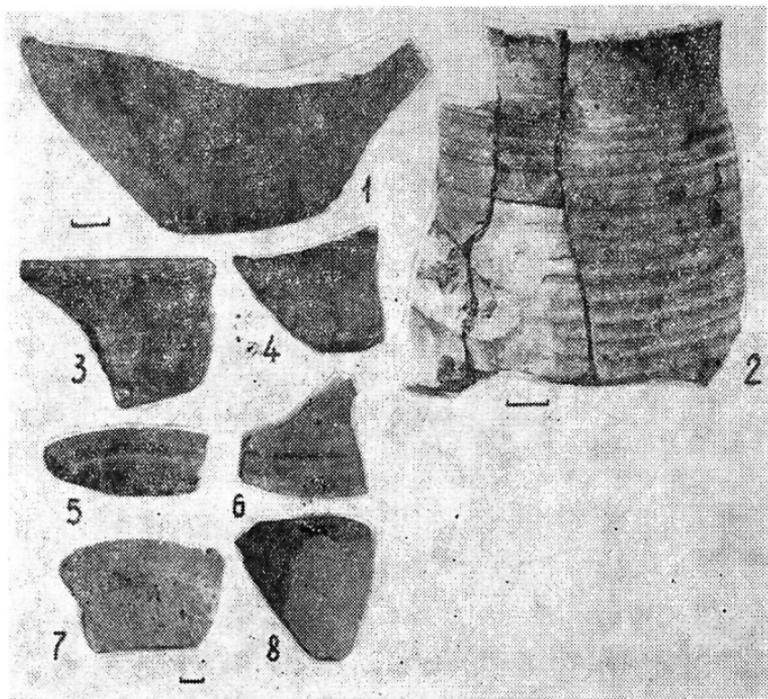

Рис. 10. Обломки сосудов (курган 75).

4). При снятии костей обнаружены две каменные (черного цвета) бусины (рис. 7, 1), железная овальной формы пряжка с откидным язычком (рис. 7, 13), железная наременная бляшка со штифтом с обратной стороны для закрепления на ремне (рис. 7, 14), две перламутровые бусины (рис. 7, 7) и две бусины из стекловидной массы (рис. 7, 9).

На полу (на глубине 0,9 м) в восточном углу и вдоль северо-восточной стенки помещения лежали разрозненные кости человека (ребра, череп, позвонки, кости ног, рук). Среди костей были обломки глиняных сосудов: миски, кувшина, боковин и ручек сосудов, изготовленных ручной лепкой. Миска (рис. 12, 3) в глине имеет примесь шамота и толченой ракушки. Излом и поверхность ее темные. Кувшин (рис. 12, 1, 5) с высокой узкой и удлиненной горловиной, с отогнутыми наружу краями и сливом. От края венчика отходит вертикальная ручка, прикрепленная нижним концом к верхней части тулова. На

верхнем конце ручки — сосцевидный налёт. Сосуд покрыт красновато-коричневым ангобом. На ручке, на самом кувшине внутри и снаружи сохранились следы раскраски красновато-коричневого ангоба.

В центре помещения найдены кости ребенка (обломки черепа, ребра, позвонки, тазовые кости).

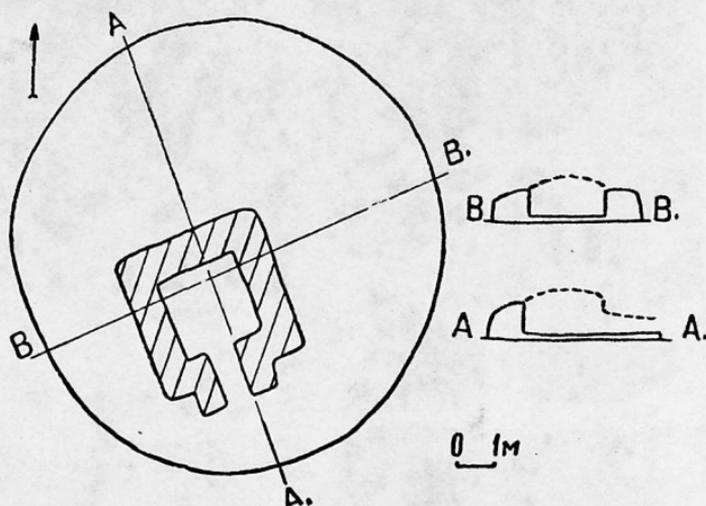

Рис. 11. План и разрез сооружения (курган 76).

У входа в помещение с западной стороны лежала бронзовая серьга (рис. 7, 6).

Курган 108 диаметром 11 м, высотой 0,32 м. Почти в центре кургана было невысокое наземное погребальное сооружение. Оно сильно разрушилось, поэтому точных контуров и высоту его определить не удалось. По всей вероятности, оно в плане имело квадратное помещение (2,2×2,2 м) и входной коридор с выступающим за пределы южной стены порталом. Стены и пол сооружения пахсовые. Оно ориентировано углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий (70 см) входной коридор, расположенный по центру юго-восточной стены.

На оштукатуренном полу, на глубине 40 см от вершины кургана, в основном у восточной стены, обнаружены в беспорядке кости человеческих скелетов. Отдельные кости найдены у западной и вблизи северной стенок. Среди костей встречены как обломки, так и целые кухонные и столовые глиняные сосуды.

Кухонные сосуды (рис. 13, 2—7; рис. 14, 6) изготовлены ручной лепкой, темные в изломе и на поверхности, в глине отмечена примесь толченой ракушки и шамота. Внешняя поверхность закопчена, а на

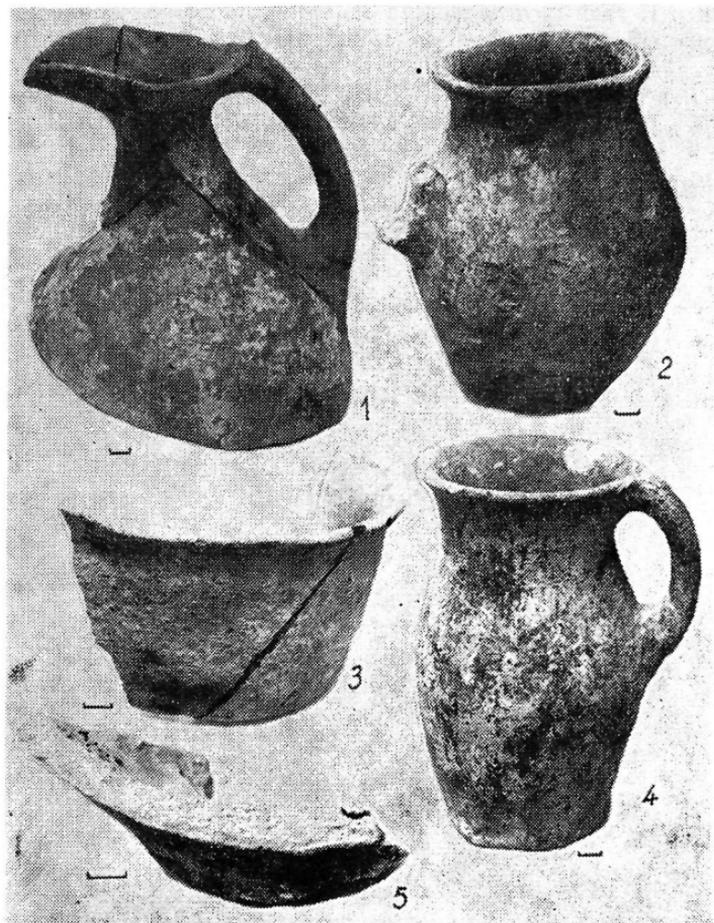

Рис. 12. Сосуды из кургана 76.

внутренней сохранились остатки пригорелой пищи. У некоторых сосудов остатки пригорелой пищи имеются только на внутренних стенках в 4—5 см от дна. Видимо, в них варили кашу, при этом сосуд ставили в золу. Один из них с петлеобразной вертикальной ручкой, верхний конец которой прикреплен к краю венчика (рис. 14, 6).

Столовые сосуды представлены в основном кружками (рис. 14, 1—5, 7, 8), изготовленными, кроме двух (рис. 14, 7, 8), ручной лепкой.

В глине присутствует шамот или мелкотолченая ракушка. Почти все они с вертикальной петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним концом к краю венчика, к верхней части тулова или к нижней части горловины. К этой группе можно отнести горшочек ручной лепки и блюдо (рис. 13, 1), сделанное на гончарном круге, со следами раскра-

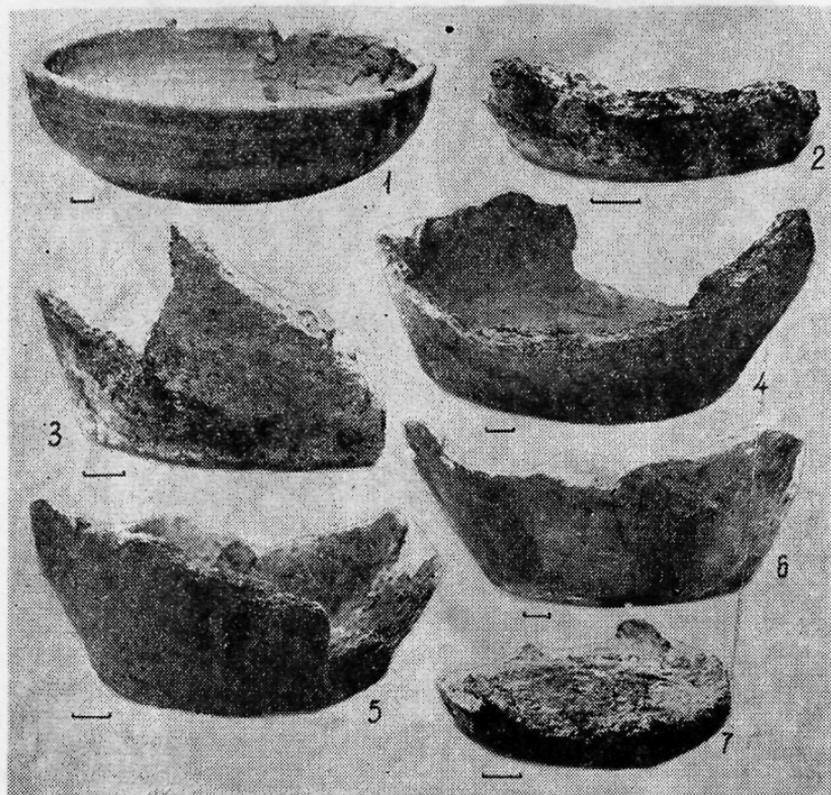

Рис. 13. Миска и днища сосудов (курган 108).

ски красновато-коричневым ангобом. Следы такой же раскраски встречены и на кружке (рис. 14, 7).

Из предметов найдено каменное пряслице (рис. 7, 8).

Курган 68 диаметром 10 м, высотой 0,5 м. Основание погребального сооружения ниже на 70 см уровня современной поверхности. В плане эта постройка размером 4,75×4,6 м с квадратным помещением (2,6×2,6 м). Стены ее сохранились на высоту 1,2 м. Она ориентирована углами почти точно по сторонам света. Из помещения ведет узкий арочный входной коридор (длина 2,35 м, ширина 0,7 м, высота 1 м),

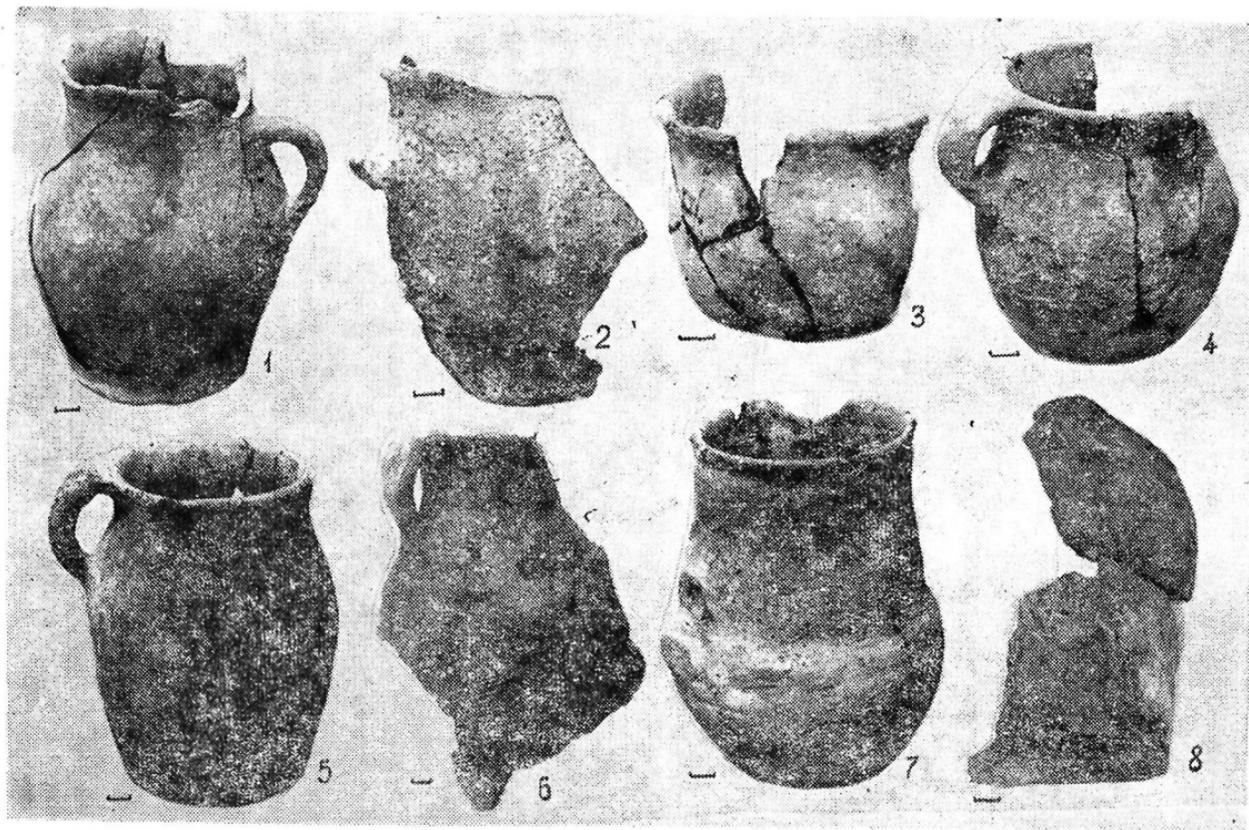

Рис. 14. Сосуды из кургана 108.

расположенный по центру юго-восточной стены, с порталом, выступающим за линию на 1,3 м (рис. 15).

Стены коридора выложены из кирпича (размер $50 \times 25 \times 10$ см), положенного ложком путем напуска внутрь. Стены же помещения (северная, западная, восточная) изнутри выложены кирпичом, постав-

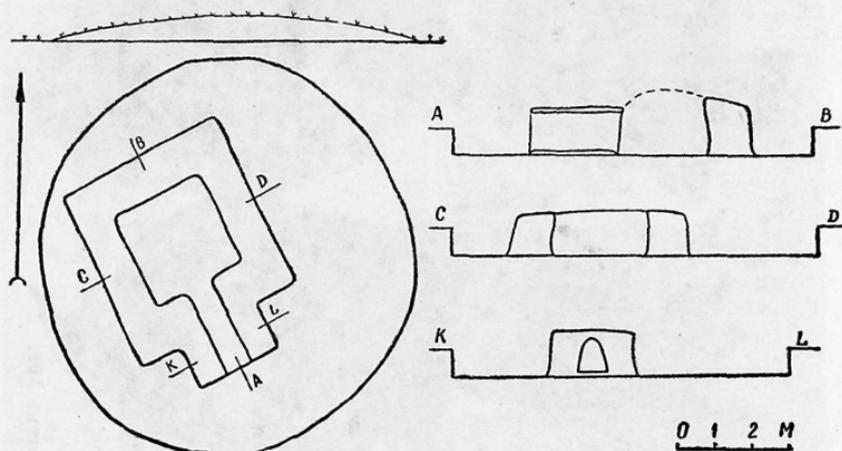

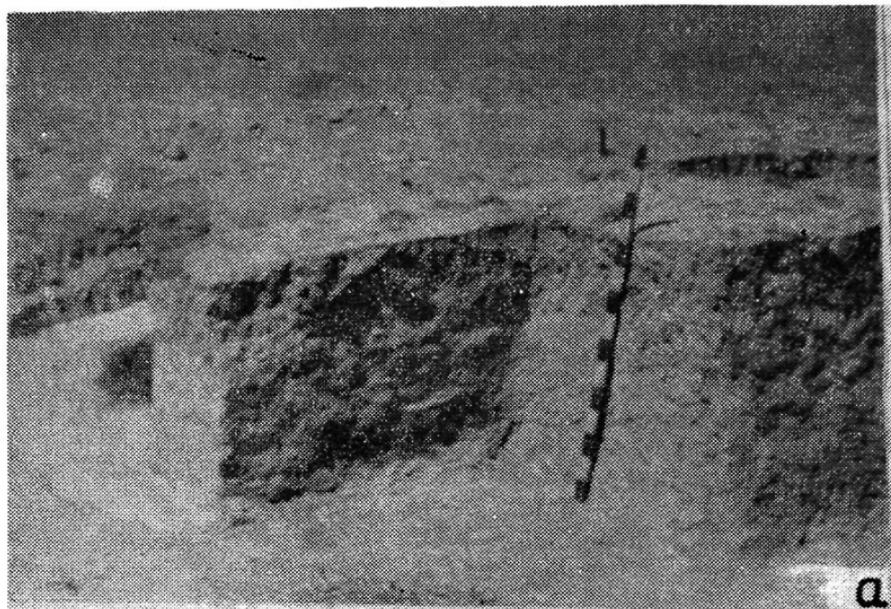
Рис. 15. План и разрезы (курган 68).

ленным с небольшим наклоном на ребро, а снаружи кирпичом, уложенным ложком в перевязку. Но в одном и том же ряду встречаются кирпичи, положенные наружу как длинной, так и короткой стороной (рис. 6, б). Пол входного коридора выложен в один кирпич и на 10 см выше пола помещения и уровня поверхности того времени.

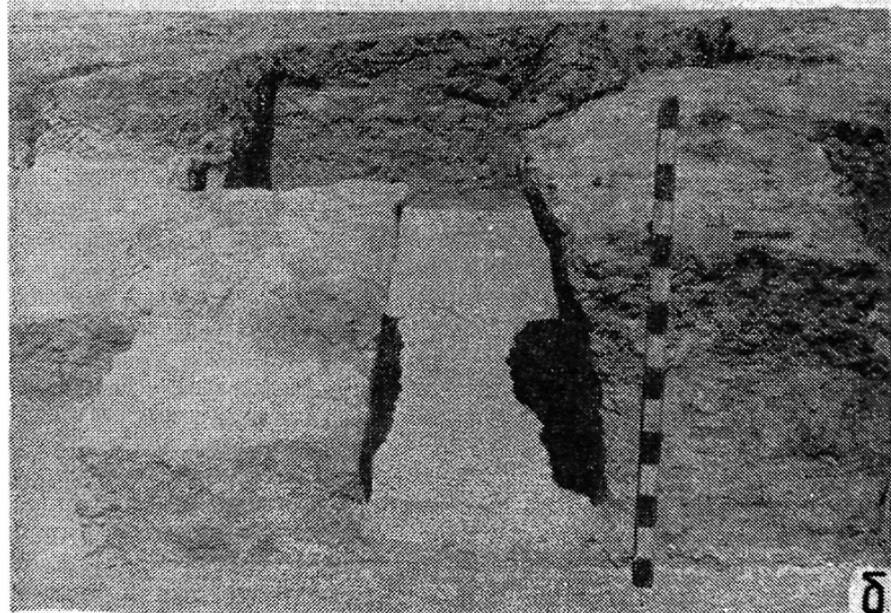
Внутренние и наружные стены, а также пол оштукатурены (2—2,5 см толщиной) и побелены. Снаружи стены слегка скошены внутрь. На дневной поверхности того времени по периметру шла глинобитная узкая площадка — отмостка (рис. 16).

При входе в коридор имеется ряд кирпича (размер 30×30 см), на который поставлены каменные плиты и положены камни. Верхняя часть одной из плит видна на поверхности насыпи. Плиты закрывали вход в коридор.

В коридоре, при входе в помещение, на высоте 45 см от пола обнаружен скелет женщины возмужалого возраста, лежащий на левом боку, со скрещенными ногами и согнутой в локте правой рукой. Левая рука вытянута вдоль туловища. Череп лицевыми костями повернут к входу. Ближе к выходу отмечен скелет собаки (сторожевой?), лежавшей черепом к входу в коридор. Оба скелета покоились на слое земли. По всей вероятности, они погребены последними и выступали в роли стражей, охранявших вход в погребальное помещение (рис. 17, а).

а

б

Рис. 16. Курган 68: *а* — вид погребального сооружения с юго-востока; *б* — погребальное сооружение после раскопок.

При расчистке помещения собрано 25 нижних челюстей, хотя черепов найдено 17, остальные, видимо, разрушились. По предварительному определению антрополога О. Исмагулова, среди найденных черепов имеются детские, подростков, мужчин и женщин зрелого, возмужалого и старческого возраста. К сожалению, не все они хорошей сохранности, поэтому трудно выяснить антропологический тип погребенных. Тем не менее удалось выявить два типа — европеоидный и смешанный.

Захоронения произведены в разное время и принадлежат, вероятно, одной семье. Нами условно выделено три яруса погребений.

В верхнем ярусе (рис. 17, б) вдоль юго-западной стенки находился неполный скелет человека. Судя по костям, погребенный лежал на левом боку, с согнутыми в локтях руками и, видимо, вытянутыми ногами. В северо-восточной части, в 7 см ниже этого захороненного, обнаружено два неполных скелета человека. Северный скелет покоился на спине, головой на восток, а южный — спиной вверх и головой на северо-восток. По всей площади помещения разбросаны в беспорядке кости ног, рук, таза, ребра, позвонки. В восточном углу зафиксировано два черепа, а в южном — один. В этом ярусе собраны глиняные пряслица (рис. 18), обломок бронзового предмета, возможно, язычок от пряжки (рис. 19, 2), каменная туалетная палочка (сурметаш) с отверстием на одном конце для подвешивания (рис. 19, 4), железный черешок от наконечника стрелы (?) (рис. 19, 1). Глиняная посуда из этого слоя представлена кувшинчиком, кружечкой, обломками боковин и венчиков. Она изготовлена ручной лепкой. Кувшинчик (рис. 20, 1) с петлеобразной вертикальной ручкой, верхний конец которой отходит от края венчика и имеет сосцевидное утолщение, а нижний прикреплен к верхней части тулова. Кружечка (рис. 20, 2) с вертикальной петлеобразной ручкой, расположенной по центру сосуда. На противоположной стороне ручки сделан подковообразный налп с насечками (рис. 20, 2, 2а). На внешней поверхности кружечки имеются следы раскраски красноватым ангобом.

По центру погребальной камеры, начиная от входа по направлению к противоположной стенке, шел углисто-золенный слой, размещенный как бы тремя очагами.

Второй ярус (рис. 17, в) расположен на 15 см ниже верхнего. Почти по центру погребальной камеры в направлении с юго-запада на северо-восток обнаружен неполный скелет человека, лежавшего вытянуто на спине. Череп повернут лицевыми костями к входу. Руки согнуты в локтях так, что кисть левой руки находится у нижней челюсти, а правой — на коленном суставе. Бедренные кости перекрещены в коленном суставе (правая лежала на левой). При расчистке скелета под ним найдены угольки и зола. В западной части помещения собрано девять человеческих черепов, оказавшихся рядом. Под черепами и между ними были кости рук, ног, таза, ребра, разрозненные и сочлененные позвонки. В южной части (вдоль западной стенки) зафиксир-

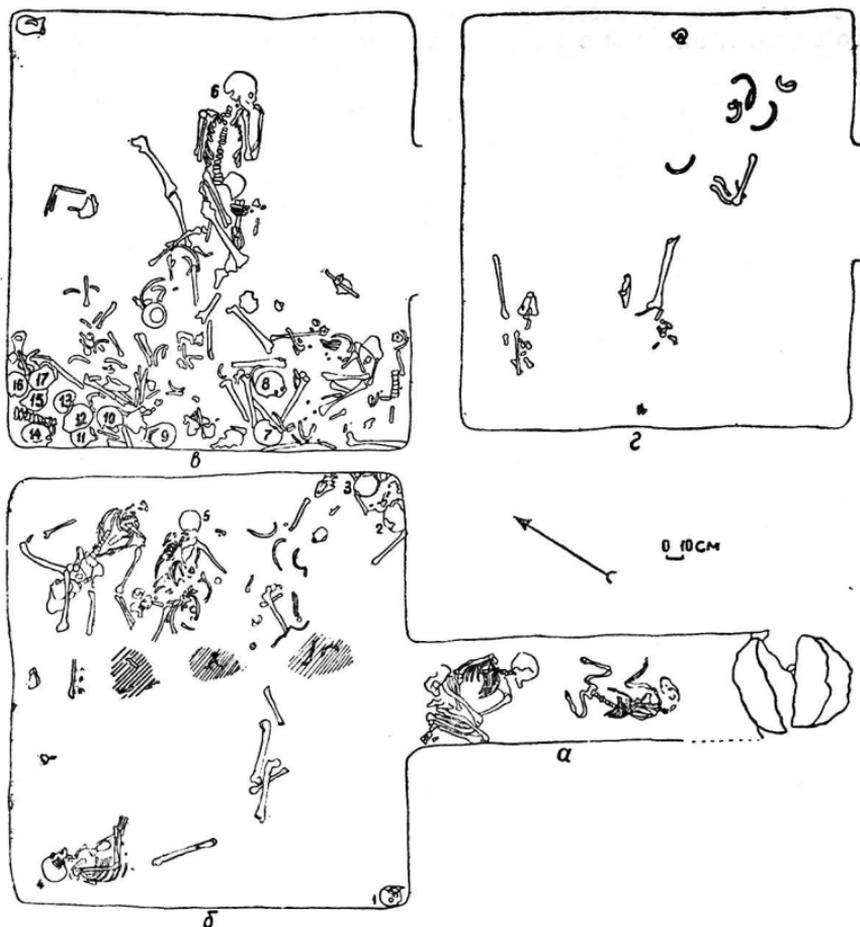

Рис. 17. Захоронения в погребальной камере (курган 68).

рованы разрозненные кости ног, рук, таза, ребра, позвонки, челюсти и два черепа человека. У северо-западной стенки около черепов найден череп собаки, второй череп собаки сохранился у юго-западной стенки. Среди разрозненных костей человека в беспорядке лежали отдельные кости двух собак (кости ног, таза, ребра). Посередине камеры также в беспорядке были кости человека — ног, таза, ребра, нижние челюсти. Среди костей найдены глиняная мисочка ручной лепки с прочерченными внутри на дне линиями (рис. 20, 3), трапециевидная бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 19, 5), глиняные пряслица и грузило (рис. 21, 3), видимо, от ткацкого станка, раковина

каури с отверстием для подвешивания, костяная пронизка (рис. 21, 2), обломок глиняного сосуда ручной лепки (вероятно, от хума), покрытого светлым ангобом с темно-коричневыми потеками (рис. 20, 5), обрывки изделия из кожи (рис. 21, 1). В северном углу обнаружен глиняный кувшин ручной лепки с вертикальной петлеобразной ручкой, верхний конец которой прикреплен к нижней части горловины, а нижний — к середине тулова. Около ручки нарисована тамга в виде веточки (рис. 20, 4).

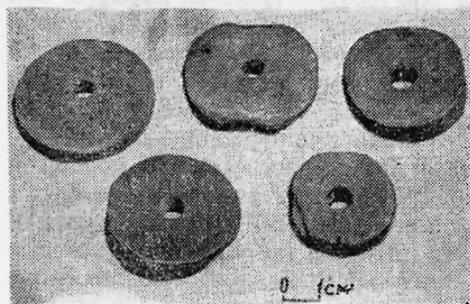

Рис. 18. Глиняные пряслица (курган 68).

зафиксированы в беспорядке разрозненные кости человека. Судя по ним, первоначально был погребен один человек. На полу и в слое над полом встречены обломки глиняных сосудов — миски с перегибом в

В третьем, нижнем ярусе (рис. 17, з), которым является пол погребального помещения,

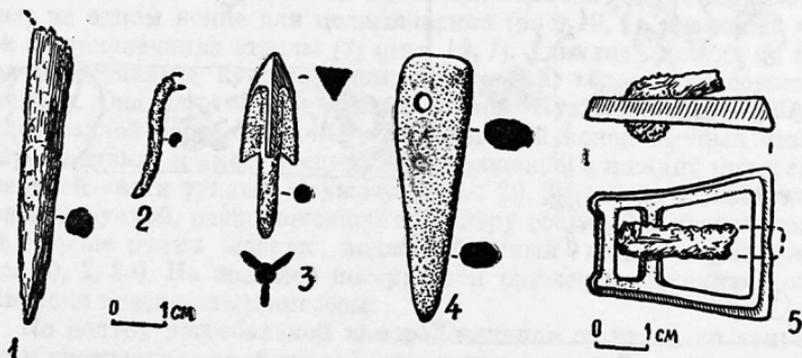

Рис. 19. Курган 68. 1 — черешок от наконечника стрелы (железо); 2 — язычок из бронзы для пряжки; 3 — наконечник стрелы (бронза, случайная находка); 4 — сурметаш; 5 — бронзовая пряжка с железным язычком.

средней части стенок, изготовленной на гончарном круте (рис. 20, 6), боковины кувшина (?), сделанного на гончарном круте с раскраской потеками красной краски по светлому ангобу (рис. 20, 7), и сосуда ручной лепки с темной поверхностью и темным в изломе, в глине его была примесь толченой ракушки, на стенках и на дне внутри сохранились остатки углистого слоя. Возможно, это жаровня (рис. 20, 8).

Изучив и сравнив раскопанные нами погребальные сооружения с ранее исследованными наземными погребальными постройками, на-

зываемыми в Средней Азии наусами², мы пришли к выводу, что по архитектуре и планировке описанные погребальные сооружения имеют много общего с пянджикентскими, пскентскими, тюябугузскими наусами, погребальными постройками Борижарского могильника и могут быть датированы концом VII — первой половиной VIII в.

Что касается погребального обряда, то исследованные нами гробницы более всего напоминают погребальные постройки Борижарского могильника, в которых, как и в наших, отсутствуют оссуарные захоронения и даже обломки оссуариев. Необходимо отметить, что отдельные захоронения непосредственно на суфах встречены в пскентских, пянджикентских, тюябугузских наусах³.

Полученный погребальный инвентарь очень незначительный для окончательной датировки раскопанного нами памятника. Однако найденные миска с перегибом в средней части стенок, кружечка с подковообразным налепом на круглом тулове, покрытая красноватым ангобом и лощением, кувшинчики с петлеобразной вертикальной ручкой, верхний конец которой прикреплен к венчику, а нижний — к плечу, сурметаш, раковина каури находят близкие аналоги в тюябугузских наусах VII — первой половины VIII в.⁴ Железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы, железная наременная бляшка близки к найденным в некрополе Миздахкана конца VII — первой по-

² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 53, 55; В. Нурмуханбетов. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. В сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 108—120; его же. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана. В сб.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 162—176; Т. Агзамходжаев. Тюябугузские наусы. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 71—79; его же. Археологическая разведка в селении Пангаз. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6. Ташкент, 1965, стр. 159—160; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953, стр. 65—95; А. В. Гудкова. Некрополь городища Токкала. «Советская этнография», 1963, № 6, стр. 57—62; его же. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм). «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 215—223; ее же. Токкала (Исследование комплекса археологических памятников IV в. до н. э. — XI в. н. э. в Северном Хорезме). Автореферат канд. дисс. Нукус, 1964; Ю. Ф. Буряков. Пскентские наусы. СА, 1968, № 3, стр. 131—135; В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, стр. 87—103; Г. А. Пугаченкова. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана. «Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 58—74; В. Н. Ягодина, Т. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, стр. 24—115; Хроника. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1954, 1955 гг. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 218.

³ Ю. Ф. Буряков. Пскентские наусы, стр. 132; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь, стр. 75; Т. А. Агзамходжаев. Тюябугузские наусы, стр. 71, 72.

⁴ Т. Агзамходжаев. Указ. работа, стр. 79.

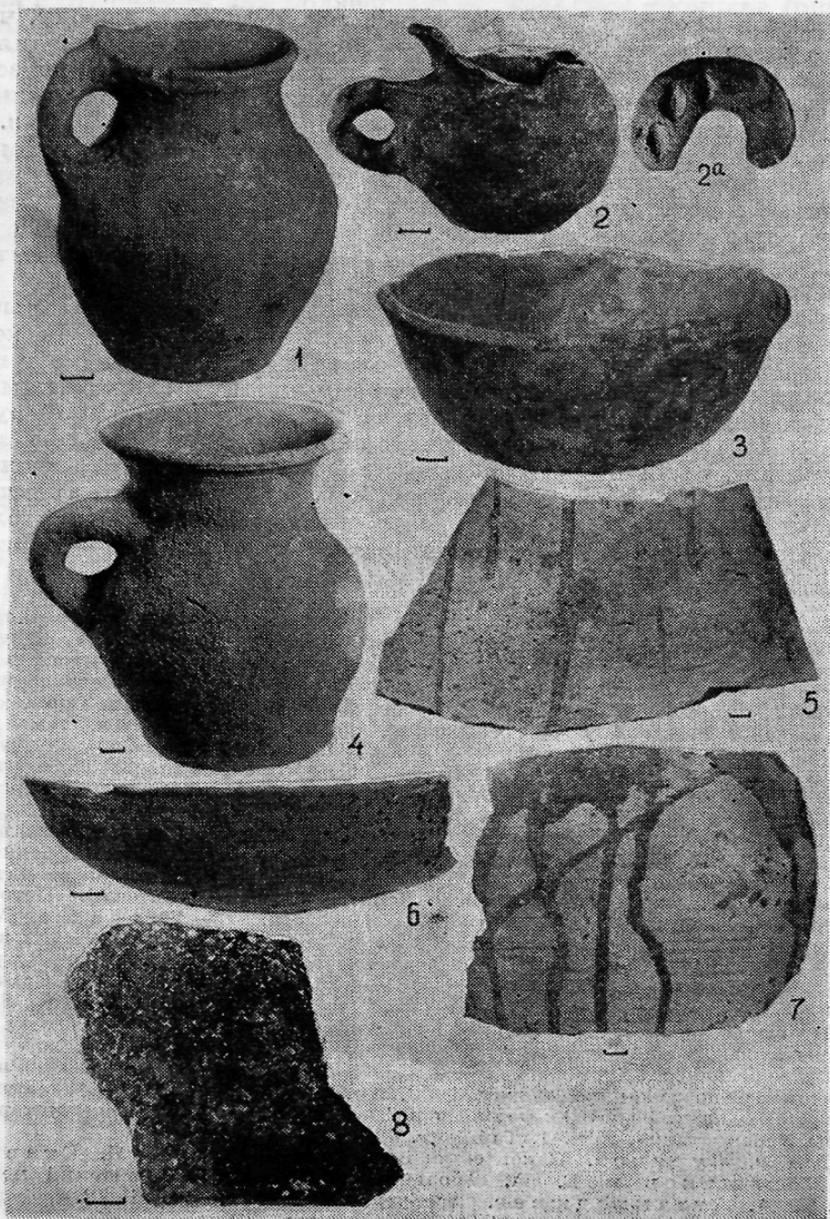

Рис. 20. Курган 68. Сосуды: 1—2а (верхний (первый) ярус);
3, 5 (средний (второй) ярус); 6—8 (нижний (третий) ярус).

ловины VIII в. н. э.⁵ Наконец, найденная согдийская монета конца VII — первой половины VIII в. н. э. помогает уточнить датировку.

Принимая во внимание тождество погребальных сооружений с постройками Борижарского могильника, а также погребального инвентаря (глиняные сосуды, железные наконечники стрел), мы склонны относить Борижарский могильник к концу VII — первой половине VIII в. н. э.

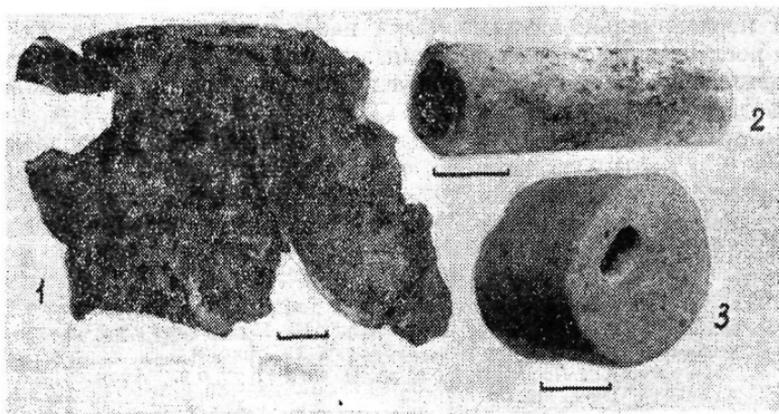

Рис. 21. Курган 68: 1 — обрывки кожи; 2 — костяная пронизка; 3 — глиняное грузило.

Интерес представляет наличие в погребальном помещении угольков и золы. Остатки золы и угольков встречены в наусах Пянджикента и Хорезма⁶. Вряд ли золу и угольки приносили и посыпали, чтобы очистить себя от всякой скверны. Наличие сильно прокаленных пятен, а также довольно толстый слой золы над костями (к. 67) и обожженные кости позволяют думать, что в наусе разжигали костер, но с какой целью, пока не совсем ясно.

Остается невыясненным вопрос о наличии костей собак среди костей человека. Нижняя челюсть собаки встречена А. В. Гудковой в Северном Хорезме⁷. Находки фрагмента с изображением головы собаки, ее оссуарного захоронения и множества разрозненных костей этого животного А. В. Гудкова объясняет тем, что «собака была у зороастрийцев ритуальным животным и имела отношение к погреб-

⁵ В. Н. Ягодин, Т. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана, стр. 114, 115.

⁶ В. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Указ. работа, стр. 69, 75; А. В. Гудкова. Некрополь городища Ток-кала, стр. 59; ее же. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере, стр. 218.

⁷ А. В. Гудкова. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере, стр. 215.

бальному обряду»⁸. Нам представляется, что собаку могли положить в качестве стража во входном коридоре, после каждого посещения кости ее сдвигали в погребальное помещение. Факт, что при повторных захоронениях в одной и той же камере погребенных ранее сдвигали в кучу, широко известен⁹. Этим, вероятно, обусловлено беспорядочное положение костей человека и наличие девяти черепов в западном углу гробницы (к. 68).

Подводя итог, мы можем сказать, что исследованные нами сооружения первоначально, видимо, были наземными сооружениями, которые после завершения погребения засыпались землей. Квадратные помещения перекрывали куполом, а прямоугольные (к. 67) — коробовым сводом.

По архитектуре они очень близки к более поздним мавзолеям из сырцового и жженного кирпича, распространенным на территории Казахстана, а по планировке связаны с погребениями глубокой древности — поздней эпохи бронзы, так как напоминают ограду 6 могильника Бегазы¹⁰.

⁸ А. В. Гудкова. Некрополь городища Ток-кала, стр. 18.

⁹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 197, рис. 9.

¹⁰ А. Маргулан, Т. Басенов, А. Мендекулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 38, рис. 32.

Т. Н. СЕНИГОВА

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ УЗОРЫ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ VI—IX ВЕКОВ¹

Начавшийся в раннем средневековье по всей Средней Азии процесс сложения феодальных отношений способствовал общему экономическому подъему городов Семиречья и Таласской долины, развитию в них ремесел и торговли, росту культуры и искусства.

Доказанная на примере памятников материальной культуры общность культуры Тараза и городских центров округа Джикия, Нижнего Барсхана с культурой карлукско-кимакских кочевых объединений Прииртышья свидетельствует о том, что возникновение городов Таласской долины² было обусловлено внутренними процессами социально-экономического развития местного тюркско-карлукско-кимакско-кипчакского населения, происходившими в связи с переходом его к более устойчивому виду хозяйственной деятельности — к земледелию. Это привело к большему включению кочевников в жизнь оседлых поселений и городов Таласской долины.

Какой значительный экономический подъем переживал Тараз и города его округа, нагляднее всего видно на примере самой распространенной в Семиречье отрасли производства — гончарной, представленной наиболее массовым материалом — неполивной керамикой, собранной на цитадели и шахристане Тараза и городов его округа: Джикия, Нижнего Барсхана, Шельджи, Куля, Текабкета, а также на некрополях. Эта керамика подробно рассмотрена в нашей основной работе и отнесена к VI—IX вв.³ Но ограниченность объема вышедшей работы не позволила более подробно остановиться на характеристике орнаментальных мотивов неполивной керамики, между тем именно в изучении орнаментальных мотивов и техники их исполнения следует искать ключ к разгадке причин разнообразия узоров, отличающих исследуемые памятники от памятников других городов Семиречья и Средней Азии.

¹ Объем недавно вышедшей работы «Средневековый Тараз» не позволил нам включить в нее материал, связанный с развитием гончарного искусства. Данная статья посвящена этому вопросу.

² Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

³ Там же, стр. 81—103.

История искусства неполивной керамики Семиречья, как и керамики Казахстана в целом, отражает процесс формирования местной художественной культуры.

Немалое внимание этой проблеме уделял и А. Н. Бернштам, положивший в основу своих исследований материалы городских центров Киргизии и Семиречья. В двух разделах «Синкретическое искусство Тюркского каганата в VI—VIII вв. н. э.» и «Победа орнаментализма в карлукский период VIII—X вв.»⁴ автор четко разграничил композиционные орнаментальные группы и технику выполнения узоров, проанализировал постепенную замену изображения животного, характерного для сакского времени, изображением его частей в карлукский период. Он утверждал, что согдийцы, «перейдя в страну кочевий, немало способствовали распространению искусства», и вместе с тем отмечал, что наряду с развитием элементов согдийской тематики орнамента в Семиречье «появляются формы, которые в согдийской орнаментике отсутствуют» и повторяют «мотивы орнамента на металле и дереве, подказанные вещами, выполненными первоначально мастерами из кочевой среды, и находящими себе аналогии не в междуречье Сырдарьи и Амударьи, а скорее в пространстве между Иртышом на западе и Енисеем на востоке»⁵. Недостаточность материала не позволила автору более конкретно подтвердить это мнение.

Добытое нами в Таразе значительное количество разнообразных форм керамических изделий с богатейшей орнаментацией дало возможность продолжить исследование. Сопоставление техники выполнения узора таразской посуды, с одной стороны, с керамикой эпохи бронзы Таласской долины и районов Центрального Казахстана и, с другой, — с керамикой нижних слоев (I—IV вв.) самого Тараза и Алтая позволяет говорить о местных традициях, уходящих своими корнями как в эпоху бронзы и ранних кочевников, так и в эпоху тюрко-кочевников, окружавших Тараз.

Особенности географических условий Таласской долины и длительные процессы взаимосвязи оседлого населения городов с окружающим кочевым миром способствовали проникновению в городскую среду кочевников, привнесших в искусство мотивы, ранее применявшиеся ими в украшении одежды, жилища, домашней утвари.

Считаем нужным оговорить следующее.

Вопрос о связи искусства города с искусством кочевников большой и сложный. Решение его будет зависеть от пополнения материала, добытого еще в незначительном количестве как из курганных комплексов Семиречья, так и из культурных толщ городов.

Поэтому мы не будем рассматривать все вопросы, связанные с разнообразными композиционными сюжетами, а только те, которые связаны с наиболее распространенными орнаментальными компози-

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 132—160.

⁵ Там же, стр. 147.

циями и техникой их исполнения, отличной от техники согдийских керамистов, отмеченной еще А. Н. Бернштамом.

Попытаемся выявить некоторые пути проникновения в городское ремесло техники изготовления керамики и ее узоротворчества, истоки которых уходят во II тысячелетие до нашей эры, ибо без учета развития традиций орнамента нельзя использовать его как полноценный исторический источник⁶.

Поскольку часто один и тот же узор выполнялся различными техническими приемами, то возьмем за основу общепринятое деление орнамента на три типа, технические же особенности исполнения каждого типа будем оговаривать.

Основные орнаменты керамики Тараза и городов его округа линейно-геометрический, зооморфный, растительный.

I. *Линейно-геометрический орнамент*, нанесенный вдавливанием инструмента с закругленным основанием или с заостренным концом, самый распространенный. Этим узором покрывали сферические и плоскодонные котлы, кружки, черпакообразные сосуды и кубки, горшки, оссуарии, основания ступкообразных сосудов.

Наиболее простым мотивом этого узора являются овальные и округлые ямки — вдавления, иногда чередующиеся с насечками, расположенными по основанию ступкообразных сосудов, по краям или основанию ручек котлов (рис. 1, 1—29).

Более сложные узоры украшают черпакообразные сосуды (рис. 2). Они нанесены на верхнюю часть корпуса и состоят из изогнутых наклонных, прямых и арочных линий, сгруппированных по 2—3, иногда заключенных в пояса из ямок или окаймленных с одной стороны полосой. Исключением является черпак с ручкой и пятой, у него под носиком имеется пояс из размашистых завитков с ямкой (рис. 2, 8). Арками и ромбами обычно украшали дверные проемы юртообразных оссуариев, а арками и волнообразными линиями — плоскодонные котлы. Полосами и зигзагами покрывали предметы в виде модели юрты с шанраком и корпус четырехрожкового светильника.

Наиболее сложная орнаментальная композиция отмечена на изделиях, имеющих большую площадь для выполнения узоров, — достарханах и крышках сосудов. Основные элементы орнамента, которыми их украшали, следующие: 1) концентрические полосы, 2) пояса в виде елочек или овала у края, 3) линии, асимметрично расходящиеся от центра, 4) концентрические полосы с волнами, 5) вихревая розетка с ямками в циркульном орнаменте у краев, 6) шести- и восьмилучевая звезда в круге, 7) пояса косых линий в сочетании с концентрическими линиями или пояса ямок и уголков, 8) расходящиеся от центра секторы орнамента из вписанных углов с елочками, штрихами, кругами, волнистыми линиями, завитками (рис. 3 и 4).

⁶ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. 81. М.—Л., 1963, стр. 344.

До рассмотрения источников орнаментального искусства дадим краткую характеристику технике нанесения узоров. Керамические изделия из Тараза украшались весьма разнообразными способами: процерчиванием и вдавлением, накладыванием глиняных жгутов-рельефов, изделий, сделанных в формах, и оттискиванием штампа.

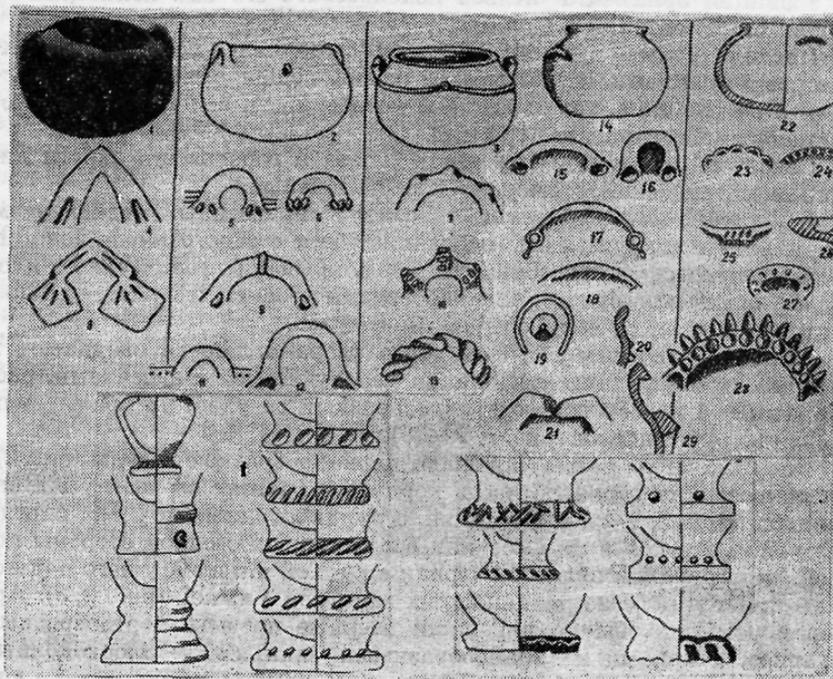

Рис. 1. Узоры на котлах и ступкообразных сосудах.

Техника процерчивания линий острым или тупым инструментом и вдавления в виде насечек и ямок широко известна в Казахстане со II тысячелетия до нашей эры⁷. Она распространена и на керамике кипчакско-кимакских племенных объединений Прииртышья VII—IX вв.⁸, что говорит о местной основе узоротворчества.

Что касается техники резьбы и вдавлений (рис. 5), то ее надо связывать с резьбой по дереву, заимствованной у кочевников и бытующей в Таласской долине до сего дня⁹.

⁷ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. 29, 35.

⁸ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 100.

⁹ «Народное декоративно-прикладное искусство киргизов». М., 1968, стр. 132—138.

Из характеристики орнамента следует, что многие из перечисленных видов имели циркульный узор и вихревую розетку. Циркулярный орнамент был широко распространен у народов Сибири и верхней Оби

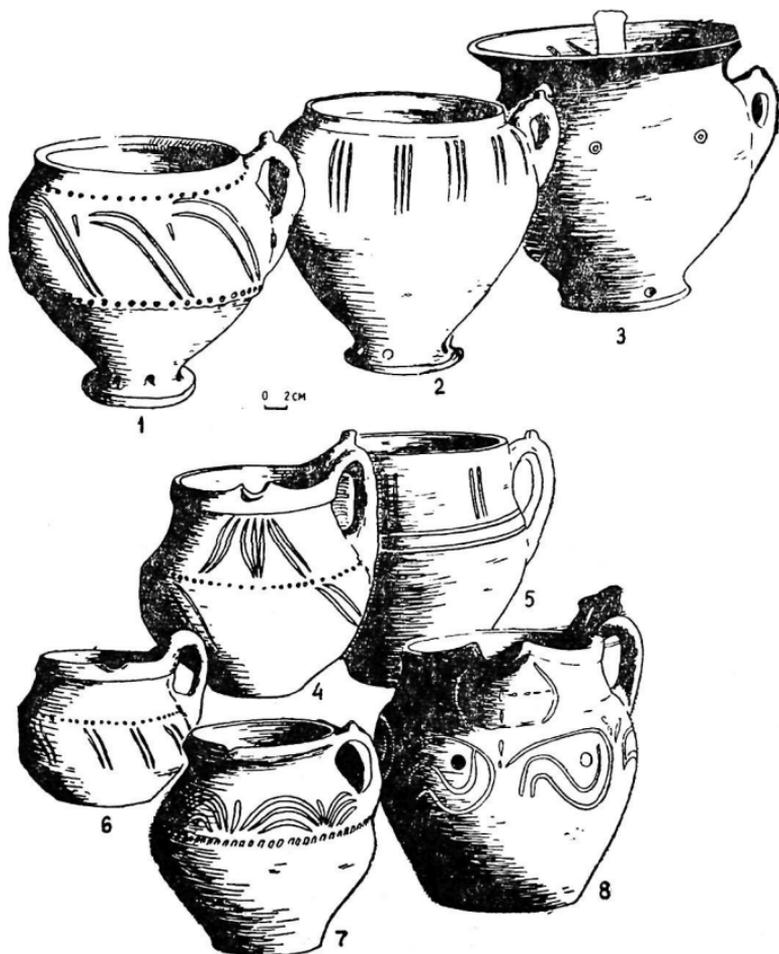

Рис. 2. Узоры на кубкообразных сосудах.

со II—IV в.¹⁰ На Алтае в могильнике Кудырге VII в. известна костяная рукоять ножа с концентрическими кружками¹¹. Такой же орнамент

¹⁰ Е. Т. Шнейдер, М. П. Грязнов. Древние изваяния Минусинских степей. «Материалы археологии и этнографии» (далее: МАЭ), т. IV, вып. 2, 1929, табл. I; табл. II, 20; табл. III, 21, 24, 26, 27; табл. IV, 35; табл. V, 38.

¹¹ С. И. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудырге на Алтае. МАЭ, т. III, вып. 2, 1927, рис. 17, 3, 7.

встречен на костяных пластинках VII в. древних кочевников-тюрков, живших на территории Тувы.

Костяные изделия с кружковым орнаментом найдены в Хорезме¹² и Согде¹³. Он украшает костяные пластинки, которыми казахи

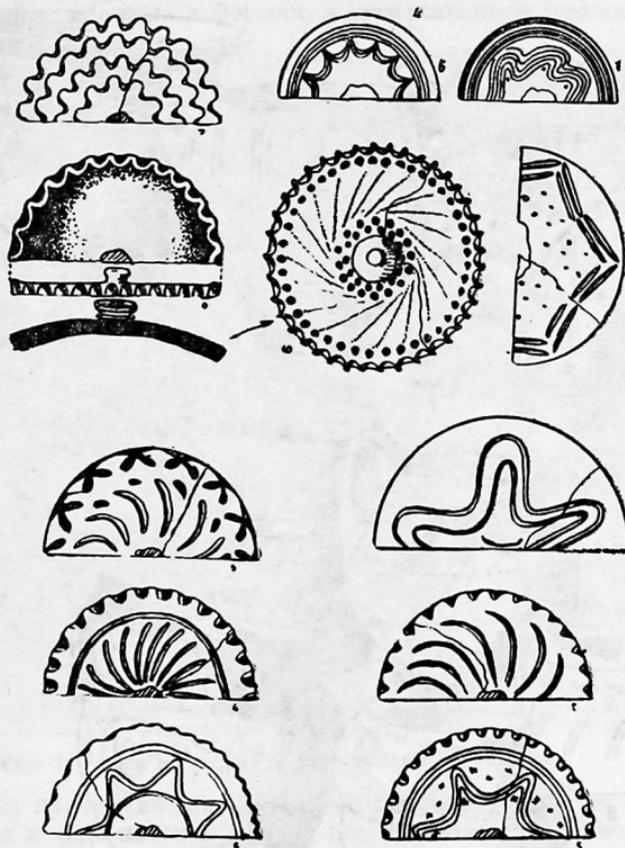

Рис. 3. Прорезные узоры на крышках.

обкладывают деревянные изделия — кровати, сундуки, мешалки для кумыса¹⁴.

Генеалогически у ряда народов этот узор связывался с представлениями о небе и солнце¹⁵.

¹² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 55.

¹³ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента (1951—1953 гг.). МИА, № 66, 1958, рис. 42.

¹⁴ Музей антропологии и этнографии. Коллекции № 2519, 3, 13, 14, 23.

¹⁵ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник, стр. 466.

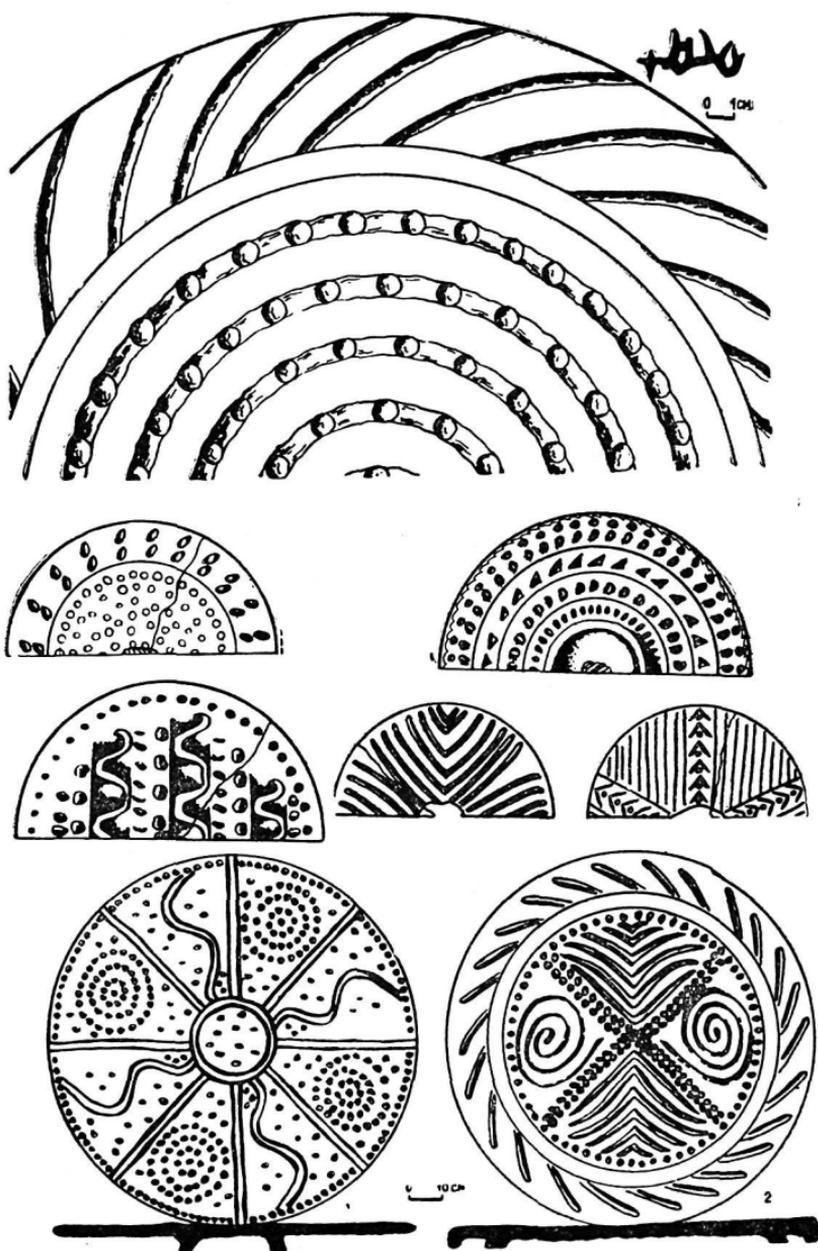

Рис. 4. Узоры на крышках.

Рис. 5. Прорезные и вдавненные узоры на крышках.

Мотив вихревой розетки известен в IV в. до н. э.¹⁶ на кошомных изделиях Алтая. Он имитирует солнце.

Все это — свидетельство глубоких традиционных связей орнаментального искусства Тараза с искусством кочевого мира местных племен.

II. К следующей группе орнаментов относится зооморфный, причем не только узор, но и форма сосуда в той или иной мере символически передают зооморфное изображение. Так, формы чайникообразных сосудов весьма близки к корпусу утки с прочерченным на ее боках опереньем и раскрытым клювом.

Быть может, с образом водоплавающей птицы следует связывать объемистые кувшины с широким цилиндрическим горлом и носиком-сливом, горловина и корпус которых украшены волнообразными линиями (рис. 6), или сосуды с изящной стройной горловиной, высоко поднятым сливным носиком, лунницами под сливом и богатой накладной рельефной орнаментацией на корпусе.

Основная композиция узора на этом сосуде — непересекающиеся линии. Она была остроумно разработана путем повторяющихся мотивов рогов животных. Симметрично расположив их в верхней части кувшина и включив изображение мифологических животных с закрученными хвостами в орнамент, мастер создал новый сюжет, связанный с зооморфной тематикой и с формой сосуда (рис. 7).

Стилистическая манера мастера, несмотря на архаичность техники исполнения, отличается изяществом и выдержана в традициях. Как отмечал Л. И. Ремпель¹⁷, на этих сосудах встречаются мотивы, которые известны в архаическом искусстве и других народов. Однако они почерпнуты не из художественных образцов древних или средневековых городов с их специфической стилизацией форм, а из народного творчества сакского времени, в котором известны крылатые козлы с загнутыми рогами, химеры, тигры, козы и другие виды животных.

Орнамент из рогов, покрывающих корпус кувшинов, стилизация зверей, птичек в виде головок с клювами на горловине — все это отзвуки сакского искусства. В изображениях такого рода преобладает символика, возникшая под влиянием ислама, изгонявшего зооморфные мотивы из искусства городов Семиречья.

В основе этой орнаментации лежат элементы сказочного изображения птиц, змей и других представителей животного мира, что-то олицетворяющие и имеющие не религиозно-жреческие, как в зороастризме, а народно-культурное значение¹⁸.

Кроме богатства символической основы узора эту керамику отличают настоящие реалистические сцены. Так, центральную композицию узора на крышке сосуда из Джикилия составляла рельефная фи-

¹⁶ М. П. Грязнов. Древнее искусство Алтая. Л., 1958, рис. 51.

¹⁷ Л. И. Ремпель. Коллекция Джамбулского музея. Архив Джамбулского областного музея. Рукопись, стр. 9.

¹⁸ Там же, стр. 11, 13.

Рис. 6. Прочерченные узоры на кувшинах и крышках.

гурка человека с углубленными глазками и носом, широко расставленными ногами, с согнутой в локте и положенной на живот левой рукой и правой, протянутой к стоящему рядом козлику. Козлик с рогами и

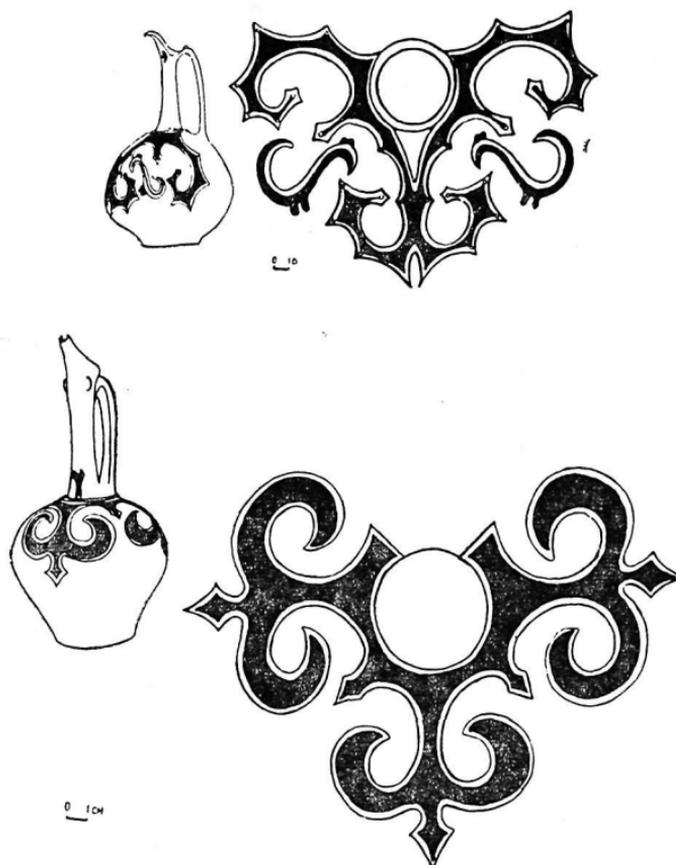

Рис. 7. Рельефный налепной орнамент на кувшинах.

ножками выполнен также накладным рельефом с последующей обработкой углублений. Вся композиция окаймлена побегом виноградной лозы. Она, в свою очередь, обрамлена массивными гроздьями винограда с насечкой на стеблях.

На керамике Семиречья VII в. изображение человека отмечено неоднократно¹⁹. В сочетании с козлом оно также известно в этих местах с наскальной живописи сакской эпохи.

¹⁹ Т. Н. Сенигова. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 58.

Из зооморфных видов орнамента наиболее четко переданы штампованные изображения, нанесенные на верхнюю часть корпуса погребальных хумов, оссуариев и на поверхность достарханов. Это фигурка бегущей собаки с длинным поднятым хвостом и торчащими ушами, бегущего козлика с длинными рогами, крыльями и бородой и, наконец, группа сидящих на задних лапах львов с поднятой правой лапой. У головы львов изображено солнце, у хвоста — луна (рис. 8). В зороастризме образ льва принято связывать с символом огня²⁰.

Наиболее красочно львы выполнены на достархане Тараза. В центре композиции находятся четыре льва, их окружают десять других львов, затем идет кольцо гроздей винограда в рамках, потом пояс львов, повернутых головами к центру, и опять кольцо из гроздей винограда в рамке (рис. 9).

Разнообразие и богатство сочетаний орнаментальных мотивов, оттисков рельефного штампа на одном предмете (столике) свидетельствует о возросшей эстетической потребности местного тюркского населения.

Характерной чертой орнамента этого времени является его значительно усилившаяся по сравнению с предшествующим временем символичность, причем в основном продолжают изображать отдельные части животных (рога, головки) и птиц, реже самих животных (козликов, собак).

Что касается технических приемов исполнения орнамента, то кроме прочерченного и вдавленного большую роль играл рельефный и штампованный. В целом для больших сосудов характерен рельефный орнамент. Это накладной аппликационный орнамент в виде грубо сделанных жгутов рогового узора, валиков, бугорков на вершинах ручек и кругов.

Техника выполнения задуманного узора заключается в том, что заранее заготавливались жгутики из глины. При накладывании на корпус сосуда они тщательно приглаживались к нему плоским инструментом. В результате края жгутика приобрели рельефную грань, весьма эффектно выступавшую (рис. 7). В мягких фактурах узор вырезали на куске кожи, ткани и накладывали на кожу или ткань. Иногда по краям узора прокладывали двойной шнурок из крученых ниток, который прикрепляли вместе с кожей к сосуду редкими стежками. В глине, в этом тягучем и не совсем удобном для данной техники материале, таразские художники достигли совершенства. Они каждый наложенный на поверхность сосуда жгутик покрывали еще и насечкой, как бы имитирующей мелкие стежки ниток, которыми мог быть прикреплен узор (рис. 10). Эта техника аппликации сосудов со стежками, как и сами узоры в виде изображения козлов, широко известна в кочевом скотоводческом хозяйстве алтайских племен с IV в. до н. э.

²⁰ Там же.

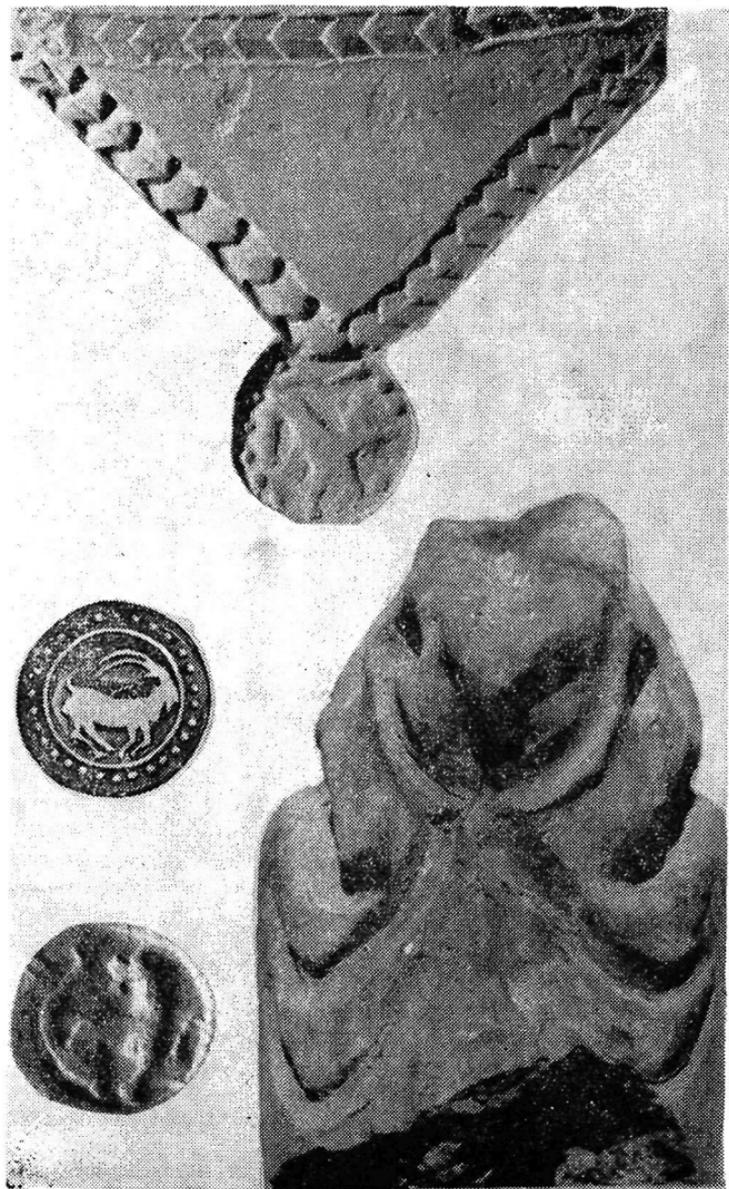

Рис. 8. Штампованный орнамент собаки, козла, льва и скульптурное изображение мифической птицы.

Эти изображения до недавнего прошлого встречались на кожаной утвари населения Западного Семиречья²¹.

Что касается самого распространенного в этой группе рогового узора, то выполняемый врезной техникой еще с I тысячелетия до

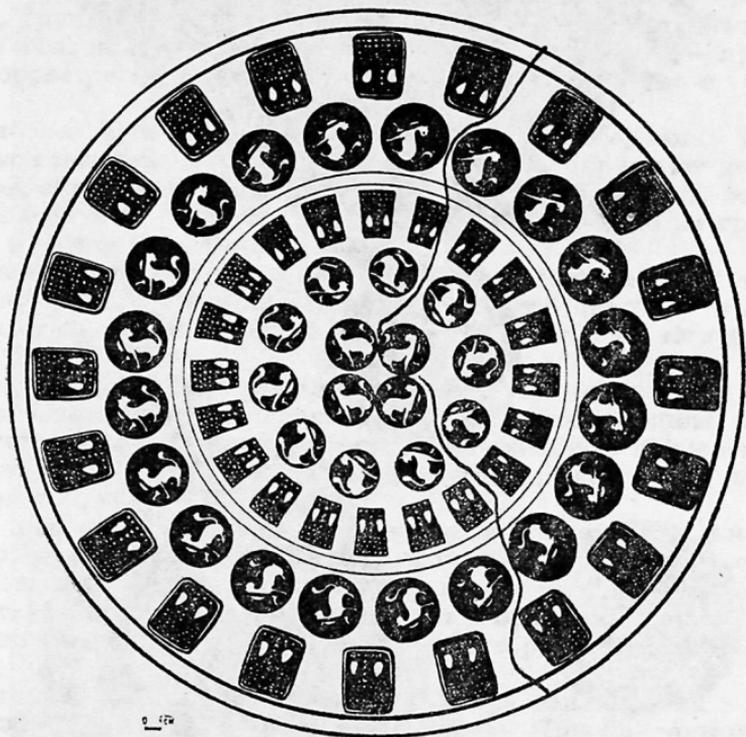

Рис. 9. Штампованный орнамент льва и виноградной грозди на столике.

н. э.²², он был широко распространен и в сакское время на бытовой утвари, шкатулках, коже, войлоке и достиг расцвета в глиняной посуде Семиречья в тюркско-карлукский период.

III. *Растительный орнамент* не менее распространен, чем предыдущий. Им украшали наиболее нарядные изделия с большими поверхностями: достарханы и крышки сосудов, реже хумы и тарелочки. Его располагали на изделиях тремя группами.

1. В виде вписанных друг в друга углов или лепестков и бутонов

²¹ Коллекция музея археологии при Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР, № 323.

²² А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 195, табл. XXI, рис. 1.

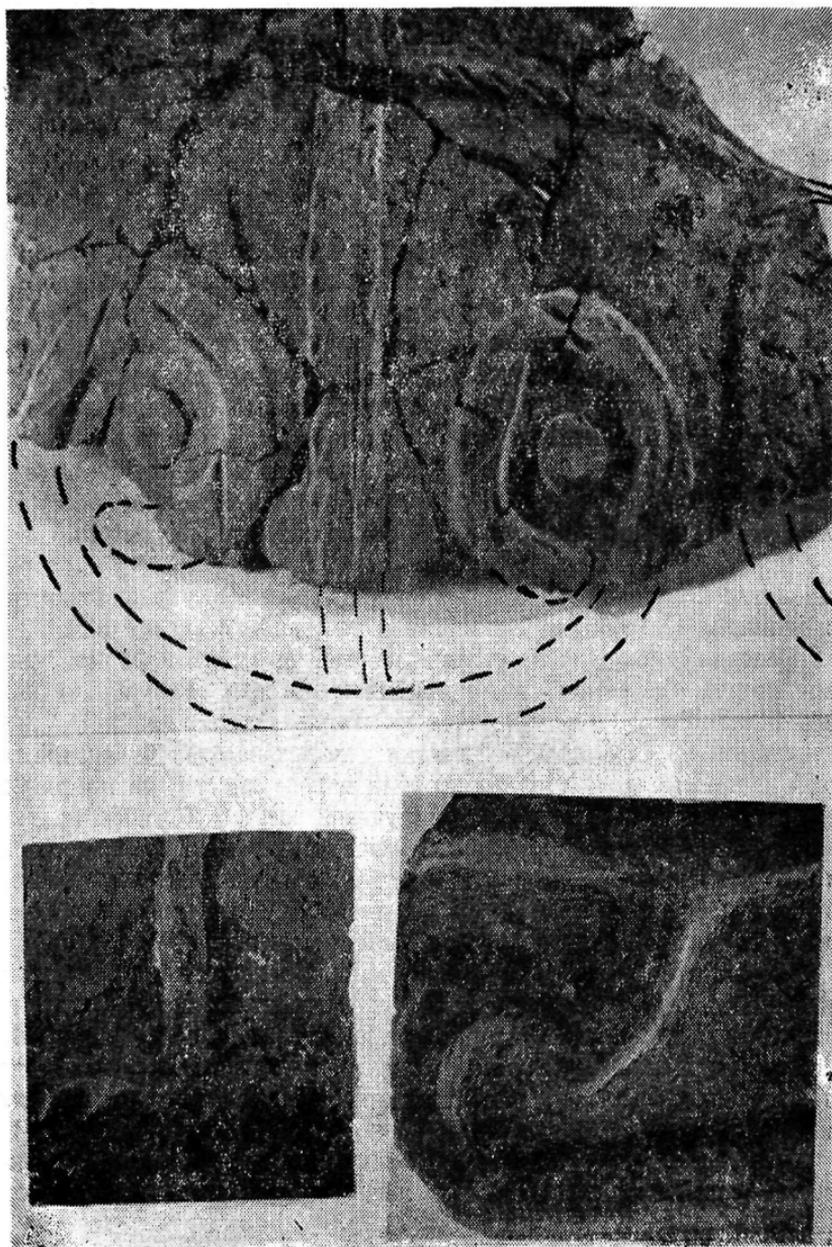

Рис. 10. Рельефный наклепной орнамент на котлах.

цветов, составляющих отдельные секторы, иногда заключенные в окружность, иногда в чередовании с мотивом расцветшего четырехлепесткового цветка (рис. 11).

2. В виде растительной вязи и листиков, идущих по краю предмета, отдельных, не связанных между собой листиков, заключенных в круги, завитков, окруженных кольцом из уголков.

3. В виде отдельных пальметок, сгруппированных по три. Их наносили на верхние части хумов, а на достарханах располагали цепочками и поясами.

Если первый и второй варианты орнамента выполняли прорезной техникой гравировки, то третий — штампом.

Принцип этой техники заключается в том, что орнамент наносили на предмет штампом. Обычно он был в форме грибка с плоской «шляпкой». На «шляпке» размещали нужный узор, который оттискивали на поверхности изготовленного, но еще не высушенного изделия.

Штампы были различные: пяти- и восьмилучевая розетка в медальоне из горошин, медальон с симметрично расположенными пальметками распутившегося цветка, узор из рогов, восьмилучевая звезда или вихревая розетка (рис. 12). Большинство узоров очень выразительно и самобытно, они подобны растительным, оставленным на бытовой утвари классических изделий ранних кочевников Алтая.

Чтобы более подробно охарактеризовать богатство разнообразных мотивов штампа, мы опишем один из столиков, украшенных тремя резными рельефными штампами в сочетании с вдавлениями.

Основной орнамент на столике нанесен штампом в форме грибка — печати, известной по материалам Тараза. Рисунок четкий, рельефный.

Узором из параллельных вмятин и косых насечек украшены пологие и прямые края столика. Бортик и поверхность за пределами поддона покрыты штампом восьмилучевой звезды. Композиция плоскости внутри поддона строится на сочетании в центральной части восьми аналогичных розеток (диаметр 10 см), окаймленных девятью розетками, украшенными растительным орнаментом, за исключением одной, на которой дано погрудное изображение женщины (рис. 13)²³.

На голове у нее высокий в виде лобной повязки убор, возможно, диадема, со спускающимися на лоб украшениями типа округлых горошин — перлов. На плечи ниспадает прикрывающая прическу фата. Шея свободна от одежды, на ней ожерелье из круглых бус (возможно, из драгоценных камней), в центральной части которого имеется миниатюрная поделка в форме лунницы.

Изображение снизу окаймлено большим лунным серпом, один конец которого находится на уровне лба. С правой стороны серпа есть

²³ Т. Н. Сенигова. Иконографическое изображение из города Тараза. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3(4), стр. 96—101.

Рис. 11. Прорезной растительный узор на крышках.

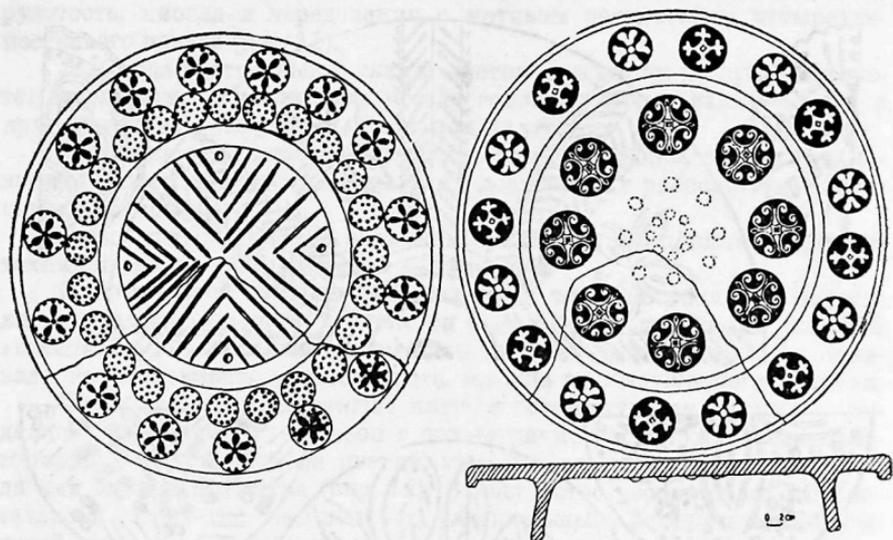

Рис. 12. Штампованный узор пальметок на столиках.

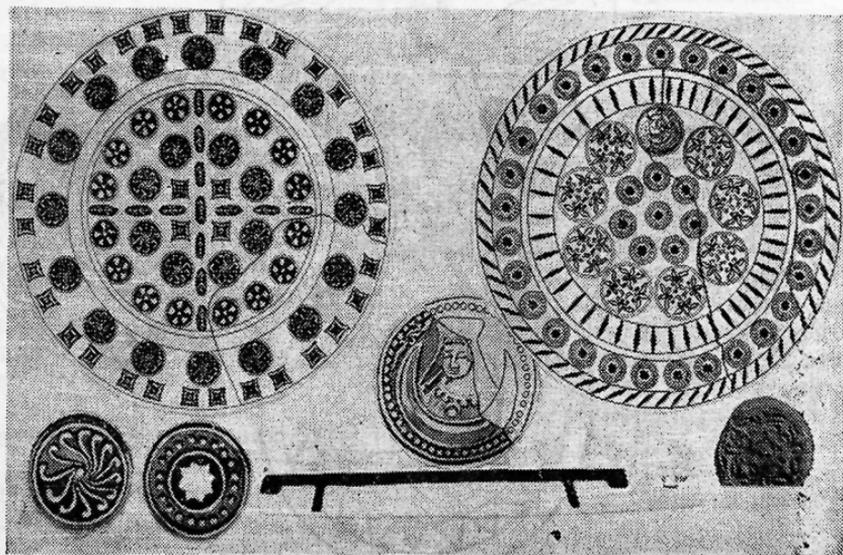

Рис. 13. Штампованный узор вихревых розеток и иконографическое изображение на столиках.

узор типа лозы, весьма распространенный в Семиречье в карлукский период²⁴.

Следует сказать несколько слов о технике изготовления изделий в форме. Это разнообразные терракотовые плитки с растительным орнаментом, употреблявшиеся при оформлении фасадов зданий. Их отличают исключительные по красоте орнаментальные мотивы, напоминающие оттиски штампа в виде растительных пальметок с четырехчастным делением плоскости, розеток цветов, мерлонов и т. д. (рис. 14). Розетки на керамических дисках в основном содержат мотивы двух видов: трилистник с удлиненным средним листом и спаренные полупальметты, скомпонованные в круге крест-накрест.

Лепестки пальметт имеют довольно объемную форму, они выделяются на глубоко вынутом фоне. Впоследствии эти узоры перешли в архитектуру XII в. и на поливную керамику (рис. 15—16).

Один из древних вариантов композиции, основным узором которой были четыре соединенных взаимно перпендикулярных друг к другу кружка, выполненные врезным штампом, отмечен в некрополе Бегазы (X—VIII вв. до н. э.). Аналогии данному орнаменту широко известны в памятниках родственных культур эпохи бронзы, особенно кочевых племен, обитавших в Прикаспии и Причерноморье со II тыс. до н. э.²⁵

Значительное место этот мотив занял в орнаментальном сюжете декоративного искусства скифов (V в. до н. э.), гунов (рубеж первых веков)²⁶ на войлоке, коже и кости. Это говорит о преемственности его гончарами Тараза.

Что касается самого распространенного орнамента растительного медальона, то узор в виде четырехлепестковой бронзовой пластинки с краями, обрамленными двумя плавными врезными линиями с зачатками лепестков, встречен в некрополе Бегазы.

По справедливому замечанию А. Х. Маргулана, аналогий бегазинской бронзовой пластинки с зачатками лепестков не имеется ни в Карасуке, ни в других родственных культурах эпохи бронзы. Это творчество самих бегазинцев, родившееся в эпоху бронзы (IX—VIII вв. до н. э.) в Центральном Казахстане²⁷ и получившее дальнейшее развитие в декоративном искусстве как кочевого мира скифов Ал-

²⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 156.

²⁵ Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах северокавказского типа. СА, 1957, № 1, стр. 165, рис. 4, 2; стр. 166, рис. 5, 1—4; стр. 167, рис. 6, 1—4; стр. 168, рис. 7, 2, 4.

²⁶ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 181; его же. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 30.

²⁷ А. Х. Маргулан. Некрополь Бегазы. Рукопись хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР.

Этот том посвящен вопросам развития искусства в различных странах и эпохах.

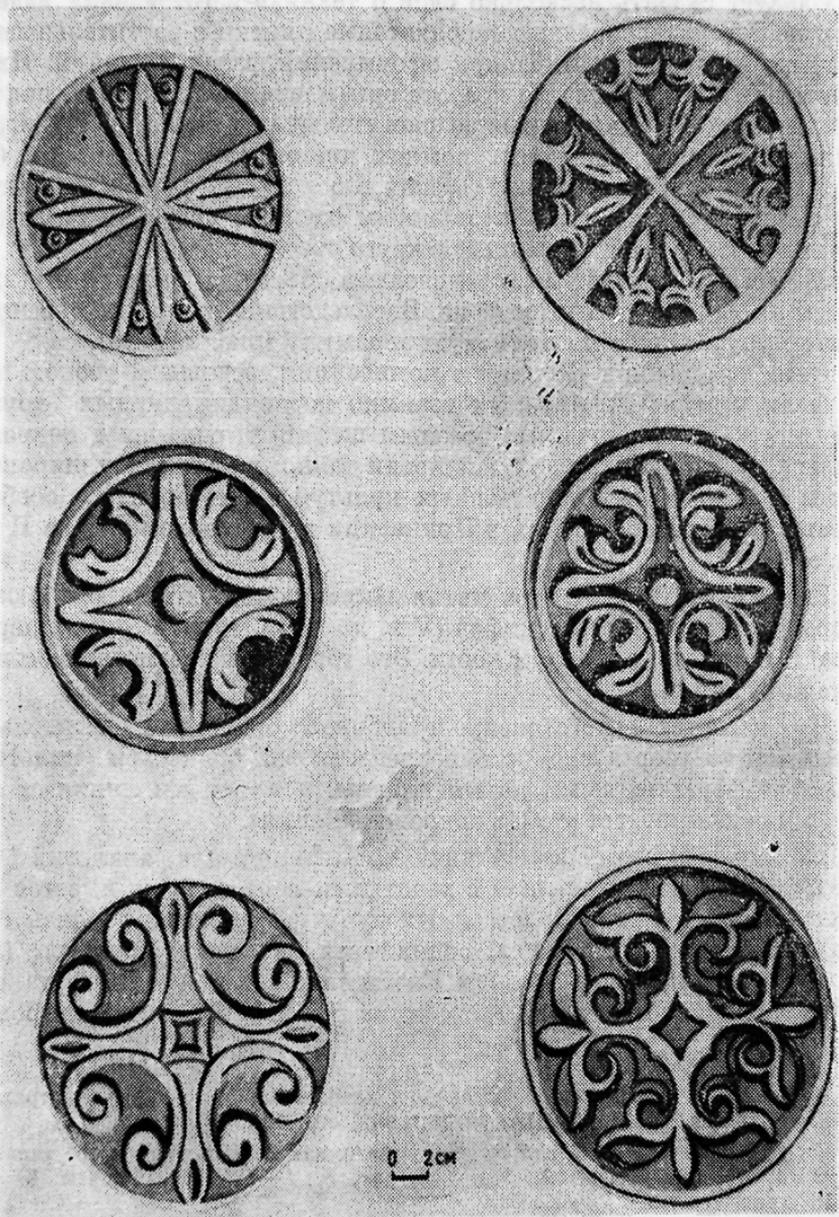

Рис. 14. Орнаменты, выполненные в формах выдавливанием.

тая (V в. до н. э.)²⁸, гуннов (рубеж нашей эры)²⁹, тюрков-карлуков (VI—IX вв.), кипчаков (XIII—XIV вв.)³⁰, так и оседло-земледельческого населения Семиречья (VI—IX и X—XII вв.). Следует сказать, что усложненный узор так называемой четырехлепестковой розетки распространен и в памятниках оседло-земледельческих культур античного мира.

Возможно, бегазинская пластинка — ключ к решению многих загадочных вопросов, связанных как со взаимопроникновением и преемственностью отдельных мотивов декоративного искусства, так и с общением кочевого и оседлого населения и воздействием их на орнаментальное искусство казахов и киргизов.

Таким образом, здесь, в Семиречье, сложились условия для развития разнообразных приемов украшения глиняных изделий, заимствованных с кожаных, войлочных и металлических изделий кочевников и переросших в традиционное мастерство, распространенное в архитектуре караханидского времени, столь хорошо известной по надмогильным памятникам Тараза и его окружи — уникальным мавзолеям Айша-биби и Кара-хана. Следовательно, благодаря выработанным веками орнаментальным приемам на коже, дереве, войлоке, кости и металле оседавшие в городах тюрки, карлуки, кимаки, кипчаки и караханиды смогли воспроизводить их на гончарных изделиях и в архитектуре и тем самым способствовать расцвету орнаментального искусства. Наличие постоянно действующих в Таразе базаров, а также сезонных базаров в его округе убеждает в правильности мнения А. Н. Бернштама о том, что через Тараз высокохудожественные изделия шли в Чу-Илийское междуречье.

Изделия со штампованными изображениями львов, иконографическое изображение³¹, террактовые головки на оссуариях³², кружечка с прочерченными по бокам именами двух христиан-сирийцев «Петро и Гавриил»³³, шиферная плитка с уйгурскими буквами³⁴, арабская надпись на фрагменте хума «сделал Юсуф», согдийские надписи и персидские изречения на мавзолее Айша-биби — это доказательство

²⁸ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, стр. 213, табл. VII, I.

²⁹ С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы, стр. 35.

³⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 31; Т. Н. Сенигова. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, Алма-Ата, 1956, стр. 55, табл. I.

³¹ Т. Н. Сенигова. Иконографическое изображение из города Тараза. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3(4), стр. 97.

³² Т. Н. Сенигова. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 60.

³³ А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, стр. 33.

³⁴ А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. ЭВ, т. II, 1948, стр. 111.

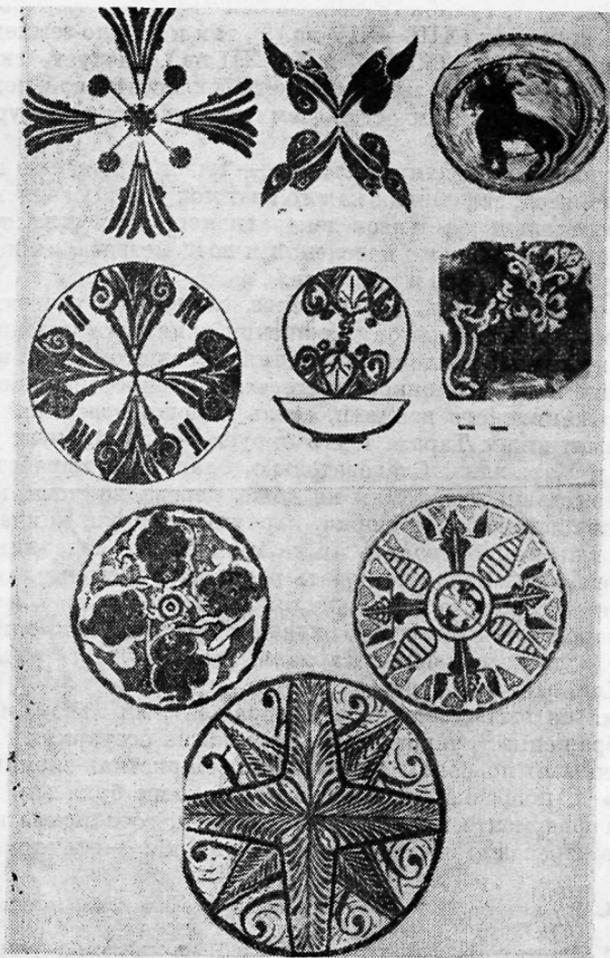

Рис. 15. Узоры поливной керамики X—XII вв.

проникновения в Тараз мастеров-ремесленников из Средней Азии. Однако местное искусство никогда не теряло самобытности. Таким примером может быть кружевной мавзолей Айша-биби. Он свидетельствует о том значительном вкладе, который внесли в искусство северотуркестанской художественной школы, сложившейся в XII в.³⁵ зодчие

³⁵ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана (с древнейших времен до XIX в.). М., 1965, стр. 222.

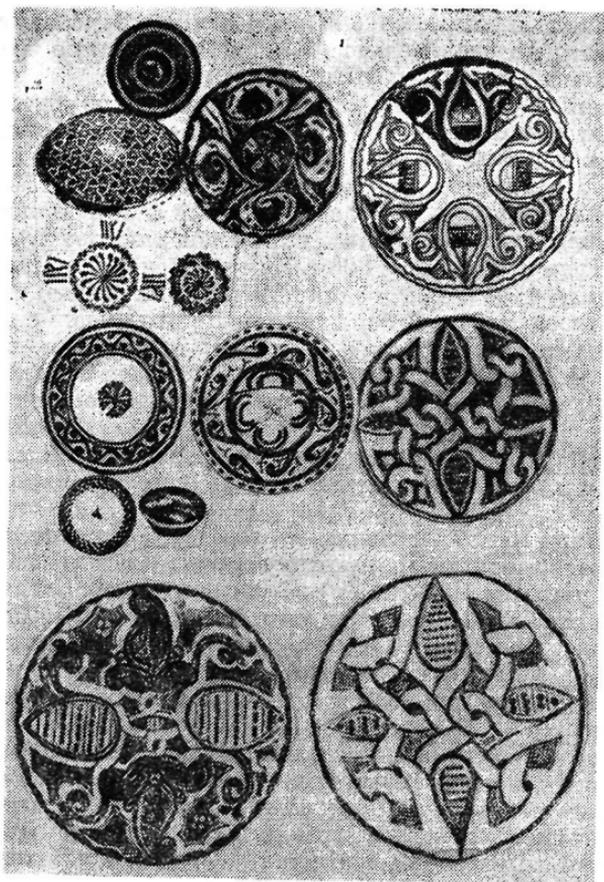

Рис. 16. Узоры поливной керамики X—XII вв.

Тараза, имевшие, по существу, вполне сформировавшуюся школу в IV—IX вв.³⁶

Не случайно В. И. Распопова, занимавшаяся исследованием гончарных изделий, проникших из Согда в Семиречье в VI—VIII вв., отметила, что «керамика этого времени в Семиречье представляет собой несколько обедненный керамический комплекс Согда с включением в него элементов, характерных для культуры местных тюрков»³⁷.

³⁶ Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, стр. 81—101.

³⁷ В. И. Распопова. Гончарные изделия Чуйской долины. Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1960, стр. 162.

Преимуществом тюркского населения в Таразе и городах его округи, оказавшего значительное влияние на развитие оседлой культуры, отмечается и средневековыми авторами.

Ас-Самани (X в.) говорит, что «Джикиль один из городов тюрков» около Тараза, Ибн-Хаукаль (XI в.), что Тараз «был местом торговли мусульман со стороны тюрков»³⁸, т. е. основного тюркского оседлого населения, принявшего ислам, и кочевых тюрков степей. У аль-Азиза имеется сообщение о том, что расположенный в южной округе Тараза город Шельджи «является одним из городов тюрков»³⁹. В свою очередь, ас-Массуди пишет, что в 893 г. Исмаил Ибн-Ахмед направился из Бухары в страну тюрков и взял один из городов их (Тараз)⁴⁰. Табари называет этот город городом «царя тюрков»⁴¹, что вместе с проанализированными нами материалами свидетельствует не только о той значительной роли, которую сыграли тюркские племена в развитии городской жизни и ремесла, но и о том, что основным населением городов являлись тюрки, у которых Тараз был столицей, красочные изделия которой пользовались широким спросом на рынках. Не случайно источники 630 г. отмечали, что в Таразе торгуют «купцы разных стран»⁴².

Полученные нами материалы из поселения Ак-тепе на северных склонах Каратау (кошомные изделия и сумка для перевозки бьющейся посуды с роговым орнаментом), а также разнообразные этнографические коллекции музея кабинета этнографии Академии наук КазССР (головные уборы, платья, обувь, кожаные чайники, кольца, перстни, браслеты, ковры с элементами рогового орнамента, вихревыми розетками)⁴³ говорят об органическом влечении древних мотивов в казахское искусство.

Так, сквозь призму веков изделия из глины (керамика и архитектура) донесли до нас сказочный мир фантазии и мастерства народных умельцев, передававших из поколения в поколение секрет своего искусства, отвечавшего эстетическим вкусам народа, и создавших основу национального казахского искусства⁴⁴, достигшего необычайного расцвета в годы Советской власти⁴⁵.

³⁸ С. Волин. Сведения арабских источников XI—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 81—82.

³⁹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 69.

⁴⁰ С. Волин. Указ. работа, стр. 78, 90.

⁴¹ Там же, стр. 78.

⁴² В. В. Бартольд. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 33.

⁴³ Кабинет-музей Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, № 702 и др.

⁴⁴ Н. А. Оразбаева. Декоративно-прикладное искусство казахов. Алма-Ата, 1970.

⁴⁵ Н. Нурмухаммедов. Искусство казахского народа. Алма-Ата, 1970.

К. М. БАЙПАКОВ, Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

РАСКОПКИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОТРАРА

В 1971 г. на городище древнего Отрара на широких площадях были начаты раскопки верхнего слоя. Работы велись в северо-восточной части городища, где первоначально был заложен раскоп площадью 7500 м^2 ($150 \times 50 \text{ м}$), расширенный в 1972 г. до $15\,000 \text{ м}^2$ ($150 \times 100 \text{ м}$). Раскоп длинной стороной вытянут с востока на запад с небольшим отклонением. Северная и восточная его границы находятся в $15\text{—}20 \text{ м}$ от городской стены, а западный край примыкает к улице, ведущей к воротам в северо-западной стене. Южная граница раскопа проходит в $30\text{—}40 \text{ м}$ от основной магистральной улицы широтного направления, соединяющей городские ворота, расположенные в восточной и западной стенах Отрара.

Постройки основного строительного горизонта сохранились удовлетворительно, а стены до 1 м в высоту. Раскопанная часть представляет сплошной массив с плотной застройкой, осуществленной вдоль улиц широтного направления, параллельных основной дороге города. На них выходят перпендикулярные улицы или переулки. В целом вскрыты строительные конструкции двенадцати жилых массивов верхнего слоя, из которых четыре полностью вошли в площадь раскопа. Они со всех сторон окружены улицами или дворами¹.

В настоящей статье описаны три жилых массива (I, II, III), расположенных в средней части раскопа и вытянутых с севера на юг. Один из них вскрыт полностью (III), остальные частично (рис. 1). Массивы отделены друг от друга узкими улицами, которые с западной стороны вливаются в улицу меридионального направления, пересекающую весь раскоп с севера на юг. В местах соединения улиц находятся дворы или площади. С восточной стороны на уровне жилых массивов I и II раскоп не завершен.

¹ Термин «жилой массив» не равнозначен термину «квартал». В дальнейшем предполагается публикация, в которой будет дана характеристика объектов, соответствующих термину «квартал». Это — участок улицы с выходящими на нее домами.

Жилой массив I плохо сохранился, он находится на склоне бугра, примыкающего к крепостной стене. Вся северная часть массива смыта, планировку помещений восстановить невозможно, кое-где сохранились остатки печей-тандыров, вымостки ташнау из жженого

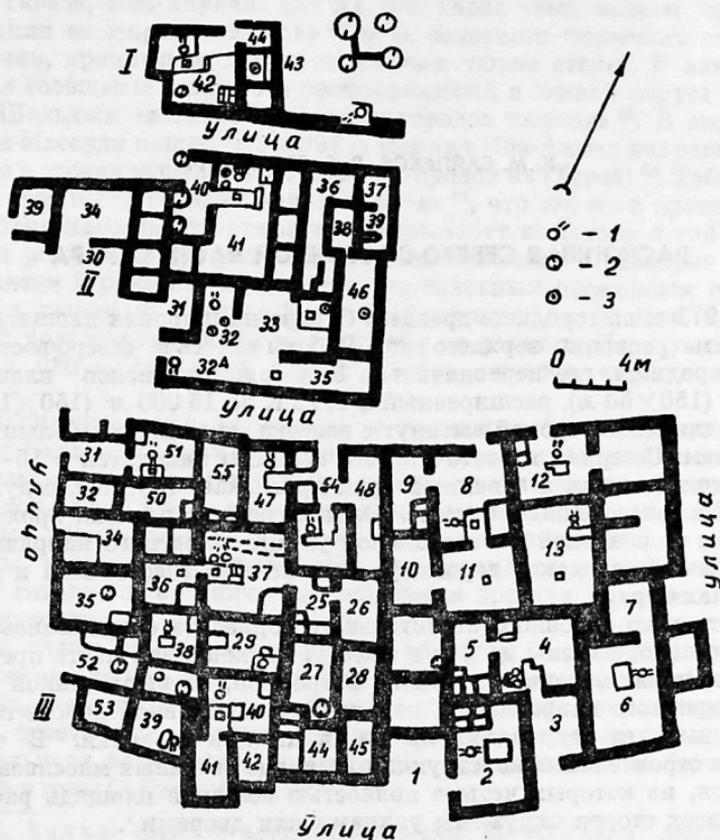

Рис. 1. План основного строительного горизонта верхнего слоя (1 — печи-тандыры; 2 — ямы, 3 — сосуды).

кирпича, мусорные ямы. В лучшем состоянии южная часть массива, четко очерчиваемая глухой стеной, выходящей на улицу. Здесь обнаружено два дома. В одном из них выявляется часть помещения (43а) с суфой и вмозанной в нее печью-тандыром и дымоходом, другой дом сохранился удовлетворительно. Он занимает юго-западный участок жилого массива I, вход в него с северной стороны. В состав дома входит центральное жилое помещение (42), прихожая (44) и кладовая (43) с закромом.

Жилое помещение 42 размером $4,7 \times 4,6$ м с глубокой нишей в задней стене ($2,55 \times 1,25$ м). Большую часть помещения занимает суфа высотой 0,6 м. В северо-западный угол суфы вмазана печь диаметром 0,65 м с устьем топочного отверстия у южного обреза суфы и горизонтальным каналом дымохода длиной 0,75 м, подведенного с противоположной стороны к северной стене дома. Участок пола перед печью вымощен жженым кирпичом, в центральной части участка расположено ташнау, перекрытое кирпичом с отверстием и с подводящими канавками. У восточного борта суфы, чуть выше уровня пола, вмазана деревянная плаха длиной 1,05 м и шириной 0,3 м. Юго-западный угол суфы занят хозяйственной ямой диаметром и глубиной около 1 м. На стенках ямы имеются обильные отложения коричневого гумуса с вкраплениями зерен и соломы. В юго-восточном углу помещения устроен погреб, впущенный под суфу. Щелевидное устье обложено сырцовым кирпичом. Полностью форма погреба не восстанавливается, так как стенки его обвалились.

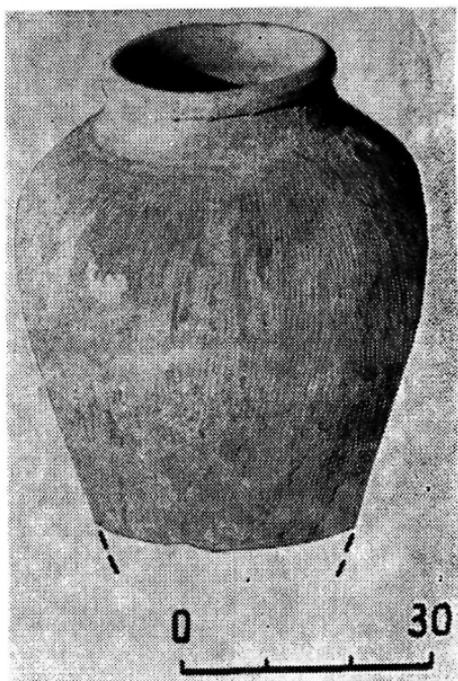

Рис. 2. Хум из помещения 43, жилой массив I.

Восточную часть дома занимают два крохотных подсобных помещения. Прихожая (44) размером $1,75 \times 1,45$ м. Тонкая перегородка с южной стороны отделяет ее от кладового помещения 43 размером $2,05 \times 1,8$ м. У восточной его стены сделана суфа шириной 0,4 м и высотой 0,25 м. Участок пола выложен кирпичом. В центральной части помещения обнаружен хум, вкопанный до устья горловины (рис. 2). В южной половине кладовой находится заком размер $1,8 \times 1,1$ м, стенки его при переходе ко дну скруглены, их многократно штукатурили.

Жилой массив II отделен от предыдущего объекта улицей шириной 2—2,4 м, прослеженной на протяжении 17 м. В массив входит несколько домов, но восстанавливается планировка лишь двух комплексов, занимающих его северо-западную часть.

Дом 1 примыкает к улице фасадной стенкой, в северо-западном углу со стороны улицы имеется дверной проем. С восточной, южной и западной сторон стены дома глухие, они отделяют его от соседних построек. Прямоугольная в плане коробка жилого комплекса общей площадью около 90 м². В состав его входят прихожая (40) и центральное жилое помещение (41), вдоль восточной стены которого устроены закрома.

В помещении 40 размером 4,50×2,25 м вел узкий коридор шириной 1 м и длиной не менее 1,25 м (северная стена его разрушена ямой верхнего строительного горизонта). В юго-западной части прихожей выявлены две хозяйственные ямы: одна — округлых очертаний, другая — секторальная.

В середине восточной стены сделан дверной проем в центральное жилое помещение 41 размером 7,5×3,75 м. Большую часть помещения занимает суфа высотой 0,5 м. Перед проходом находится подпрямоугольный участок пола (2,75×1,75 м), выложенный жженым кирпичом. Кирпичи уложены с небольшим наклоном к центральной части пола, где устроен водослив-ташнау, колодец которого — хум с выбитым дном, сверху он прикрыт жженым кирпичом. Южный борт суфы облицован обломками жженого кирпича. В центральной части северного отрезка суфы имеется печь-тандыр диаметром 0,6 м. Устье топочного отверстия высотой 0,25 м и шириной 0,2 м выходит на южный край суфы, с противоположной стороны расположен двухканальный дымоход, состоящий из двух отрезков: горизонтального (длина 0,3 м) и внутрисстенного, вертикального. Рядом с печью сохранилась лунка очага диаметром 0,4 м, дно которого вымощено камнем. В северо-восточный угол суфы до середины тулова вмазана хумча. В северо-восточном углу суфы выявлена квадратных очертаний яма (1×1 м), глубина которой не выяснена. У восточного узкого борта суфы обнаружена деревянная плаха длиной 1,7 м, шириной 0,6 м и толщиной 0,1 м. Плаха лежит на прокладке из жженных кирпичей, чуть выше уровня пола.

С восточной стороны суфы перегородка отделяет помещение от трех закровов размером 2,8×1,45; 1,85×1,5; 2,25×1,3 м. Пол в закромах сделан на уровне поверхности суфы. Еще один закром (2,1×1,65 м) устроен в юго-западном углу помещения.

Дом 2 находится в западной части жилого массива II, он плохо сохранился, особенно его юго-западный участок. В состав дома входят, видимо, три помещения — 30, 34, 39. Центральным в нем было помещение 34 (4,9×3,15 м). Признаков печи не обнаружено, но наличие ее угадывается по остаткам вертикального канала дымохода в северо-западном участке стены. Проход шириной 1,75 м связывал это помещение с комнатой 30, размер которой приблизительно (4,85×2,75 м). Вдоль восточной стены помещений 30 и 34 расположено пять закровов или крохотных кладовочек, отделенных друг от друга тонкими глинобитными перегородками. В состав дома входит и поме-

щение 39 (2,9×2,4 м), хотя оно не связано с ним проходом. Возможно, это помещение — лавка.

Характеристика остальных помещений жилого массива II затруднительна. По-видимому, здесь было еще два или три многокомнатных дома, один из них имел дверной проем, выходящий на запад. В этом доме предположительно было четыре помещения — 32, 32а, 33, 35. В помещении 32а отмечена плохо сохранившаяся печь-тандыр с остатками горизонтального дымохода, обращенного к южной стенке. В помещении 32 зафиксированы печь-тандыр и два хума, поставленных на уровне пола. В помещении 33, в северо-восточном углу, выявлена площадка из жженого кирпича с ташнау и хумчой. Вымощенный участок устроен ниже уровня пола помещения на 0,2 м.

В восточной части массива имелось пять помещений — 36, 37, 38, 39, 46. Выделить их в отдельные комплексы затруднительно. Отметим, что в помещении 46 (6,15×2,25 м) у восточной стены находился хум, стоявший на полу, а в помещении 39 — земляной очаг, стенки которого обложены сырцовым кирпичом.

Жилой массив III в отличие от двух предыдущих раскопан полностью. Он подпрямоугольных очертаний со слегка скошенными юго-западным и юго-восточным углами. Протяженность его с востока на запад 51 м при средней ширине 30 м, что составляет 1530 м². Жилой массив с юга ограничен отрезком магистральной улицы, пересекающей раскоп в широтном направлении. На улицу выходит айван и дверной проем одного помещения. Протяженность южного фасада массива около 55 м. Ширина магистральной улицы на этом участке колеблется от 2,5 до 4 м. Западный фасад длиной около 27 м обращен на улицу меридионального направления. Помещения открываются на улицу одним айваном и двумя дверными проемами. Северная граница квартала очерчивается фасадной стеной протяженностью 48 м, также выходящей на улицу. Ширина ее различна: в западной половине от 2,5 до 4 м, в восточной части улица расширяется до 7 м. Северная фасадная стенка открывается в сторону улицы двумя помещениями типа айванов и тремя дверными проемами. Линия восточной фасадной стены протяженностью около 23 м также хорошо выявлена. Ширина улицы на этом участке 3—3,5 м. Массив расположен на склоне бугра, поэтому отметки уровня различны: от +1,33 м у северного фасада до -1,53 м у южного, понижение уровня до 1 м отмечается с запада на восток.

С севера на юг сплошной массив застройки пересекает глухая стена, которая делит его на две примерно равные части. В западной половине выявлено пять жилых комплексов.

Дом 1 состоит, видимо, из трех помещений (40, 41, 42), хотя последнее не связано проходом с двумя предыдущими.

Центральное помещение комплекса 40 размером 5,3×4,5 м (рис. 3). В нем устроена двухсторонняя суфа высотой 0,45 м. В северо-западном углу имеется печь-тандыр диаметром 0,75 м с горизонталь-

ным дымоходом длиной 0,95 м до противоположной северной стены помещения. Хорошо видно в стене отверстие вертикального дымохода размером 25×20 см. Перед устьем топки печи расположено ташнау,

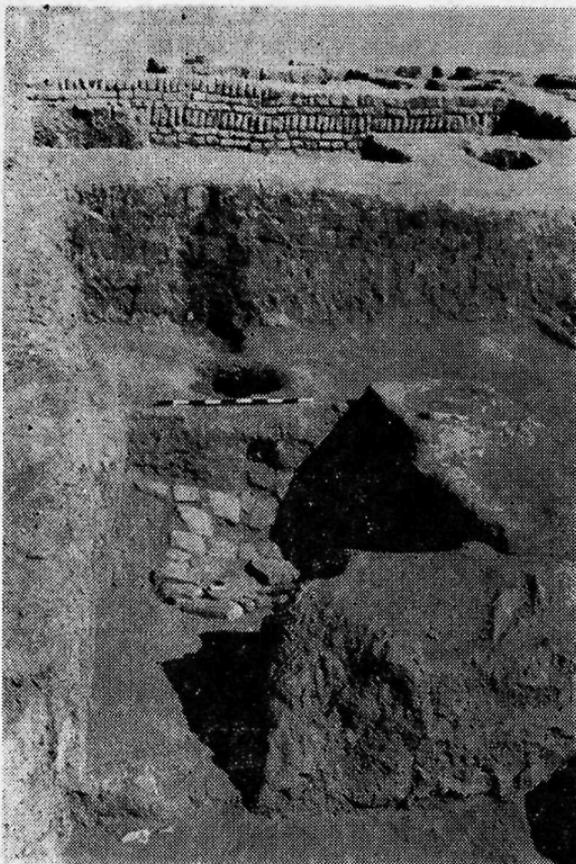

Рис. 3. Помещение 40, дом 1, жилой массив III (вид с юга).

прикрытое жженым кирпичом с отверстием. В северо-восточном углу помещения обнаружен заком с тонкими глинобитными стенками. Дно закома чуть ниже поверхности суфы. Примерно в центре помещения, у западного края суфы, имелась глинобитная и обрамленная бортиком площадка (1,35×1,3 м), возвышающаяся на 5 см над суфой. На площадке отмечены остатки углей и золы. Восточный обрез суфы выложен из обломков жженого кирпича.

Проход, расположенный в юго-западном углу, приводит в помещение 41 размером 4,85×2,85 м. По-видимому, в этом помещении был

дверной проем на улицу. С восточной стороны находится еще одно изолированное помещение 42 типа кладовой размером $3,1 \times 2,75$ м.

Дом 2 состоит из одного жилого помещения 38 размером $4 \times 3,9$ м. В помещении устроена четырехсторонняя суфа высотой 0,5 м. Ближе к западной стене выявлен прямоугольный участок пола ($1,65 \times 1,15$ м) с ташнау, выложенный жженым кирпичом. В северо-западной части суфы имеется печь диаметром 0,45 м с устьем в северном борту суфы и горизонтальным дымоходом длиной 0,7 м с противоположной стороны. В северо-восточном углу помещения зафиксирована хозяйственная яма, которая глубже уровня суфы на 0,45 м.

Выходов из помещения не обнаружено. Планировочно к этому помещению тяготеет изолированное помещение 49 и помещение 52 типа айвана, открытого в сторону улицы.

Дом 3 самый большой по занимаемой площади и количеству комнат (25, 26, 36, 37), находится в западной части квартала. Состав комнат традиционный.

Центральное жилое помещение 37 размером $6,75 \times 6,75$ м (в восточной части оно немного расширяется). Большую часть его занимает суфа высотой 0,5 м. Небольшой участок пола ($3 \times 1,75$ м), выложенного жженым кирпичом, оставлен перед проходом в западной стене в соседнее помещение 36. В северо-западном участке суфы выявлены парные тандыры диаметром 0,5 и 0,55 м. Перед устьями топочных отверстий устроены ташнау, прикрытые сверху кирпичами с отверстием. Тандыры снабжены каналами горизонтальных дымоходов (длиной 1,85 и 1,65 м), которые у северной стены помещения соединяются в один. Восточный участок пола занят глинобитной площадкой с обожженной поверхностью, возвышающейся на 15 см над уровнем суфы. На ней имеется деревянная плаха размером $0,7 \times 0,32$ м, толщиной 14 см. В юго-восточном углу помещения обнаружен заком с тонкими глинобитными стенками.

Помещение 37 проходное. С западной стороны его находится хозяйственное помещение 36 размером $6 \times 4,25$ м. Пол в центральной части вымощен жженым кирпичом, в полу ближе к проходу в помещении 37 устроено ташнау. Северную половину помещения занимает заком, разделенный перегородкой на две равные части. Еще один заком отмечен в юго-восточном углу помещения.

С восточной стороны помещения 37 расположены еще две хозяйственного назначения комнаты (25 и 26) размером $3,7 \times 2,85$ м и $4,85 \times 3,05$ м. Они соединены проходом шириной 0,7 м. Уровень пола в помещении 37 на 25 см ниже уровня поверхности суфы. В помещении 25 четыре закрома: один — в северо-восточном углу, другой — в юго-западном. Еще два небольших закрома устроены в толще южной стены.

По-видимому, в состав дома входили помещения 34 и 35, расположенные с западной стороны хозяйственного помещения 36 и прилегающие к улице. Помещение 35 (размер $5,35 \times 3,75$ м) изолирован-

ное, с двумя хозяйственными ямами округлой и подпрямоугольной формы. Помещение 34 (размер $5,2 \times 4$ м) в северо-западном углу имеет дверной проем на улицу и двухстороннюю суфу. Высота ее около $0,4$ м.

Дом 4 находится в северо-западной части жилого массива III. Стоит предположительно из помещений 31, 32 (?), 50, 51, 55 (?). К улице примыкают изолированное помещение 32 (размер $4,2 \times 2,3$ м) и помещение 31 (размер $5 \times 2,75$ м) с проходом в сторону улицы.

В восточной стенке помещения сделан проход шириной $0,6$ м в центральное помещение 51. Его размер $5,3 \times 3,5$ м. Почти всю площадь помещения занимает суфа, которую таковой можно назвать условно: ее поверхность лишь на 8 см выше пола помещения 31. У южной стены имеется небольшой замкнутый участок пола ($2 \times 1,1$ м), выложенного жженым кирпичом, с ташнау. Уровень вымостки ниже поверхности суфы на 25 см. В $0,3$ м от южного борта суфы выявлена печь диаметром $0,55$ м с горизонтальным дымоходом до северной стенки помещения, в ней устроен внутренний дымоход с каналом размером 25×20 см. В северо-западном углу помещения обнаружена небольшая хозяйственная яма.

В юго-западном углу помещения 51 сделан проем в помещение 50 размером $5,8 \times 2,45$ м. В юго-восточном углу последнего размещен заком размером $1,4 \times 0,6$ м. Пол в помещении 50 на 8 см ниже уровня суфы в отапливаемом помещении 51.

В комплекс предположительно включено и помещение 55, расположенное за восточной стеной помещений 50 и 51. Его размер $6,5 \times 3,35$ м. Вдоль южной стены отмечено три небольших закома.

Дом 5 находится в северо-восточном углу западной части жилого массива, имеет выход на улицу, состоит из пяти помещений: 46, 46а, 47, 48, 54. Все они расположены вокруг помещения 54, через которое можно попасть на улицу. Помещение 54 размером $4,5 \times 3,9$ м. В его северо-западном и юго-западном углах устроены закома. Дно их на уровне пола помещения, который вымощен жженым кирпичом.

Между закомами существует коридорообразный проход (в нем обнаружено ташнау) в помещении 47, расположенное в западной части комплекса. Его размер $3,1 \times 3,2$ м (в южной половине оно шире). Большую часть помещения занимает суфа с печью-тандыром очень плохой сохранности. Перед суфой выявлена площадка, выложенная жженым кирпичом, и ташнау.

В середине южной стены помещения 54 устроен проход в квадратное в плане помещение 46 (размер $4,75 \times 4,75$ м). Перед проходом небольшой Г-образный участок пола выложен кирпичом, остальную площадь помещения занимает суфа высотой 22 см. В северо-западном углу суфы имеется печь диаметром $0,75$ м. Устье топки подведено к западному борту суфы, боковой канал горизонтального дымохода проложен до северной стены помещения. Ташнау перед печью не обнаружено.

Помещение 46а (размер $4 \times 1,5$ м) — кладовочка с закромом, которая сообщается узким проходом с помещением 48 (размер $3 \times 2,15$ м), также типа кладовой. Вход в эти смежные помещения находится в юго-восточном углу связующего помещения 54.

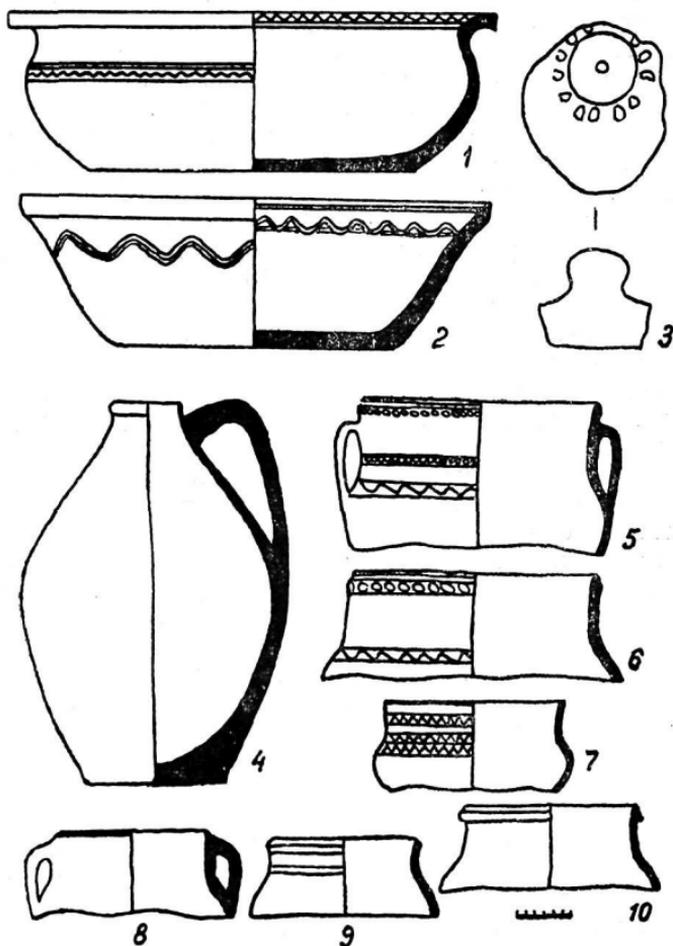

Рис. 4. Неполивная керамика основного строительного горизонта (1, 2 — тагора, 3 — крышка тандыра, 4 — кувшин, 5—10 — горшки).

В восточной части массива III насчитывается шесть домов с самостоятельными выходами на улицы.

Дом 6 состоит из двух помещений (1 и 2). Первое — айван размером $5,5 \times 4,6$ м, с южной стороны открытый на улицу. В середине восточной стены айвана имеется проход в жилое помещение 2 размером

7,15×4,8 м. Помещение плохо сохранилось. Выявлена часть суфы в северо-западном углу с печью диаметром 0,75 м. Устье топки печи расположено у восточного борта суфы, дымоход длиной 0,75 м — с противоположной стороны. Внутрстенный отрезок дымохода находится в западной стене помещения. Северо-восточная часть суфы занята четырьмя закромами. Ташнау не обнаружено.

Дом 7 состоит из трех помещений (3, 4, 5). Центральное жилое помещение 4 размером 5,1×4,5 м. У северной, восточной и западной стен устроена суфа высотой 0,4 м. Перед проходом в помещение 3 выявлен вымощенный участок пола с ташнау. В северо-восточном углу его к суфе пристроена квадратная глинобитная тумба (0,6×0,6 м), обложенная жженым кирпичом. Поверхность ее обожжена. В юго-западном отрезке суфы имелись парные печи-гандыры диаметром 0,55 и 0,45 м. Каналы горизонтальных дымоходов печей подведены к единому внутрстенному каналу в западной стене. В северо-восточном углу помещения отмечена хозяйственная яма глубиной 1,5 м.

Жилое помещение 4 проходное. С западной стороны оно сообщалось проходом с хозяйственным помещением 5 (размер 4,6×2,2 м). В его южной половине отмечено три закрома с тонкими глинобитными перегородками. Пол в помещении поднят почти до уровня суфы соседнего жилого помещения.

С южной стороны центральное помещение сообщалось с помещением 3 (размер 4,1×3,05 м), в южной стене которого расположен дверной проем в сторону улицы.

Два помещения дома 8 занимают юго-западную часть жилого массива. Проход с улицы в помещения обнаружить не удалось. Центральное жилое помещение 6 размером 6,6×5,1 м. В северо-восточном углу суфы находится печь диаметром 0,8 м с горизонтальным дымоходом в восточной стене. Устье топки с западной стороны печи выходит на замкнутый вымощенный участок пола с ташнау, прикрытым кирпичом с отверстием. С северной стороны помещение сообщается узким проходом с подсобным помещением 7 размером 3,6×2,75 м.

В северной половине восточной части жилого массива было еще три комплекса помещений с выходами на разные улицы. Четко выявляется планировка дома 9, состоящего из помещений 8, 9, 10 и 11. Центральное жилое помещение 8 размером 5,5×5 м. В юго-западном углу его имеется печь диаметром 0,5 м, вмазанная в суфу. Горизонтальный дымоход длиной 1 м подведен к западной стене помещения, перед устьем топки печи с восточной стороны устроено ташнау. Юго-восточная часть помещения занята закромом. В северной стене помещения был проход на улицу. По периметру южной и западной стен расположено три подсобных помещения 9, 10, 11 размером 4,7×2,6; 4,2×2,75 и 5,15×4 м. В помещении 9 в юго-восточном углу обнаружено два закрома. Помещения 10 и 11 смежные, в центральной части последнего выявлена вымощенная площадка с ташнау.

Дом 10 двухкомнатный, центральное помещение 12 размером $4,75 \times 4,1$ м. Выход из дома на улицу. Суфа в помещении устроена на уровне поверхности улицы, в северо-восточном углу перед устьем топ-

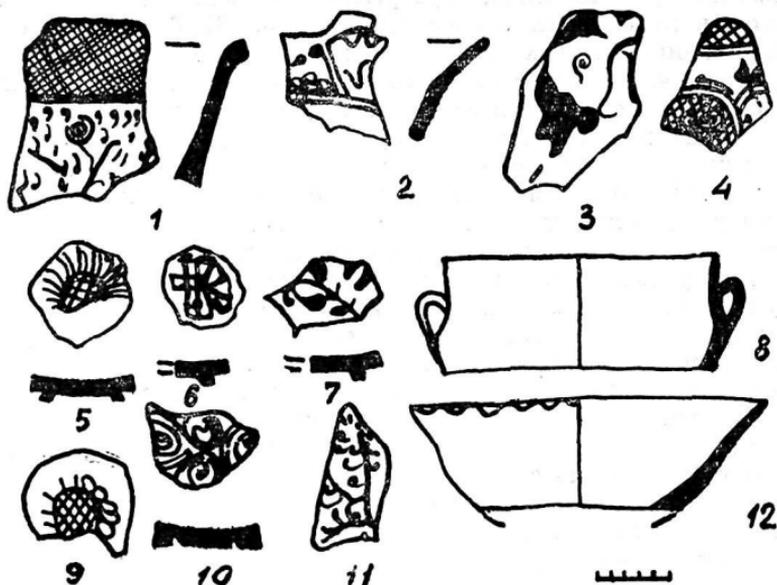

Рис. 5. Поливная керамика основного строительного горизонта (1, 12 — тагора, 2—7, 9—11 — чаши, блюда, 8 — горшок).

ки печи зафиксированы пониженный участок с ташнау, вымощенный кирпичом, и глинобитная тумба, поверхность которой также из жженого кирпича. Печь диаметром 0,6 м, горизонтальный дымоход ее очень короткий — 0,3 м. В северо-западном углу помещения имеется два закрома с тонкими глинобитными перегородками. Участок улицы перед помещением не докопан. Не исключено, что помещение выходило на улицу айваном.

К дому 11 относится жилое помещение 13 ($6,75 \times 4,5$ м). Проходов в помещении не обнаружено, возможно, в комплекс входили две небольшие смежные комнаты, расположенные с восточной стороны помещения 13. Интерьер помещения обычный: в северо-восточном углу — печь диаметром 0,5 м с дымоходом с северной стороны и устьем топки с противоположной. Перед устьем топки имеется небольшая замкнутая, вымощенная кирпичом площадка с ташнау, которая ниже суфы на 0,4 м. В юго-западной части площадки находится угловая тумба, обложенная жженым кирпичом, поверхность ее обожжена.

Такова характеристика основного строительного горизонта, выявленного на территории трех жилых массивов. На некоторых участ-

ках массива III встречены конструкции самого верхнего горизонта. Планировку его полностью выяснить не удалось, можно лишь отметить вымостки из жженого кирпича в помещениях 47 и 29, новые, более высокие уровни полов, перекрывавшие конструкции основного строительного горизонта в помещениях 29, 36, 37, 38, 40, 55. Совпала ли планировка двух строительных горизонтов или нет — неясно. В одном случае оказалось возможным установить перепланировку. В помещении 37 на уровне верхнего горизонта была возведена новая северная стена, почти на метр сдвинутая южнее прежней. Незначительные смещения стен обнаружены и в других помещениях. Следует отметить, что перестройка или ремонт предпринимались спустя некоторое время (судя по слою запустения в 0,2—0,3 м на полах) после сильного пожара, происшедшего на большей части массива III. Пожар фиксировался по горелым балкам и камышовому настилу перекрытий, лежавшему на полах помещений. Огонь был настолько сильным, что стены в ряде помещений прокалились докрасна. Много обломков обгоревших сырцовых и дерновых кирпичей обнаружено в слое забутовки под полами помещений верхнего горизонта. Следы верхнего горизонта удалось обнаружить только на отдельных участках — это доказательство того, что в самый последний период обживалась лишь незначительная территория жилого массива III.

При возведении строительных конструкций верхнего слоя Отрара использовался нестандартный прямоугольный сырцовый кирпич низкого качества, разного размера — 45×20 , 32×15 , $27-25 \times 20$, 32×25 , 27×18 см, толщина 8—10 см (встречаются и другого размера). Жженный кирпич квадратный (25×25 см). Имеются стены, сложенные из дернового кирпича, и глинобитные. Система кладки разнообразная: плашмя, на ребро с наклоном, «в елочку». Судя по остаткам деревянных стоек в стенах, где кирпич лежит «навалом», и в тонких внутрикомнатных перегородках, при строительстве использовались каркасные конструкции. Фундаменты отсутствуют, жженный кирпич употреблялся лишь для выкладки полов и облицовки бортов суфы. Перекрытия были, видимо, плоскими, на полах имеются остатки необработанных деревянных балок и пластины камышового настила с глиносаманной обмазкой. Деревянные плахи, вмазанные в суфу, возможно, были подставками центрального опорного столба плоских перекрытий.

Массовым материалом из раскопов является керамика. Учет ее велся по слою основного строительного горизонта и слою, связанному с перестройками после пожара или с уровнем верхнего пола.

Для основного строительного горизонта характерны горшки, большинство которых с двумя плоскими в сечении ручками (рис. 4, 5—10). Горловина прямая, с подтреугольной в разрезе закраиной. Горшки, как правило, орнаментированы прочерченно-вдавленным линейным, волнистым, зубчатым узором в различных сочетаниях. Встречаются также налесты полосок с вмятинами, защипами, насечками. Аналогичные горшки обнаружены и в слое верхнего горизонта (рис. 6, 2, 4, 6, 8), но

они богаче орнаментированы. Подобные горшки известны по слою XV—XVIII вв. стратиграфического шурфа Отрара² и керамике Хорезма XV—XVII вв.³

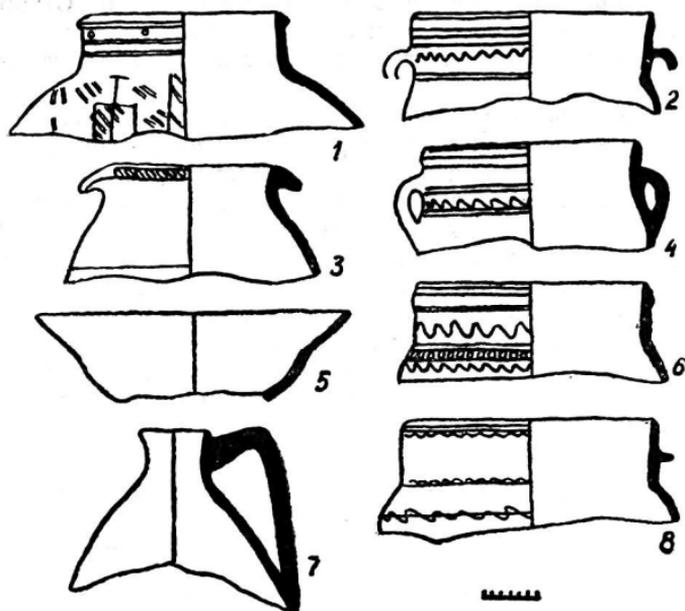

Рис. 6. Неполивная керамика верхнего горизонта (1, 3 — хумы, 5 — чаша, 7 — кувшин, 2, 4, 6, 8 — горшки).

Кувшины (рис. 4, 4) имеют овальное с покатыми плечиками тулово, невысокую узкую горловину, которая соединена с плечиками пластичатой ручкой. По форме кувшины верхнего горизонта сохранили преимственность от кувшинов более позднего времени (рис. 6, 7). Широко распространены тагора диаметром до 50 см и высотой до 20 см, как правило, с двухсторонней орнаментацией (рис. 4, 1, 2). Близкие формы тагора встречены в Хорезме, в материалах XV—XVII вв.⁴ Хумы также с овальным туловом, покрытым косыми насечками, или гладким. Венчики обычно утолщенные, скошенные наружу, с плоской или округлой площадкой (рис. 2). Аналогии хумам есть в Хорезме, в материалах XV—XVII вв.⁵, известны они в Мерве в слое XVI в.⁶ В

² К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 110—122, рис. 69—73, 84.

³ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма. Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 334.

⁴ Там же, стр. 329, рис. 38.

⁵ Там же, стр. 330.

⁶ В. М. Массон. Хумы Нисы. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (далее: ЮТАКЭ), т. II. Ашхабад, 1953, стр. 416.

основном строительном горизонте и верхнем горизонте найдены однотипные крышки для печей-гандыров, они дисковидной формы диаметром до 0,55 м с ручкой-навершием в центре. Все отмеченные формы были встречены также в стратиграфическом шурфе на Отраре в слое XV—XVIII вв. Таким образом, неполивная керамика верхнего слоя в целом однотипна и находит широкие аналогии в материалах XV—XVIII вв.

Поливная керамика основного строительного горизонта Отрара представлена чашами различных размеров, тарелками, блюдами, тагора, двуручными горшкообразными сосудами (рис. 5). Они изготовлены из обычного теста, кашин отсутствует. Для посуды характерны кольцевые, врезные кольцевые поддоны, реже дисковидные. Встречается керамика с бесцветной поливной и моно- или полихромной росписью марганцем, кобальтом и голубой краской, а также с окрашенной поливой: темно-зеленой, голубой, под которой сделаны росписи марганцем или кобальтом. Мотивы орнамента весьма разнообразны: очень стилизованные растительные узоры в различных вариантах, мотив «вихревой розетки», геометрический орнамент, стилизованные эпиграфические узоры, тамгообразные знаки. Аналогии отрарской поливной керамики основного строительного горизонта многочисленны в среднеазиатских материалах XV—XVII вв.⁷ и стратиграфического шурфа Отрара⁸. Однако следует отметить, что если для керамики XV в. характерны реальные растительные композиции, то для поливной керамики верхнего слоя Отрара свойственны сильная стилизация растительных узоров и варианты «вихревой розетки», распространены в керамике XVI в.⁹ Исходя из этого основной строительный горизонт верхнего слоя Отрара можно датировать XVI—XVII вв.

У поливной керамики верхнего горизонта (рис. 7) наблюдаются некоторые изменения в профилировке поддона (становятся плоскими), цветовой гамме, в элементах орнаментальной росписи. Преобладают чаши и блюда на дисковидном поддоне, роспись на них марганцем и голубой краской, редко кобальтом. Ведущими элементами орнамента являются завитки в различных вариантах и спираль, солнцевидный знак или басма. Орнамент имеет концентрическое расположение. Аналогичная керамика отмечена в стратиграфическом шурфе Отра-

⁷ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 413—416; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма, стр. 334—337; Д. Вархотова. Художественная керамика XV — начала XVI в. из Ташкента. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 8-9, стр. 86—87; И. Ахраров. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI вв. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 8—9, рис. 1.

⁸ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. В. Ермакович. Древний Отрар, стр. 112—117.

⁹ Л. В. Ермакович, А. Исаков. Позднесредневековая поливная керамика из Пенджикента. «Известия АН ТаджССР, серия обществ. наук», 1971, вып. 3(65), стр. 65—68.

ра¹⁰ в слое XVII—XVIII вв. и в слое этого же периода городища Сузак¹¹.

Основную часть нумизматического материала составляют медные монеты, которые лишь по технике чекана можно отнести к XVI—

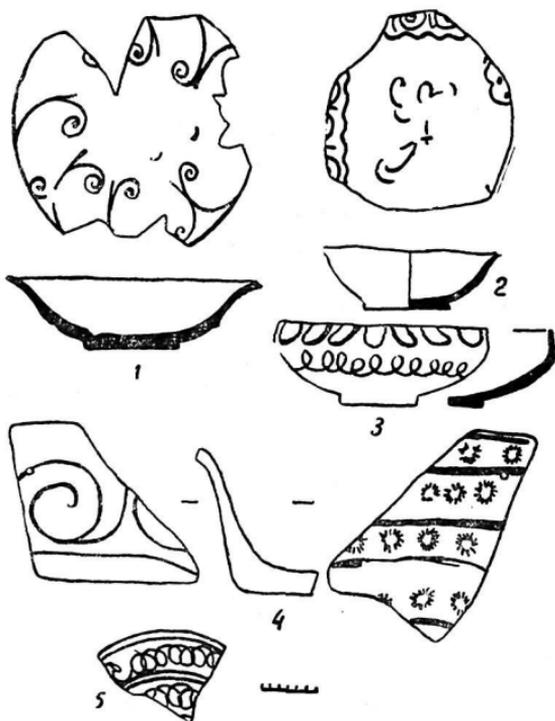

Рис. 7. Поливная керамика верхнего горизонта (1, 2 — чаши, 3 — горшок, 4, 5 — тагора).

XVIII вв.¹² В собранной коллекции отметим твердо датированные 23 медные монеты XVI в., найденные главным образом на полах помещений основного строительного горизонта, три медные монеты XVII в. и две чекана Юнус-ходжи (конец XVIII в.) из верхнего горизонта. Важное значение для датировки имеет клад серебряных монет (12 экз.), чеканенных Имам-Кули-ханом (середина XVII в.). Условия залегания этого клада позволяют предполагать, что он был зарыт накануне пожара. Исходя из изложенного основной строительный горизонт можно датировать XVI—XVII вв., а верхний — XVII—XVIII вв.

¹⁰ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Древний Отрар, стр. 117—122.

¹¹ Л. Б. Ермакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 78—81.

¹² Монеты Отрара определены Р. З. Бурнашевой.

МОНЕТНЫЙ МАТЕРИАЛ С ГОРОДИЩА ОТРАР-ТОБЕ ЗА 1971—1972 ГОДЫ

В 1971—1972 гг. археологические работы на городище Отрар-тобе велись Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией под руководством К. А. Акишева. Общая площадь раскопанной территории достигла 17 500 м² (в 1971 г.—7500 м² и в 1972 г.—10 000 м²)¹. Археологический материал с раскопов разграничивается на два строительных периода — XV—XVI и XVII—XVIII вв. Нумизматический материал разновременный, наряду с позднотирующими монетами имеются монеты VIII—XIV вв. Всего за два года собрано 129 целых монет и три фрагмента (в 1971 г.—70 целых и 3 фрагмента и в 1972 г.—59). Основная их часть — медь, причем весьма плохой сохранности (вся изъеденная или же совершенно стертая, или же со следами еле заметных надписей). Исключение составляет одна монетка из золота плохого качества («бледная»), видимо, с большой примесью серебра (центральная часть раскопа II, 1971 г., на уровне основного пола), представляющая собой кружок ($d=17$ мм) из листового золота, обрезанный по краям ножницами уже после чеканки, вес 2,05 г.

Л. ст. В поле, окаймленном линейным ободком, сохранилась часть от символа веры.

Об. ст. В поле, окаймленном линейным ободком и ободком из насечек, от трехстрочной надписи осталось $\text{الله} \dots | \text{و} \dots | \dots$.

Возможно, монета фальшивая, выпускных сведений нет. Но, судя по размеру и почерку, ее можно отнести к джатаидскому чекану 50—60 гг. XIII в. (табл. I, 1).

Другим исключением в материале является кладик джанидских серебряных тенег, обнаруженных в 1972 г. в кв. Д-5 раскопа II при снятии верхнего слоя на один штык. Кладик находился в матерчатом мешочке или же «чулке», так как при снятии его осталась пыль от истлевшего материала. Он представлял собой столбик спекшихся зелено-

¹ Площадь одного раскопа 50×50 м.

ватых монетных кружков. После чистки выявилось 12 тенег из серебра плохого качества и одна медная монета. Любопытно, что медная монета ($d=25$ мм, $v=2,01$ г) представляет собой аббасидское подражание бухарским драхмам. Такие монеты зарегистрированы О. И. Смирновой². Они датируются третьей четвертью VIII в.

Л. ст. В поле, окаймленном точечным ободком, видно погрудное изображение царя, выполненное штрихами и точками разной величины. Над венцом царя — полумесяц вверху с точкой. Слева за ним — арабская надпись *المهدي* (ал-Махди). Ниже над плечами — лента. Перед лицом царя расположена схематизированная легенда бухарским письмом плохой сохранности, местами монета выщерблена до дырочек. Надпись, видимо, означает «Бухары царь».

Об. ст. сплошь выщерблена (табл. I, 2).

Описанная бухархудатская монета не единственная из Отрар-тобе. В 1970 г. в разрезе стратиграфического шурфа в помещении на полу была найдена медная монета такого же типа. Согласно археологическому комплексу, она относится к IX—X вв.³ Странно, как могла оказаться среди тенег середины XVII в. монета VIII в.? Вероятно, она попала сюда случайно.

Кладик по поздним монетам датируется серединой XVII в. Видимо, он был утерян также случайно. По технике изготовления монеты — это кусочки проволоки, расплющенные сбоку (явно выступают уголки, глубокие трещинки между ними). Они округло-четыреугольной, округло-ромбической и округло-прямоугольной формы. На некоторых из них имеются следы двойных сдвинутых ударов.

Из 12 монет четыре с неясными следами надписей, остальные относятся к чекану двух правителей: Имам-Кули-хана (6 экз.) и Надир-Мухаммад-хана (2 экз.).

Имам-Кули-хан (1020/1611—1051/1642)

1. 2 экз., $d=24 \times 26$ мм, $v_1=4$ г; $d_2=21 \times 27$ мм, $v_2=3,96$ г.

Л. ст. В двойном линейном квадратном картуше, в середине которого сделана насечка из полосок, чередующихся с точками $\cdot|\cdot|\cdot|\cdot|\cdot|\cdot|\cdot$, читается только часть имени *امام قلی* (Имам-Кули), далее все стерто.

Об. ст. В таком же картуше оттиснут сдвинутый двойной удар символа веры, который сохранился лишь частично. Кругом все стерто.

² О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1940—1956 гг.). М., 1963, стр. 59, № 20.

³ Р. З. Бурнашева. Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (Материалы 1969—1970 гг.). В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 92—93, № 7.

Этот тип по картушу известен из работы Е. А. Давидович⁴ и потому датируется тем же временем, т. е. 1043/1633—34. Место чеканки г. Бухара (табл. I, 3).

2. 2 экз., $\partial_1=22 \times 24$ мм, $v_1=4,07$ г; $\partial_2=23 \times 25$ мм, $v_2=4,12$ г.

Л. ст. В фигурном линейном картуше от всей легенды читается только... قلى ... (Кули).

От круговой легенды сохранилось благопожелание.. حلد الله ...

Об. ст. В четырехугольном линейном картуше, по углам которого трехлепестковый орнамент, видна кое-как сохранившаяся часть символа веры. Кругом все стерто.

Этот тип аналогичен типу 6, описанному Е. А. Давидович. Место чеканки г. Самарканд. Дата отсутствует (табл. I, 4)⁵.

3. 1 экз., $\partial=25 \times 26$ мм, $v=4,25$ г.

Л. ст. В поле, окаймленном линейным фигурным ободком, читается имя и титул государя خان قلى بهادر خان (Имам-Кули бахадур-хан).

Круговая легенда стерта.

Об. ст. В фигурном картуше в виде волнообразных завитков, на стыке четырех углов которого имеются маленькие кружочки, читается символ веры.. لا اله الا الله محمد. Далее стерто (табл. I, 5).

Картуш л. ст. совпадает с картушем типа 44 серебряных тенег Имам-Кули-хана, а легенда нет⁶. Но картуш об. ст. новый. Следовательно, и сама монета — это новый тип в чекане Имам-Кули-хана. В его чекане Е. А. Давидович зарегистрировала 56 типов⁷. В основу типологической классификации положена форма картушей двух сторон монетного кружка, так как именно по ней население различало теньги разной пробы и разного курса⁸. Продолжая нумерацию, предложенную Е. А. Давидович, нашу монету можно считать 58 типом в чекане Имам-Кули-хана⁹.

4. 1 экз., $\partial=25 \times 26$ мм, $v=4,07$ г.

Л. ст. В поле, окаймленном двумя линейными ободками, имеющими форму шестигранника, читается титул и имя государя, как у типа 3. Кругом все стерто.

Об. ст. В таком же картуше — символ веры. Вокруг стерто. Эта монета по картушу не повторяет типы, описанные Е. А. Давидович, поэтому ее можно зафиксировать как новый 59 тип (табл. I, 6).

⁴ Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, стр. 22, табл. 4а, тип. 14 и стр. 24, тип 14, фототабл. V.

⁵ Там же, стр. 22; стр. 23, табл. 40, тип 6.

⁶ Там же, стр. 22.

⁷ Е. А. Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды). В сб.: «Материальная культура Таджикистана», вып. 2. Душанбе, 1971, стр. 184.

⁸ Там же.

⁹ 57 тип Е. А. Давидович еще не опубликован.

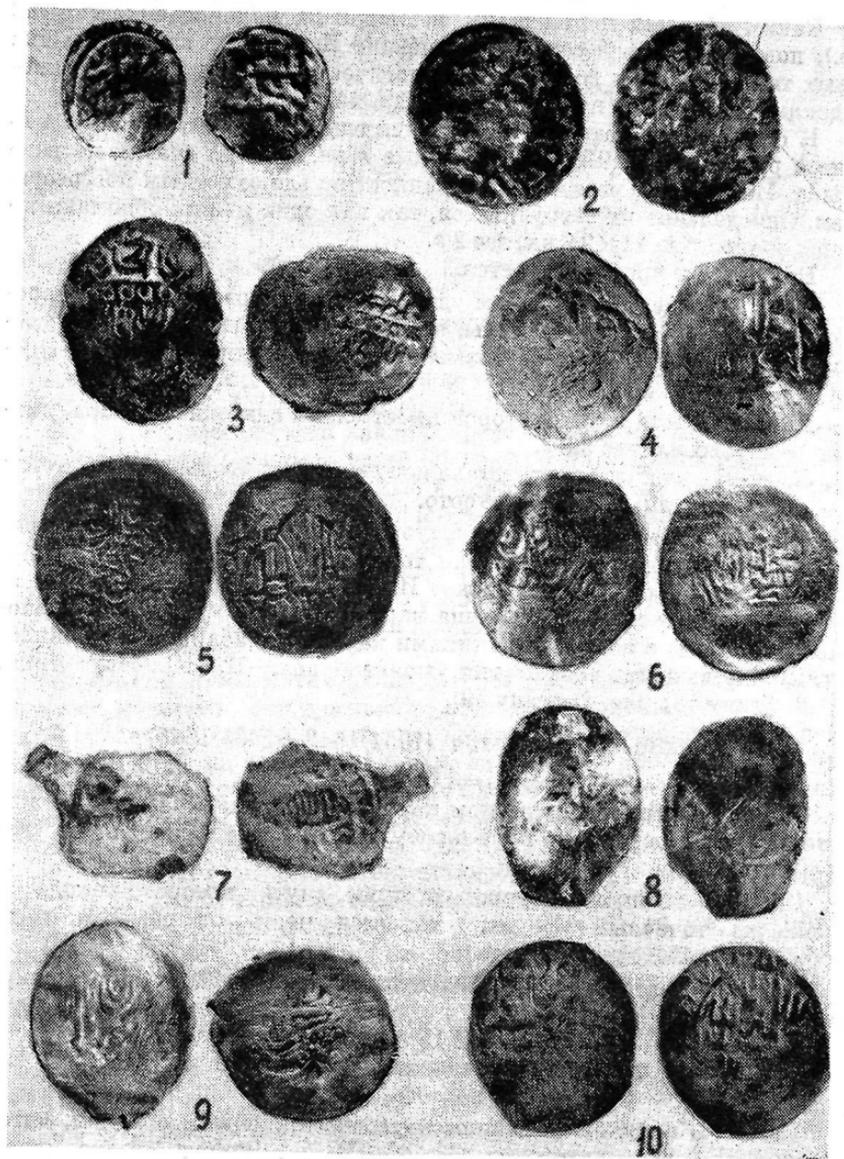

Таблица I. 1 — золотая монета джагатаидского чекана 50—60-х гг. XIII в.; 2 — бухархударская монета третьей четверти VIII в.; 3 — чекан Имам-Кули-хана (1); 4 — чекан Имам-Кули-хана (2); 5 — чекан Имам-Кули-хана (3); 6 — чекан Имам-Кули-хана (4); 7 — чекан Имам-Кули-хана (5); 8 — чекан Имам-Кули-хана (6); 9 — чекан Надир-Мухаммад-хана (1); 10 — чекан Надир-Мухаммад-хана (2).

Таким образом, наш кладик, несмотря на малочисленность (12 экз.), помог выявить в серебряном чекане Имам-Кули-хана еще два новых типа (58, 59) и дополнил типологическую классификацию джанидских тенег XVII в. новыми экземплярами.

К описанному материалу относятся еще две монеты Имам-Кули-хана с раскопа III (1972 г.), найденные в кв. В-3 при снятии первого штыка. Монеты весьма плохой сохранности с еле заметным посеребрением. Определение их затрудняется, так как одна из них обломана по краям, диаметр ее 11×25 мм, вес 2 г.

На л. ст. еле просматривается... قلى ... (Кули).

Об. ст. В поле, окаймленном удлинением квадратом, углы которого с внутренней стороны срезаны, с внешней стороны в ободке из треугольников, окаймленных круговым линейным ободком, читается символ веры لا اله الا الله محمد رسول الله (табл. I, 7).

Другая монета с обеих сторон имеет следы сдвоенного удара, диаметр ее 20×26 мм, вес 3,8 г.

Л. ст. В картуше, представляющем прямоугольник, читается ... قلى ... (Кули). Далее все стерто.

Об. ст. Сохранила только картуш, состоящий из двух круговых линий, в середине которых сделан точечный ободок (табл. I, 8).

Для чекана серебряных монет Имам-Кули-хана и Надир-Мухаммад-хана нами составлена таблица картушей (табл. II, а и б). Сопоставляя ее типы с известными типами картушей таблиц Е. А. Давидович, можно выявить новый тип монет (табл. II, а: новые типы рис. 3=типу 58; рис. 4=типу 59).

Надир-Мухаммад-хан (1051/1642—1055/1645)

1. 1 экз., $\varnothing = 24 \times 26$ мм, $v = 4,01$ г.

Л. ст. В двойном квадратном картуше из точек и насечек читается только имя государя с частью титула ... محمد بهادر خا. Кругом все стерто.

Об. ст. В двойном фигурном картуше, внутри которого находится такой же точечный ободок, читается часть от символа веры ... سول الله. Кругом стерто.

Этот тип повторяет тип 9, известный по работе Е. А. Давидович. (табл. I, 9; табл. II, а, рис. 1)¹⁰.

2. 1 экз., $\varnothing = 24 \times 25$ мм, $v = 4,15$ г.

Л. ст. Картуш стертый. В поле читается только ... ندر محمد..., далее стерто.

Об. ст. В поле, окаймленном круговым линейным ободком, читается символ веры ... لا اله الا الله محمد. Вокруг сохранились незначительные остатки надписи.

¹⁰ Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., стр. 36, табл. 5, тип 9; стр. 73 и 122.

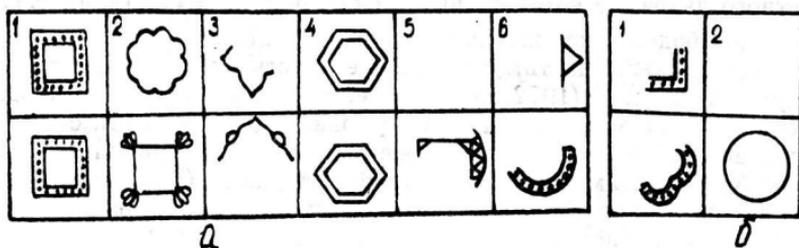

Таблица II. Картуши серебряных монет: а — чекан Имам-Кули-хана; б — чекан НаDIR-Мухаммад-хана.

Об. ст. этого типа совпадает с типом 10 чекана НаDIR-Мухаммад-хана ¹¹. Так как картуш л. ст. стертый, то нельзя определить, повторяет ли наш экземпляр данный тип или же является новой разновидностью типа 10 (табл. I, 10; табл. II, б, рис. 2).

По своему составу наш кладик, представляющий чекан двух правителей, копирует Самаркандский (460 экз.) и Янги-Юльский (222 экз.) клады, а также клады, найденные в 1893 г. в б. Наманганском уезде (30 экз.) и в 1896 г. в б. Кураминском уезде Сырдарьинской области ¹². При рассмотрении состава других кладов монеты этих государей преобладают, особенно Имам-Кули-хана ¹³. Видимо, это явление не случайное, оно отражает какой-то этап в чекане и обращении серебряных монет XVII в. По ареалу наш кладик пока остается самой отдаленной западной точкой.

Остальной нумизматический материал с Отрар-тобе представлен медными монетами. Это в основном стертая или же полустертая медь самой различной формы и размера, которая трудно поддается определению. Но даже на тех экземплярах, на которых кое-что можно прочесть, выпускные сведения часто отсутствуют, это потому, что медные монеты XVI—XIX вв. чеканились без имени правителя и даты.

Описание медного материала будет дано по раскопам и годам.

Раскоп I (1971 г.). Из 23 экземпляров 14 штук совершенно стертые, т. е. не имеют никаких следов надписей и картушей.

1. Кв. А-1, 2 слой с тандырами. 1 экз., $\varnothing = 15 \times 16$ мм, $v = 1,65$ г. Монета плохой сохранности, но она определяется другим экземпляром этого же типа, найденным в центральной части раскопа III в 1971 г., диаметр ее 24 мм, вес 3,45 г.

Л. ст. В квадратном картуше — имя и титул Тимура — *امير تيمور*. По сторонам картуша в сегментах — дата чекана, от которой читается только *سنه . . . | ثمانين*. Ободок линейный и точечный.

Об. ст. В центре поля — трехлепестковая розетка с тремя кружочками в лепестках. По сторонам в трех сегментах дано наименование

¹¹ Там же, стр. 36, табл. 5, тип 10.

¹² Там же, стр. 61, 80.

¹³ Там же.

монетного двора, от которого читается только ... قند... (канд, т. е. Самарканд). Ободок такой же, как на л. ст. (табл. III, 1).

Аналогичный тип тимурской монеты есть в подъемном материале с раскопов I и II (1972 г.). Но экземпляр с раскопа I находится в составе спекшихся медных монет (4 экз.) и поэтому ее л. ст. не просматривается. Кроме того, такой же тип хранится в школьном музее школы № 74 г. Алма-Аты (подъемный материал с Отрар-тобе, 1970 г.) и имеется в составе клада 2, найденного при земляных работах на одном из городищ Гиссарской долины, к северу от Душанбе¹⁴. Е. А. Давидович относит монету к самому раннему чекану Тимура и датирует ее 786 г. х. (1384/85)¹⁵. Наши экземпляры, повторяющие этот тип, мы датируем этим же временем.

Тамга в виде трех кружков встречается на монгольских монетах¹⁶ и считается символом «трех сокровищ или же трех драгоценностей»¹⁷. Позднее ее принял в качестве личного знака эмир Тимур. Три кружка ставились на его печатях, монетах и даже на некоторых предметах, изготовлявшихся по его приказанию¹⁸.

2. Кв. В-1, ярус 1. 1 экз., $\varnothing = 13 \times 14$ мм, $v = 1,25$ г.

Л. ст. имеет две тонкие выпуклые линии , параллельные кругу монетки.

Об. ст. стертая.

Такая медь собрана на городище Отрар-тобе не в малом количестве. Она была и в материалах прошлых лет. Эти монеты небольшого диаметра ($9 \times 10 - 13 \times 14$ мм), вес их колеблется от 0,6 до 1,3 г. Кроме описанного рисунка имеются другие, представляющие собой сетку (#), крестик (+), удлинненный крестик (-+) и т. д. Эти же знаки встречаются и на керамике, в частности отрарского производства, в

основном на поддонах поливных чаш как с внутренней, так и с внешней стороны именно с XVI в. Археологи полагают, что это клейма различных керамических мастерских и что некоторые из них напоминают родовые казахские тамги¹⁹. Возможно, такие монеты чеканились на каком-то провинциальном монетном дворе, по всей вероятности в Туркестане (Ясы)²⁰. По описанию Рузбехана, город в XVI в. являлся

¹⁴ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. «Нумизматика и эпиграфика», т. V. М., 1965, стр. 225, 228; ее же. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. Ташкент, 1965, стр. 275.

¹⁵ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в., стр. 228.

¹⁶ М. Е. Массон. Клад медных монет XV века из Оша. «Эпиграфика Востока», XIII, 1960, стр. 120.

¹⁷ Д. Кара. Книги монгольских кочевников. М., 1972, стр. 90.

¹⁸ М. Е. Массон. Клад медных монет XV века из Оша, стр. 120.

¹⁹ К. Байпаков, Л. Ермакович. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971, стр. 185.

²⁰ Р. З. Бурнашева. Клады медных монет из г. Туркестана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 58—68.

столицей области Туркестан. «Товары и драгоценные вещи прибывают в город Яссу, и там происходит купля и продажа их. Здесь местопребывание купцов с грузами разных стран и путешественников. Здесь сходятся дороги из Мавераннахра и Китая»²¹.

Медные монеты в XVI в. обладали значительной покупательной способностью и господствовали в каждодневной розничной торговле²². В чекане XV—XVI вв. Е. А. Давидович удалось выявить монеты пяти разных достоинств: двойной динар, одинарный динар, полудинар, монету в $\frac{2}{3}$ динара и мелкую монетку (черный пул) в $\frac{1}{6}$ динара²³. Такая дробность медного чекана свидетельствует о значительном размахе денежной торговли именно в сфере обращения медных монет и объясняет причину чеканки и нашей меди.

Подобная монета зарегистрирована и в раскопе II (1971 г.), в юго-западной части его под № 11 и 13, в центральной части на уровне основного пола под № 15, а также в раскопе II (1972 г.) кв. А-1 под № 3 и кв. Д-4, на первом штыке под № 6. В 1970 г. во время археологических работ на могильнике Чага (в 30 км восточнее г. Туркестана) начальнику отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции А. Г. Максимовой принесли 10 таких же монет. Это была часть клада, найденного в горшочке жителем современного поселка Чага. Общее количество их нам неизвестно. Вес 10 шт. 10,5 г, диаметр каждой приблизительно 10×11 мм.

Сравнив средний вес (0,9 г) монет с Отрарского оазиса со средним весом (0,8 г) ташкентских пулов XVI в.²⁴, можно сказать, что они чеканились согласно определенному весовому эталону, равному 0,9 г²⁵. Вполне вероятно, что наши монеты выпущены в первой половине XVI в. и являются денежной единицей в $\frac{1}{6}$ часть основного медного номинала — динара.

3. Кв. Б-2. 1 экз., $d=22 \times 25$ мм, $v=3,85$ г.

Найдена на полу помещения.

Л. ст. В центре поля просматривается двойной надчекан: в первом частично сохранился уголок картуша в виде орнаментального четырехлепесткового цветка, во втором читается надпись $\text{عدل} \mid \text{سمر} \mid \text{قند}$ (Самарканд, 918—919 г. х.). Вокруг все стерто.

Об. ст. Частично сохранился только ободок: точечный и линейный. Остальное стерто (табл. III, 2).

²¹ С. К. Ибрагимов. «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. В кн.: «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 156.

²² Е. А. Давидович. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. «Изв. отделения общ. наук. Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии», вып. 3. Сталинабад, 1953, стр. 67.

²³ Е. А. Давидович. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в. «Нумизматика и эпиграфика», т. I. М., 1960, стр. 197.

²⁴ Там же, стр. 196.

²⁵ Там же.

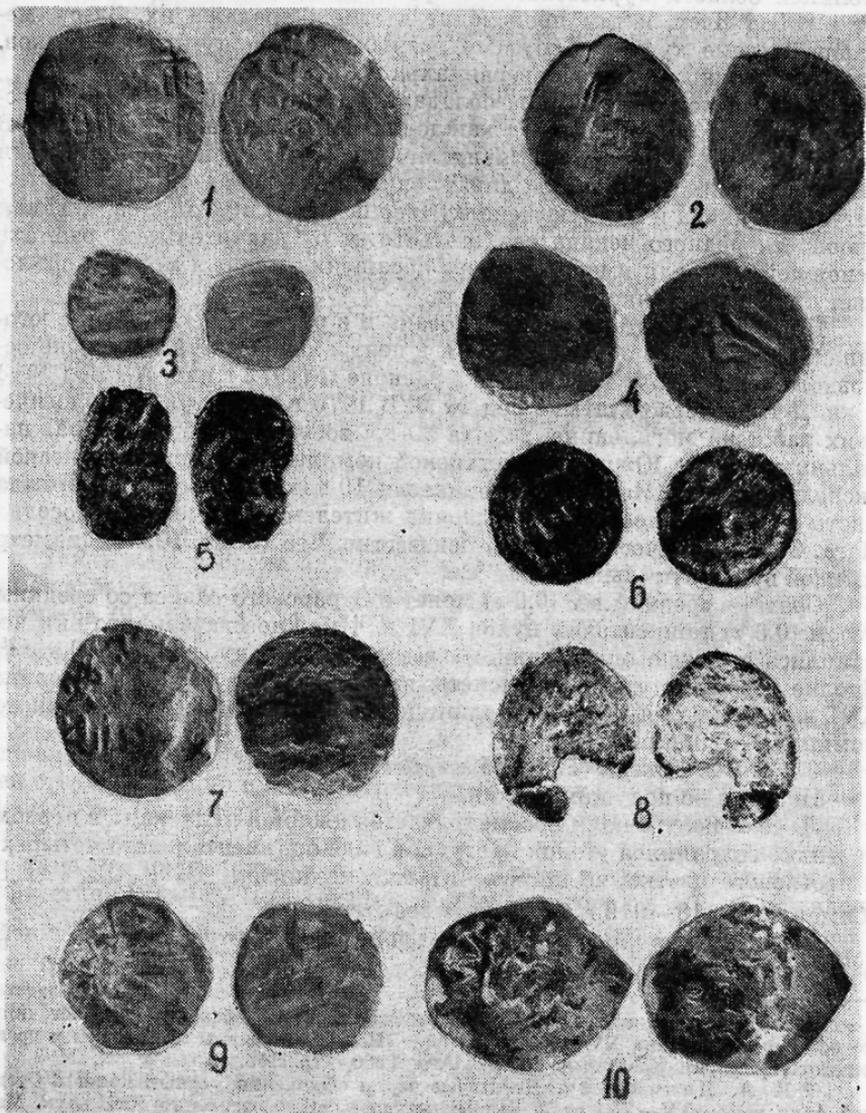

Таблица III. 1 — ранний медный чекан Тимура 786 г. х.; 2 — медная монета Самарканда 918—919 г. х. с двойным надчеканом (у первого сохранился частично уголок картуша; у второго читается надпись «адль Самарканд»); 3 — по-видимому, чекан Ташкента XVI—XIX вв.; 4 — медная монета среднеазиатского чекана XV—XVI вв.; 5 — чекан Улугбека 823 г. х.; 6 — монета Отрара конца VII — начала VIII в.; 7 — чекан Шахруха 819 г. х.; 8 — чекан Ясы XVI в.; 9 — тимуридский чекан Бухары 898—901 гг. х.; 10 — медная монета с изображениями рыбок (л. ст.) и джейрана (об. ст.), относящаяся к чекану Ташкента XVIII в., правление Юнус-Ходжи.

4. Кв. Г-2. Фрагмент медной монеты ($\varnothing=12$ мм, $\epsilon=0,75$ г) найден в заполнении возле тандыра 10.

Это тонкая пластинка, которая на л. ст. в маленьком квадратном картуше сохранила часть надписи от надчекана ... د ا ر ... Об. ст. стертая.

Монета не определена, так как из-за фрагментарности трудно восстановить надпись полностью.

5. Кв. А-5. На полу тандыра 32 найдены две монеты. Одна из них обломана и совершенно стертая, другая плохой сохранности ($\varnothing=14 \times 15$ мм, $\epsilon=1,45$ г).

На л. ст. частично остался фигурный надчекан с цифрой «26».

Об. ст. имеет следы линейного ободка, выше него расположены треугольники.

Вероятно, монета датируется XV—XVI вв.

6. Кв. Б-5. Одна монета ($\varnothing=10 \times 14 \times 15$ мм, $\epsilon=2,35$ г) найдена во втором слое. По технике изготовления это прут, один край у него утолщенный, другой лепешечкой.

Л. ст. имеет надпись, вероятно, ... ك ن د ... (кенд — Ташкент).

Об. ст. стертая.

По технике изготовления ее можно датировать XVI—XIX вв. (табл. III, 3).

7. Кв. Г-5. Одна монета ($\varnothing=21 \times 22$ мм, $\epsilon=3,4$ г) найдена в I ярусе южной стены.

Л. ст. стертая.

Об. ст. В поле дата частично стертая: ... ا ث م ا ن ي ا ه ... ع ش

Видимо, ее чекан относится к 823 г. х. (1420 г.)²⁶.

Раскоп II (1971 г.). В нем обнаружено 26 монет, из них 13 из-за плохой сохранности не поддаются определению. Остальные мы рассмотрим не поквратно, а по номерам находок²⁷.

1. Медная монета № 2 ($\varnothing=21 \times 22$ мм, $\epsilon=4,6$ г) найдена на уровне второго пола, у вымостки из жженого кирпича. По технике изготовления это прут, расплющенный с одного конца. Монета с одной стороны гладкая, а на другой имеет следы орнаментального картуша. Она продатирована Е. А. Давидович XV—XVI вв. (табл. III, 4)²⁸.

2. Монета № 7 ($\varnothing=13 \times 15$ мм, $\epsilon=2,6$ г) найдена на полу 3 в восточной части помещения с печью и деревянной плахой. По технике изготовления это также расплющенный прут.

На л. ст. частично сохранился линейный ободок.

Об. ст. В поле, окаймленном линейным ободком, имеется орнамент в виде восьмилепесткового цветка с точками в каждом лепестке.

²⁶ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. «Нумизматика и эпиграфика», т. V. М., 1965, стр. 228.

²⁷ Монетный материал с этого раскопа в отличие от другого зафиксирован археологами по номерам, поэтому мы будем давать его в том же порядке.

²⁸ Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Е. А. Давидович за ценную консультацию, данную нам при ознакомлении с нашим материалом.

Видимо, монета относится к ташкентскому чекану первой половины XVI в. Подобные монетки встречаются и в кладках из г. Туркестана²⁹.

3. Монета № 10 ($d=21 \times 22$ мм, $v=4,1$ г) найдена на уровне пола 3 возле ташнау в юго-западной части раскопа.

Л. ст. В верхней части поля, видимо, читается يسى (Ясы)? Кругом все стерто.

Об. ст. стертая. Чекан датируется XVI в.

4. Монета № 12 ($d=14 \times 20$ мм, $v=3$ г) найдена на уровне первого штыка в юго-западной части раскопа. По технике изготовления — прут, расплющенный с одного конца. Монета фрагментарна. На одной стороне сохранился частично картуш с отсеками, относящимися к чекану монет 823 г. х., т. е. к правлению Улугбека. Вокруг все стерто. Для археологических датировок время ее обращения XV—XVI вв. (табл. III, 5).

5. Шесть монет № 22—28 найдены на полу и в центральной части раскопа, четыре из них стерты. Первая монета присырдарьинских тюркских правителей с родовой тамгой (\square на л. ст. ($d=12 \times 12,5$ мм, $v=1,65$ г)). На об. ст. у нее фигура льва, повернутого вправо (табл. III, 6).

Этот тип монеты известен по материалам 1969—1970 гг. с Отрар-тобе³⁰ и относится к чекану конца VII — начала VIII в. самого Отрара.

Вторая монета ($d=22 \times 23$ мм, $v=3,95$ г) — самаркандский динар первой четверти XV в.

Л. ст. Ободок линейный. В поле — дата, от которой читается $\text{ماهه ... | } \Phi \text{ عسر...}$. Она совпадает с лицевой стороной монеты № 24910 из собрания отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, представляющей собой чекан Шахруха 819 г. х. (табл. III, 7).

Об. ст. В поле имеет фигурный картуш, от которого сохранилась только верхняя часть سور , в сегментах — наименование монетного двора... ضرب | سور (чекан Самар...). Далее все стерто.

6. Подъемная, частично обломанная монета № 21 ($d=20 \times 24$ мм, $v=1,3$ г).

Л. ст. имеет наименование монетного двора يسى (Ясы).

Об. ст. стертая. Датируется XVI в. (табл. III, 8).

Раскоп III (1971 г.). В нем найдено 11 монет, из них семь стертых.

1. Монета ($d=20 \times 22$ мм, $v=2,85$ г) из центральной части раскопа, ярус 1.

²⁹ Р. З. Бурнашева. Клады медных монет из г. Туркестана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 62.

³⁰ Р. З. Бурнашева. Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (Материалы 1969—1970 гг.). В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 85—86.

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, находится наименование монетного двора بخارا (Бухара).

Об. ст. От даты читается ... التا Далее все стерто (табл. III, 9).

Наша монета относится к первому варианту бухарских монет, чеканенных в 898—901 г. х.³¹, т. е. в конце XV в. Вполне вероятно, она имела хождение и в первой половине XVI в.

К этому же варианту бухарских монет принадлежит экземпляр ($\varnothing=21 \times 23$ мм, $\epsilon=4,15$ г), найденный в раскопе II (1972 г.) под № 12 в кв. Д-2 в проходе из помещения 46 в помещение 48.

Л. ст. такая же, как и у монеты № 1 из раскопа III (1971 г.).

Об. ст. имеет следы надчекана в квадратном картуше, в котором читается حصا (Хисар). Кругом все стерто.

Надчекан в прямоугольном картуше, содержащем надпись ضرب حصار سادمان, относится к 5 типу надчеканов и встречен на монете 899 г. х. (1493/94)³².

2. Монета ($\varnothing=14 \times 15$ мм, $\epsilon=4,1$ г) найдена на глубине 30 см в кв. В-6.

Л. ст. стертая.

Об. ст. В поле четырехлепестковый орнамент. Видимо, чекан Ташкента XVI в.

3. Монета ($\varnothing=15 \times 16$ мм, $\epsilon=1,05$ г) найдена в 1 ярусе кв. В-7. Она плохой сохранности.

Л. ст. В поле фигурки двух рыбок в виде полумесяца, повернутых головами друг к другу. Вокруг все стерто.

Об. ст. стертая.

Данный экземпляр аналогичен монете хорошей сохранности, найденной в раскопе II (1972 г.) под № 9 в кв. А-1 помещения 3. Ее размер: ширина $15 \times 23 \times 10$ мм, длина $20 \times 25 \times 23$ мм, вес 4,22 г.

На л. ст. имеются фигурки рыбок, как на монете № 3. Они в картуше из повернутых треугольников.

Об. ст. В поле, окаймленном двумя линейными ободками, в середине которых точечный, находится фигура животного (табл. III, 10).

В лекциях по нумизматике, прочитанных в 1949 г. на кафедре археологии САГУ, проф. М. Е. Массон говорил, что медные монеты различных номиналов с изображением рыбы и животных относятся к чекану Ташкента XVIII в., к периоду правления Юнус-ходжи. В 1784 г. Юнус-ходжа курултаем был избран правителем Ташкента³³. Аналогичные монеты хорошей сохранности хранятся в отделе нумизматики Музея истории Узбекистана (№ 31/10, 31/11). Они продатированы также XVIII в.

³¹ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в., стр. 229.

³² Там же, стр. 234.

³³ «История Узбекской ССР», т. I. Ташкент, 1967, стр. 660.

Раскоп I (1972 г.). Выявлено 16 экземпляров, из них 10 стерты, а три не определены.

1. Медная монета ($d=21 \times 24$ мм, $v=5,1$ г) найдена на полу помещения 24.

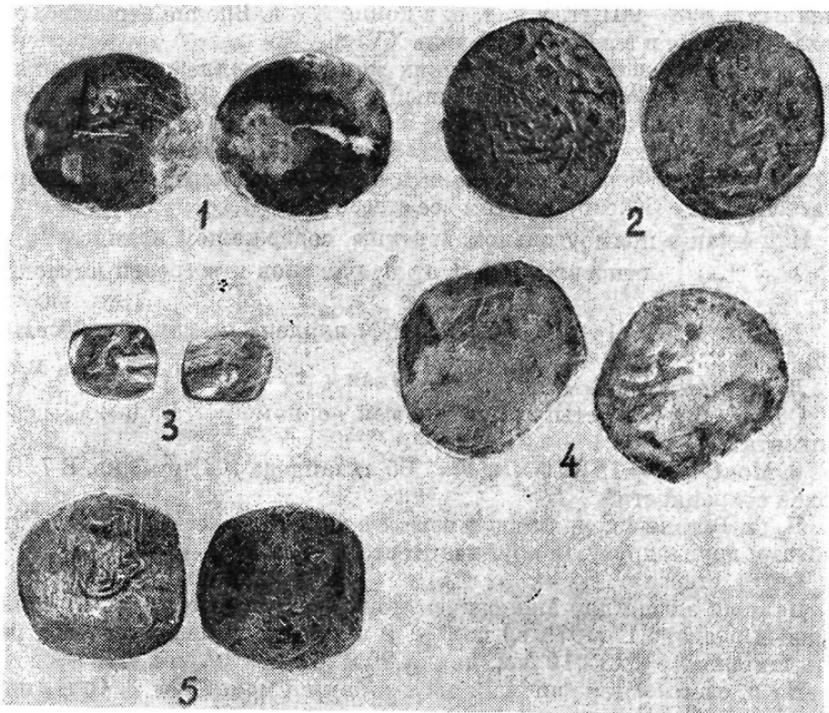

Таблица IV. 1 — монета с надчеканом в Хисаре XV в. с термином «данги»; 2 — монета 832 г. х., получившая поздний надчекан, видимо, первой половины XVI в.; 3 — медная монетка XVI—XIX вв.; 4 — монета среднеазиатского чекана не ранее XVI в.; 5 — среднеазиатская монета первой половины XVI в. с орнаментальным надчеканом.

Л. ст. имеет квадратный надчекан с надписью *شهر دانگی حصار*.
Кругом все стерто.

Об. ст. стертая (табл. IV, 1).

Этот тип надчекана принадлежит к 1 типу надчеканов второго разряда и относится к ранним надчеканам XV в.³⁴ Однако, согласно

³⁴ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. «Нумизматика и эпиграфика», т. V. М., 1965, стр. 247.

таблице надчеканов XV в., составленной З. А. Альхамовой, надчеканы такого типа с термином «данги» выпускались в 832—854 гг. х.³⁵

2. Медная монета ($d=25$ мм, $v=6,45$ г) найдена на полу тандыра 1.

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, вместо наименования монетного двора сохранилась часть надчекана квадратной формы. Остальное сдвинуто. Кругом от легенды в отсеках читается только $\text{ب} | \text{ض}$. Далее стерто.

Об. ст. В поле вписана дата прописью $\text{سنه اربعمائة وسبعون}$.

По орнаменту картуша лицевой стороны нашу монету можно отнести к чекану г. Шахрухии 832 г. х., но получившую более поздний надчекан, видимо первой половины XVI в. (табл. IV, 2).

3. Медная монета ($d=15$ мм, $v=2,35$ г) найдена в кв. Б-2, улица 4.

Л. ст. В поле, ограниченном четырехугольником, читается наименование монетного двора بخارا (Бухара).

Об. ст. стертая. Возможно, монета тимуридского времени.

В подъемном материале раскопа I (1972 г.) зарегистрированы две монеты тимуридского чекана и одна монетка из серии мелких монеток XVI в. с узором, напоминающим жучка 𐰇 .

Раскоп II (1972 г.). Найдено 18 монет, из них 8 стертые.

1. Кв. Д-4. Монета № 4 квадратной формы (размер 10×12 мм, $v=1,35$ г) обнаружена в первом штыке.

Л. ст. сохранила часть надписи, которую трудно прочесть из-за малого размера монетки. Об. ст. имеет следы виньетки 𐰇 . Монету можно датировать XVI—XVIII вв. (табл. IV, 3).

2. Кв. А-1. Монета № 8 в форме удлиненного квадрата (6×14 мм), из желтой меди, весом 1,1 г найдена в помещении 3.

Одна сторона ее совсем гладкая, другая со следами какой-то надписи. Видимо, ее также можно отнести к XVI—XVIII вв.

3. Кв. А-1. Монета № 10 (размер $18 \times 20 \times 26$ мм, $v=4,05$ г) найдена в помещении 3.

Л. ст. В поле, окаймленном линейным ободком, имеются следы неясной надписи. Об. ст. стертая, но частично на ней сохранились остатки надписи. Чеканена не ранее XVI в. (табл. IV, 4).

Раскоп III (1972 г.). Собрано 10 монет, из них 8 стертые, одна не определена. Две монеты с посеребрением отнесены к чекану Имам-Кули-хана и указаны при описании кладика с его чеканом наверху.

Раскоп IV (1972 г.). Имеется 3 экз. Две монеты стертые, одна ($d=20 \times 23$ мм, $v=3,9$ г) представляет собой медный чекан первой половины XVI в.

³⁵ Е. А. Давидович. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. «Известия отд. общ. наук. Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии», вып. 3. Сталинабад, 1953, стр. 58.

На л. ст. сохранилась часть орнаментального надчекана.

Об. ст. стертая (табл. IV, 5).

В заключение следует сказать, что нумизматический материал с Отрар-тобе за 1971—1972 гг. разделен на три периода. Исключение составляют две монеты VIII в., которые являются случайной находкой.

В этом материале больше всего монет конца XV и XVI в. Это не случайно. В XV в. и в середине XVI в. Отрар был крупным торгово-экономическим центром и военной базой тимуридов в Отрарском оазисе.

Бесконечная борьба между узбекскими и казахскими ханами за господство над сырдарьинскими городами привела к тому, что с середины XVI в. Отрар потерял свое главенствующее значение и на первое место выдвинулся Туркестан (Ясы), который стал «столицей правителей Туркестана». Сам Отрар продолжал существовать, по археологическим данным, до начала XIX в.³⁶, что подтверждают и наши монеты. Стертые медные монеты, являющиеся среднеазиатскими фельсами XVI—XIX вв., довольно часто встречаются на городище.

Следующий период — XVII в. — представлен небольшим кладом монет, относящихся к серебряному чекану Джанидов Имам-Кулихана и Надир-Мухаммад-хана. Нахождение клада свидетельствует о городской торговле в Отраре и его связях со среднеазиатскими городами, которые выпускали монеты. В областях, где не было собственного чекана серебряных и золотых монет, джанидские теньги конца XVII и начала XVIII в. долго выполняли функцию средства обращения и играли, вероятно, в них большую роль, чем в самом Бухарском ханстве³⁷. В этой связи интересны сведения о денежном обращении в Ташкенте, записанные в 1735 г. со слов купца Нур-Мухаммада, который говорил, что в Ташкенте находились в обращении старые деньги с большой примесью меди, чеканенные еще при прежних ханах. С наступлением калмыков их перестали выпускать³⁸. Несмотря на то что в 1723 г. Ташкент был завоеван калмыками, там продолжали обращаться джанидские деньги и в середине XVIII в. Отрарский кладик джанидских монет, возможно, и был закопан в землю в связи с военными действиями калмыков.

Третий период городской жизни на Отраре относится к концу XVIII в. и датируется монетами ташкентского правителя Юнуса-ходжи. При нем южная часть территории Старшего жуза, в том числе район Чимкента и Туркестана, находилась в подчинении Ташкента³⁹. Монетный материал с городища Отрар-тобе говорит об общности денежного обращения присырдарьинских городов с Ташкентом, экономические связи которых уходят в глубь веков.

³⁶ К. В. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 41.

³⁷ Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, стр. 169.

³⁸ А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1911, стр. 17 (Цит. по Е. А. Давидович. Указ. работа, стр. 169).

³⁹ «История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1967, стр. 265.

РАСКОПКИ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЖАЛГЫЗ-ТАМ (XV—XVIII ВВ.)

Поселение Жалгыз-там расположено в 7 км к юго-западу от городища Сауран, южнее железнодорожной ветки Туркестан — Кызыл-Орда, в 6 км от 29 разъезда. Свое название поселение получило, очевидно, от того, что вокруг него не было никаких строений. По показаниям информаторов — местных жителей, еще 40—45 лет назад на поселении были высокие стены.

В настоящее время Жалгыз-там — это трапециевидный в плане бугор типа тортколя, окруженный оплывшим валом высотой до 1,5 м (рис. 1). Размер сторон: западная — 38 м, восточная — 45 м, южная и северная — по 50 м. Башни не прослеживаются, лишь на южной стороне от концов наружного вала остались выступы длиной до 5 м. По-видимому, это контрфорсы. С этой же стороны, ближе к восточному углу, расположен вход в поселение. Сильно оплывший вал постепенно понижается к центру поселения. С западной стороны вала сохранились остатки рва, образовавшегося вследствие выемки земли для стены. К северу от Жалгыз-тама проступают очертания небольшого искусственного озера, бывшего одновременно и водохранилищем, и оборонительным сооружением. Озеро питалось водами Бес-арыка, берущего начало в горах Каратау. Источники сообщают, что озеро пополнялось также водой из кяриза¹.

Основной раскоп площадью 300 м² был заложен в северо-восточном углу поселения (рис. 2). Для выяснения границ и толщины культурного слоя, а также размера наружной стены была прорыта разведывательная траншея длиной 8 м и шириной 0,6 м. Благодаря шурфовке выяснена часть стены (высота 1,5 м и ширина 1,2 м), а также двуслойность поселения.

Методика раскопок. Раскоп был разбит на квадраты 2×2 м, по которым и фиксировались находки. В самом квадрате исследования велись по ярусам (50 см). По мере выявления жилых помещений находки инвентаризировались и отмечались по комнатам. Бровки, оставленные в траншее и на западной стенке основного раскопа, помогли уточнить правильность поярусной фиксации.

¹ К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII веках. В кн.: «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1969, стр. 28.

Раскоп доведен до материка, толщина культурного слоя около наружной стены 1,5 м, в центре поселения 0,6 м. Работами выявлено в восточной части раскопа пять жилых помещений, а в северо-за-

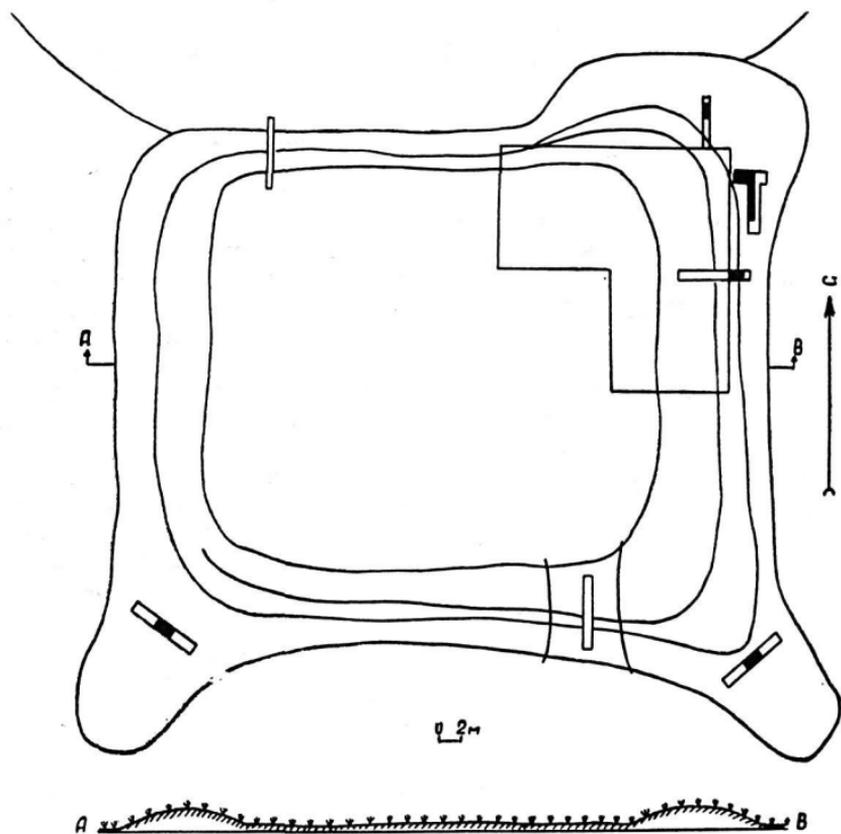

Рис. 1. Общий план поселения Жалгыз-там.

падной — хозяйственный двор. Здесь же была летняя кухня, в которой сохранились два очага. Они по форме прямоугольные, слегка вогнутые и сложены из восьми специально приготовленных жженных кирпичей размером $40 \times 20 \times 4$ см (рис. 3). При сооружении тандыра их ставили вертикально, вогнутой стороной внутрь. Форма и размер кирпичей тандыров в первом и во втором слое одинаковые. Возможно, эти печи оставлены одним и тем же населением, которое по каким-то обстоятельствам на короткое время (50—60 лет) покинула свои места жительства. Вероятно, поэтому и небольшой культурный слой. В этом убеждает и вторичное использование жилых помещений после не-

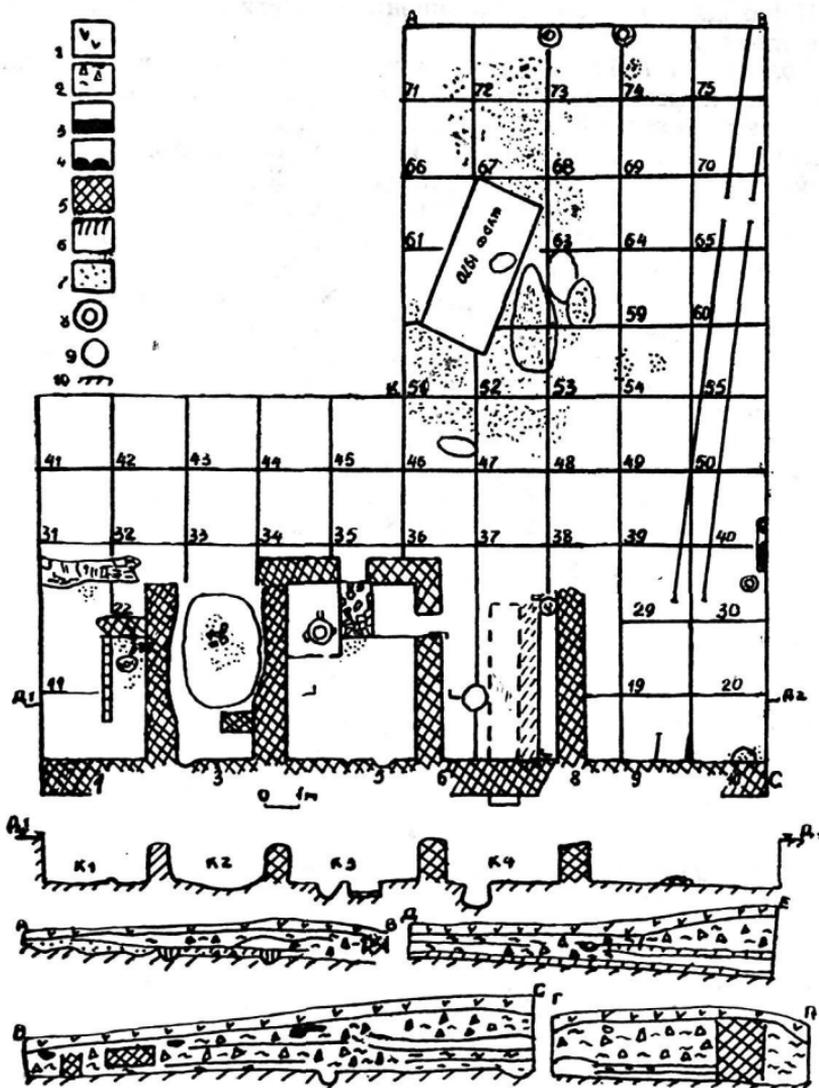

Рис. 2. Общий план раскопа: 1 — дерновый слой; 2 — оплывшие стены и строительный завал; 3 — пол; 4 — очаги; 5 — стены; 6 — твердые зеленые слои под полом; 7 — зола; 8 — тандыры; 9 — хозяйственные ямы; 10 — материк.

большого ремонта. Например, комнаты 3 и 4 были жилыми, а комната 2, вероятно, служила зернохранилищем.

Переходя к описанию помещений, отметим, что сохранность их очень плохая.

Помещение 1. Так как южная часть комнаты не вошла в площадь раскопа, то помещение вскрыто не полностью. Исследована только восточная часть комнаты размером $2,5 \times 3,5$ м. У входа сохранилась стена толщиной 1,2 м, высотой 1,5 м. В северо-западном углу выявлены остатки очага из сырцового кирпича ($33 \times 20 \times 6$ м). Рядом с этим помещением с западной стороны была другая комната, по-видимому передняя. К сожалению, стены в ней не сохранились, обнаружен лишь подковообразной формы очаг.

Помещение 2 размером 5×2 м примыкает с северо-восточной стороны к комнате 1. Западная стена комнаты не сохранилась. Вход в нее не обнаружен, выявлены две боковые и восточная стены. Боковые стены толщиной 0,8 м сохранились от 0,4 до 1,5 м. На полу найдены остатки пшеницы.

Помещение 3 (рис. 4). Оно примыкает ко второй комнате. Размер его $5,5 \times 3,5$ м. В нем хорошо сохранились все стены, они такой же толщины, как и стены помещения 2. В западной и северной стенах имеются дверные проемы шириной 0,8 м. Через двери в северной стене можно попасть в комнату 4. В юго-западном углу обнаружен тандыр-очаг хорошей сохранности (рис. 5). Внутри тандыр обмазан и имеет узор (рис. 6). Аналогичные узоры встречены в тандырах городищ северных склонов хребта Каратау². Тандыр-очаг расположен в 1,2 м от западной и в 0,4 м от южной стены. От него к западной стене комнаты тянется дымоходный канал длиной 0,4 м. Однако в западной стене выявить дымоходное отверстие не удалось. Практически трубы легче было вывести через ближнюю к тандыру южную стену. Вполне вероятно, что дымоходный канал помимо основного назначения еще и обогревал комнату.

Пол перед тандыром ниже на 0,4 м пола помещения, на уровне топочного отверстия. Он вымощен обломками жженого кирпича и плоскими камнями. В восточной стенке комнаты в двух местах имеются ниши разного размера. Маленькая ниша служила местом для светильника (чирага). На это указывают и прокопченная верхняя часть ниши и найденные перед ней фрагменты светильника. Большая ниша — это место хранения мелких инструментов.

Помещение 4. По размеру эта комната равна предыдущей. Так как западная стена ее не сохранилась, то трудно предположить, какая из двух комнат (3 или 4) была передней. Очевидно, все же передней была комната 4: в ней в северо-западном углу обнаружена хозяйственная яма, в которой собран выразительный керамический материал. В юго-восточном углу этой же комнаты зафиксирована яма для хране-

² Е. И. Агеева. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-Ата). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 206, рис. 64.

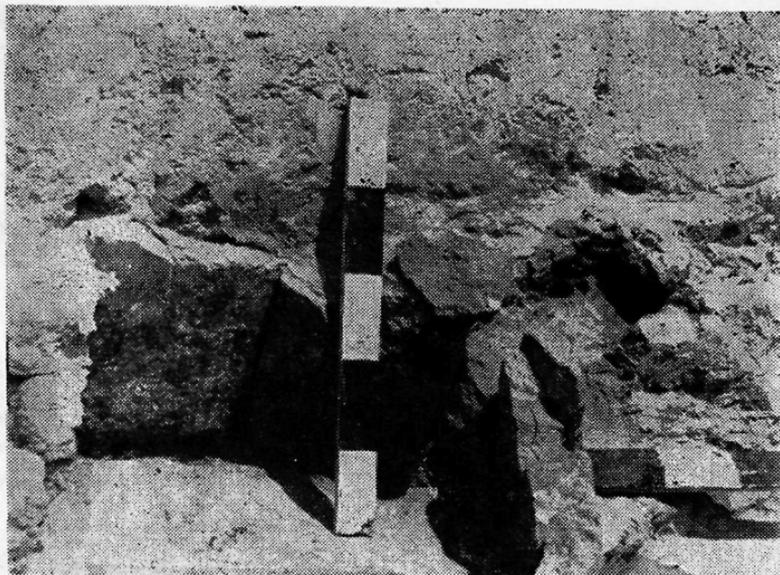

Рис. 3. Остатки очага в северо-западном дворе.

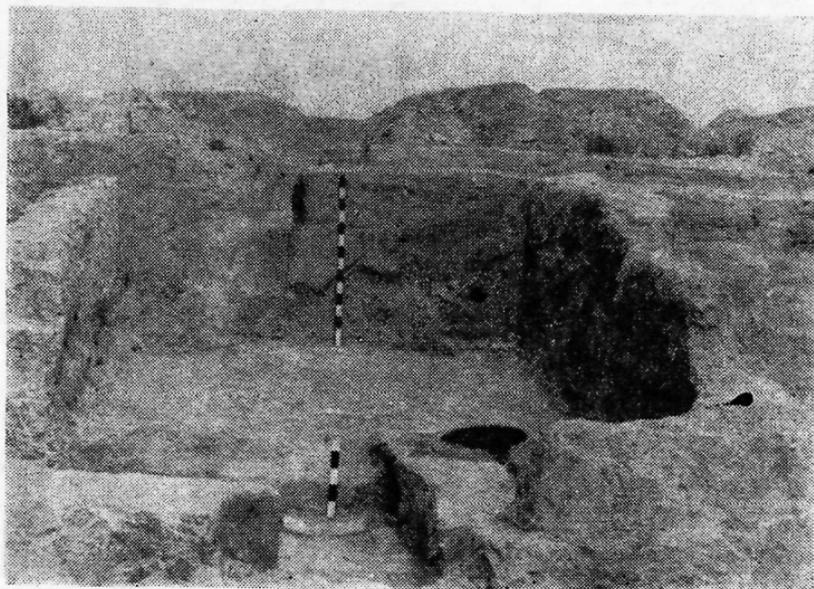

Рис. 4. Помещение 3.

Рис. 5. Тандыр-очаг комнаты 3.

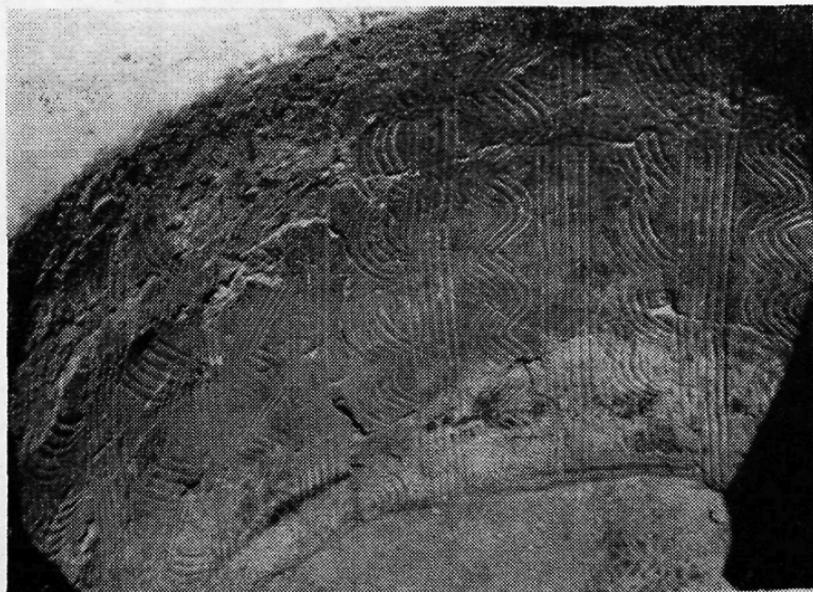

Рис. 6. Узор на внутренней стенке тандыра.

ния зерна (глубина 0,9 м, диаметр 0,6 м). К основанию она расширяется. К ее северо-восточной стене примыкает сильно разрушенная маленькая комнатка. Полы во всех помещениях глинобитные.

В северо-западной части раскопа, в которой отмечены остатки двух очагов, вероятно, располагалась летняя кухня. Здесь выпекали хлеб и готовили пищу. Мощный зольный слой вокруг очагов — свидетельство их интенсивного использования.

Помимо основного раскопа на поселении в пяти местах были заложены разведочные шурфы.

В результате шурфовки (шурф 2), доведенной до материка, выявлена толщина северной наружной стены — 0,8 м. Такая небольшая толщина стены объясняется тем, что расположенное рядом озеро надежно защищало поселение с севера. С наружной стороны стены найдена боковина поливного сосуда, отличающаяся по форме и расцветке поливы от керамики, характерной для данного памятника.

Для выяснения конструктивных особенностей стен на угловых стыках и системы контрфорсов в юго- и северо-восточных углах поселения были заложены шурфы. Контрфорсы подпирали стены снаружи с юго-западной, юго-восточной и северо-восточной сторон. Строительный материал, который использовался при сооружении стен домов и крепостной стены, в основном лёсс. Стены возводились на материке без фундамента. Наружные городские стены у основания шире — 1,5 м, выше они суживаются до 0,8 м. Толщина стен комнат поселений 0,5—0,8 м. Стены жилых помещений примыкают к крепостной стене.

Выяснено, что перекрытия жилых домов односкатные. Крыша их возводилась следующим образом. От одной стены к другой укладывалась толстая матка, а на нее — поперечные жерди, ветки, камыш, солома, затем все обмазывалось толстым слоем глины.

Основную часть находок на поселении составляют целые и во фрагментах керамические сосуды, собраны также изделия из кости и металла (рис. 13).

Керамика делится на поливную и неполивную.

Поливная посуда (рис. 7) находит подобия в керамике XV—XVIII вв. Саурана, Отрара, Сузак и обнаруживает сходство со среднеазиатскими гончарными изделиями³.

³ Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Карагау. «Известия АН КазССР, серия археол.», 1950, вып. 2, стр. 116—117; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 37, табл. IX, 2, 4, 7, 9; табл. X, 4, 5; табл. VI, 4, 6—9; табл. VIII, 6; Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 78—81, рис. 1—2; Д. Вархотова. Художественная керамика XV—начала XVI в. из Ташкента. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 8 и 9, стр. 86—89, рис. 1—2; Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Труды САГУ, Ташкент, 1950, стр. 91—120; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды Хорезмской археологической экспедиции, т. IV. М., 1959, стр. 334—337.

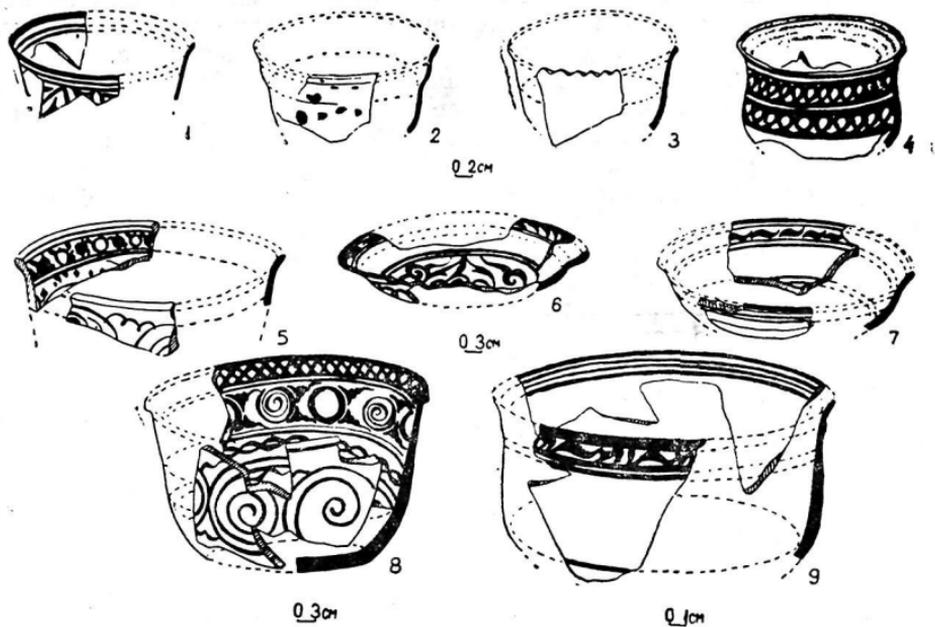

Рис. 7. Фрагменты поливной посуды: 1—5, 8, 9 — горшки; 6, 7 — миски.

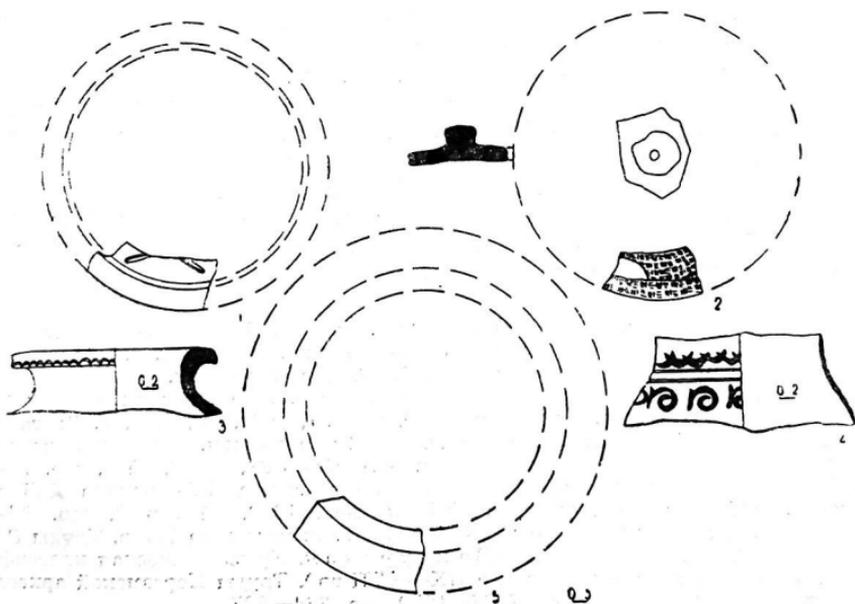

Рис. 8. Фрагменты крышек от тандыров.

В подавляющем большинстве сосуды сделаны на гончарном круге из хорошо отмученной глины с добавлением толченого гипса. Обжиг хороший, в изломе черепок дает устойчивый красный цвет.

По утилитарному назначению посуда делится на три вида: столовую, кухонную и хозяйственную. Столовая посуда в основном поливная. Это тазы, блюда, чашки типа кесе, тагора, тарелки, пиалы.

Подглазурные росписи моно- и полихромные, нанесены марганцевой, темно-коричневой или грязно-черной красками. Полива голубая и белая.

Кесе или пиалы (рис. 7, 1—3) в большинстве покрыты однотонной голубой или синей глазурями. Иногда по венчику идут темно-коричневые линии. Донца дисковидные. Толщина посуды различная. Кесе от венчика к донцу утолщается до 5 мм. Некоторые пиалообразные сосуды с волнистым краем (рис. 7, 3).

Тагора (рис. 7, 5, 8) орнаментированы по грязновато-белому фону узорами коричнево-черного цвета. Роспись разнообразная. К сожалению, орнамент дна не выяснен, так как днищ не обнаружено. Внутри тулова проведены две волнообразные пересекающиеся линии. По венчику идет клеткообразный орнамент (кереге кез өрнек). Снаружи тулово опоясано линиями. Венчик толщиной 1 см слегка отогнут наружу. У дна тагора толщиной 1,7 см.

Блюдо (рис. 7, 7) — диаметр 28 см, глубина 6 см. На серовато-белом фоне имеется роспись темно-коричневого цвета.

Тарелка (рис. 7, 6) — диаметр 26 см, глубина 4 см. На голубом фоне расписаны черные вихревые розетки. Тот же орнаментальный узор нанесен снаружи.

Найдены два светильника (чираги), один окрашен в белую, другой — в голубую поливу. По бокам они имеют растительный орнамент, выполненный темно-коричневым цветом (рис. 12, 20—22).

В неполивной керамике встречаются крышки от тандыров (рис. 8). Они сделаны от руки. Одна из крышек имеет снаружи прочерченный орнамент (рис. 8, 2). Тесто их с примесью соломы, обжиг плохой. Крышки с отверстием в центре скорее всего являлись подставками (рис. 8, 5), так как найденные котлы диаметром 30—35 см не соответствуют отверстиям тандыра-очага (диаметр 50—60 см), а без отверстия в центре служили крышками тандыров.

Среди неполивной керамики насчитывается много тазов (рис. 9). Они массивные, трапециевидной формы, диаметром 40—46 см. Края венчика отогнуты наружу под прямым или косым углом, на него нанесен орнамент в виде волнистых прочерченных линий или ямок. Внутри, иногда и снаружи, тазы покрыты коричнево-красноватым ангобом. Аналогичный вид посуды отмечен в Отраре⁴.

Кувшины узкогорлые с высокой или низкой шейкой (рис. 10). С высокой горловиной (8 см) цилиндрические, диаметром от 6 до 10 см,

⁴ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 109, рис. 65, 1, 2, 8, 9.

низкошейные диаметром от 10 до 20 см. Последние с двумя массивными коленчатыми ручками по сторонам. Тулово их овально-удлиненное. Они аналогичны находкам из Отрара⁵.

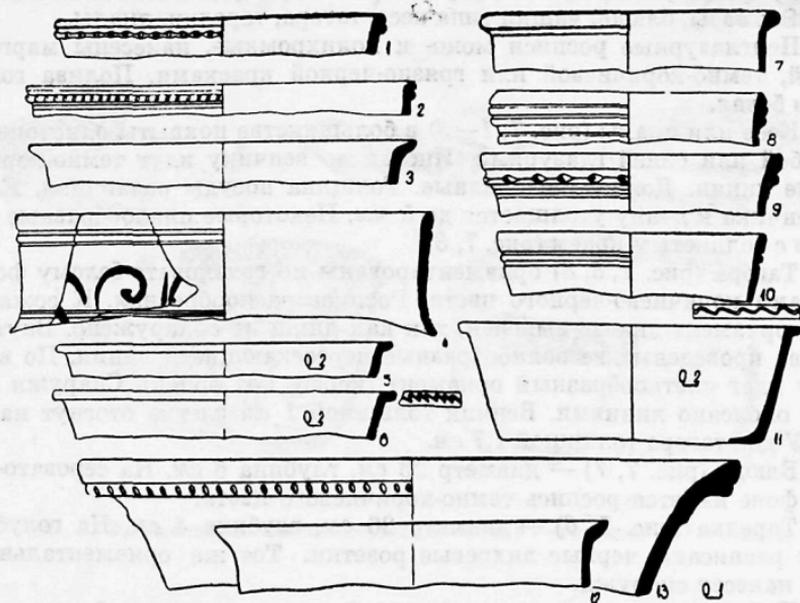

Рис. 9. Фрагменты неполивных тагар.

Среди кувшинов один поливной (рис. 10, 2). Внутри он покрыт красноватой поливой, а снаружи бело-голубой.

Среди собранной посуды встречаются неполивные горшкообразные изделия. Они представлены только венчиками (рис. 11). Диаметр их 18—26 см. Венчики разнообразны: прямые, иногда с поясками наlepных валиков, сделанных путем вдавления указательным пальцем или ногтем, или округлые, слегка отогнутые наружу. Некоторые горшки изготовлены от руки, с двумя ручками ниже венчика (рис. 11, 5, 8). У двух других по венчику и ниже нанесена красновато-коричневатой краской роспись, которая легко стирается. Один из горшков с двумя ручками найден в помещении 4 в яме. На горловине у него орнамент в виде стилизованных арабских букв (рис. 11, 7).

Хумчи, судя по обломкам, имели овальное тулово и невысокую горловину диаметром 27 см. Венчики у них массивные, выпнутые на-

⁵ Там же, стр. 113—116, 122; рис. 69, 6, 10; рис. 70, 9; рис. 71, 1, 3, 6—7; рис. 84, 7.

ружу, иногда с площадкой (4 см) наверху. По краю венчика сделаны ямочки (рис. 8, 3, 4).

Среди найденных фрагментов посуды интересны поливные донца (рис. 12) со знаками, похожими на казахские родовые тамги. Среди

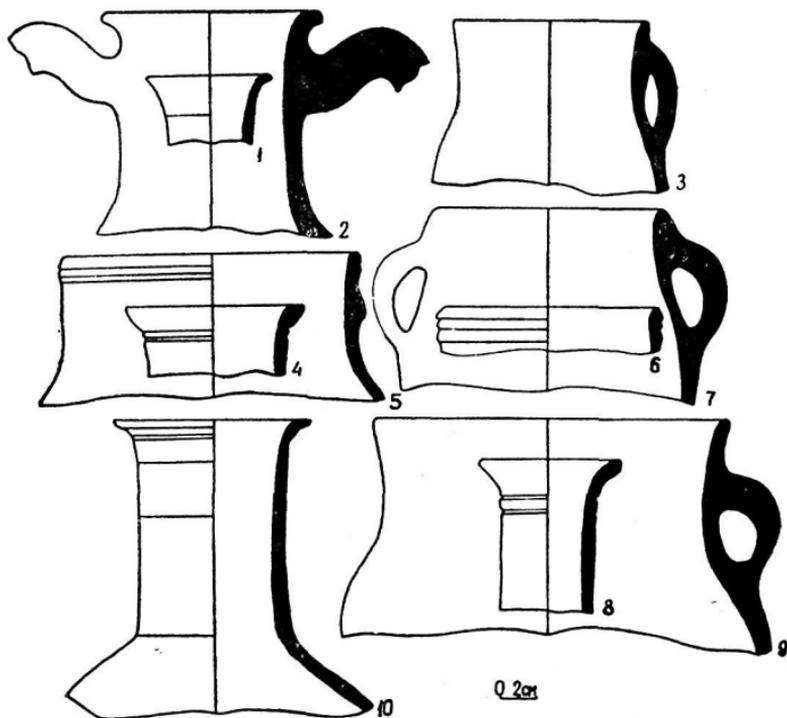

Рис. 10. Фрагменты кувшинов.

них керейские + (ашамай), конратские II (босага), кипчакские I (элп) и II (кос элп)⁶. В нашем материале выявлены конратские и кипчакские (рис. 13, 16, 17). Такие тамги встречены и на сосудах из поселений северных склонов Каратау⁷. Зафиксированы они и на посуде из слоев XVI—XVIII вв. Отрара. Исследователи считают, что подобные тамги «еще не отмечены в позднесредневековой среднеазиат-

⁶ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, т. III. СПб., 1832, стр. 134—135; М. Тынышбаев. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925, стр. 28; В. В. Востров, М. С. Муканов. Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX века). Алма-Ата, 1968, стр. 75—80; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897, стр. 12.

⁷ Поселение Куль-тобе. Материал еще не опубликован.

ской керамике... Перед нами своеобразная черта сырдарьинских материалов, свидетельствующая либо о родо-племенной принадлежности мастера, либо о принадлежности той или иной керамической мастер-

Рис. 11. Фрагменты горшкообразной посуды.

ской главам казахских родов»⁸. Дальнейшее изучение городов и сельских поселений Южного Казахстана позволит уточнить этот вопрос.

Во время раскопок обнаружены немногочисленные железные и костяные изделия (рис. 13).

Из лучевой кости сделаны шилья (рис. 13, 2—4).

Среди изделий имеется лодыжковая кость — тобык (рис. 13, 5), которой пользовались для игры, называемой у казахов «тобык жасыру» — прятать лодыжковую кость. Правила игры таковы: два человека заключают пари на дорогие вещи: лошадь, барана или угощение, при этом присутствуют один или два свидетеля. Один из играющих передает кость другому, который должен хранить ее у себя определенный срок, но не больше года. В течение года отдавший кость имеет право в любое время спросить о ней у того, кто взял ее. Последний должен тут же правой рукой отдать тобык, в противном случае он проигрывает. Если он отдаст кость сразу, то проигравшим считается спро-

⁸ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Древний Отар, стр. 199—200.

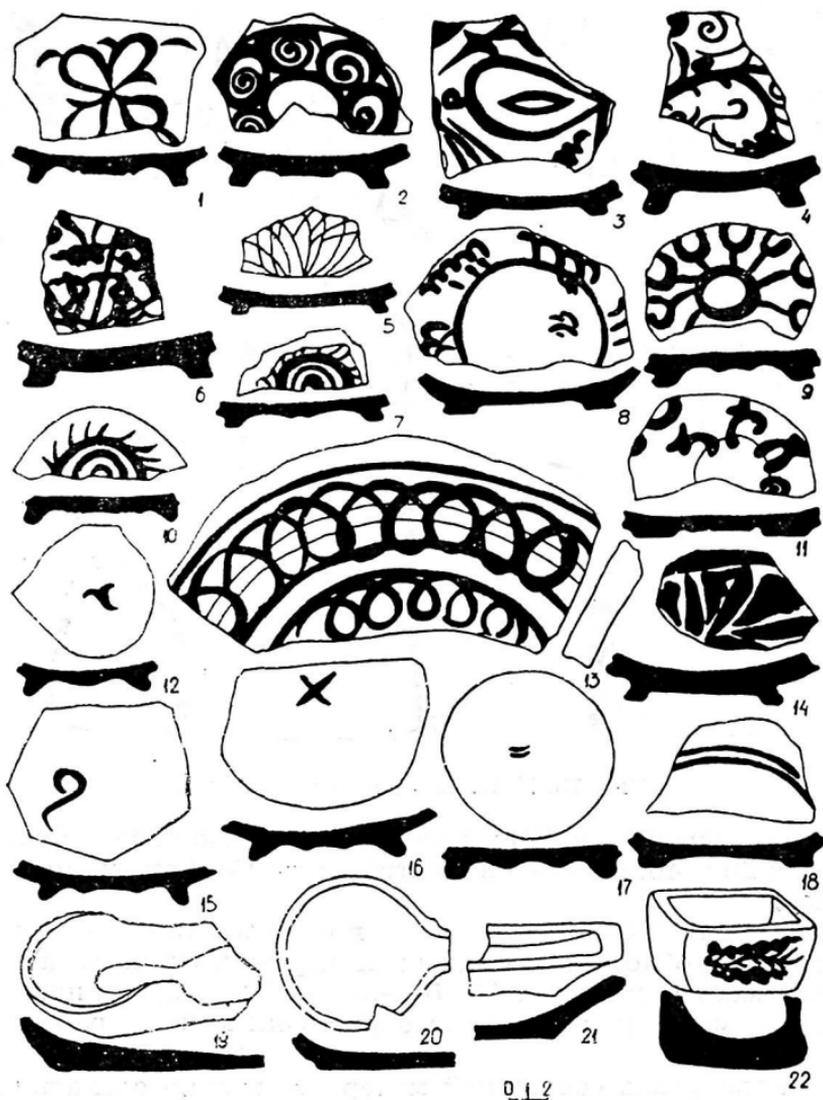

Рис. 12. Донца поливной посуды.

сивший. Чтобы тот, кто хранит кость, мог предъявить ее по первому требованию, он носит ее при себе, но для удобства и надежности хранения просверливает в ней отверстие и крепит к ремню. Лодыжковые

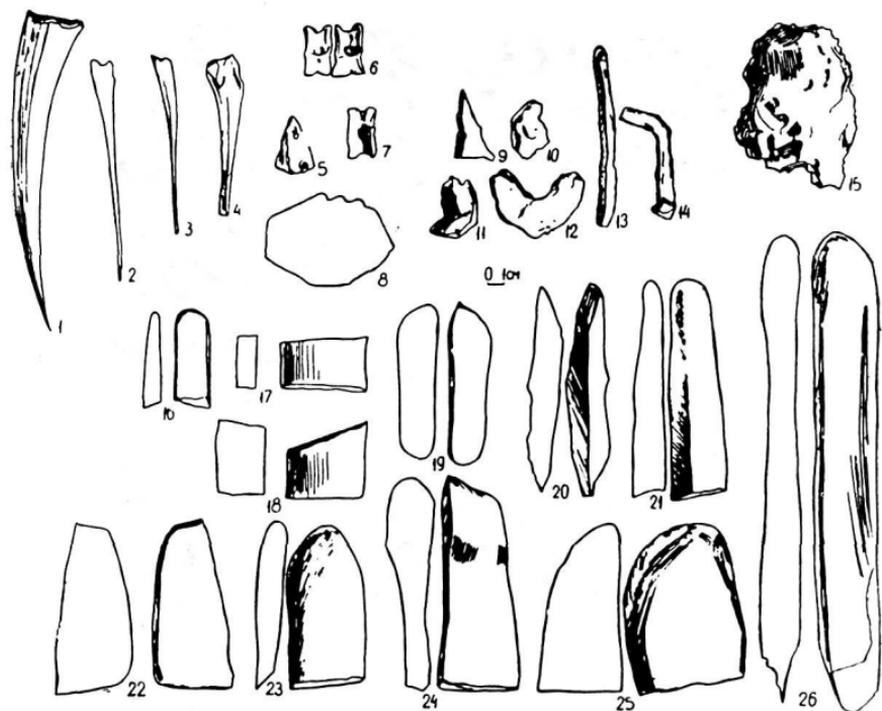

Рис. 13. Изделия из кости и металла.

кости, но без дырочек найдены также при раскопках Куль-тобе, в помещениях 25 и 46, а также в Центральном Казахстане на поселении Аяк-камыр.

Из железных вещей обнаружены подковы для сапог (рис. 13, 12), головки гвоздей, обломок от серьги и наперсток. Из каменных предметов больше всего точил (рис. 13, 16—25)—20 шт. Среди них имеются мягкие, используемые для правки бритв. Они меньше размером, чем другие.

Проанализировав собранный материал, можно сделать такой вывод, что Жалгыз-там — это тип полуседлого сельского поселения (кыстак). Жизнь на нем началась не ранее XV в. и прекратилась не позже XVIII в. Судя по материалам, жители занимались земледелием и скотоводством. О последнем свидетельствует остеологический материал, в котором имеются кости всех видов домашних животных. Среди него встречаются также кости рыб, зайцев и сайгаков (собрана

большая коллекция сайгачьих астрагалов). Вероятно, подспорьем в хозяйстве жителей поселения были охота и рыболовство.

Согласно письменным источникам, вокруг Саурана были селения, а также посеы и два кяриза⁹. Эти письменные известия подтверждаются археологическими исследованиями. В результате аэрофото-съемок, проведенных в 1969 г., в 7 км к северо-востоку от Саурана были зафиксированы остатки кяризов. Они начинаются на склонах Каратау и тянутся в сторону Сырдарьи, недалеко от Жалгыз-тама поворачивают на юго-запад и оканчиваются на равнине, пригодной к посеу¹⁰. Длина кяризной системы 7—8 км, расстояние между колодцами 10—15 м, диаметр колодца 3—4 м, глубина некоторых из них до 2—3 м.

Исследование материальной культуры позднесредневекового поселения Жалгыз-там, в особенности керамических изделий с тамгообразными знаками на поддонах, дает возможность проследить сложный процесс взаимовлияния кочевнической и земледельческой культур в средневековом сельском поселении Южного Казахстана.

⁹ К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. В кн.: «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1968, стр. 18.

¹⁰ К. А. Акишев, К. М. Байпаков. Кяризы Саурана. «Вестник АН КавССР», 1973, № 4, стр. 76—78.

О ЧИСЛЕННОСТИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЛИЙСКОЙ ДОЛИНЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Одним из важнейших социологических аспектов изучения средневековых городов и поселений является демографическое исследование населения определенного города, отдельного региона. Вопрос о степени развития городской жизни и размере города в тот или иной период его существования — это, в первую очередь, вопрос о численности его населения. Историческая демография призвана воссоздать демографическую ситуацию определенных эпох, исследовать народонаселение стран или районов, а также установить динамику численности населения на протяжении того или иного периода в связи с особенностями развития общества и отдельных коллективов¹.

Трудности исследования динамики численности древнего и средневекового населения Средней Азии и Казахстана вызваны не только слабой разработанностью методологии, но прежде всего отсутствием статистических данных. Письменные источники содержат крайне скудные сведения о количестве населения, а если таковые и есть, то они крайне противоречивы, заведомо преувеличены и приводят исследователей к различным выводам. Имеющиеся цифры о населении отдельных городов разнятся порой в 5 раз².

Данные о количестве жителей некоторых среднеазиатских городов, полученные на основе анализа письменных источников, содержат работы В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, М. Е. Массона. Интерес представляют цифры о населении Самарканда, который по количеству жителей был первым городом Средней Азии. При Саманидах, как полагает В. В. Бартольд, в городе проживало более 500 000 человек³.

¹ В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 7.

² О. Г. Большаков. Социально-экономический строй средневекового города и задачи его археологического исследования. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Л., 1970.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963, стр. 134, 139, 233; его же. Статьи из «Энциклопедии ислама», посвященные городам. Соч., т. III. М., 1965, стр. 313—571.

А. Ю. Якубовский отмечал, что в эпоху Караханидов города Средней Азии превосходили по численности города Европы. В Мерве и Самарканде X в. население превышало 200 000 человек⁴.

В Самарканде Тимура, по мнению М. Е. Массона, количество жителей исчислялось несколькими сотнями тысяч. Согласно сведениям испанского посла Рюи Гонзалеса де Клавихо, посетившего Самарканд в 1404 г., количество только иноземцев, главным образом ремесленников, достигло 150 000 человек. Письменные данные свидетельствуют о том, что к середине XV в. количество жителей даже увеличилось⁵.

Существуют данные о численности населения городов мусульманского мира.

В Герате, как считает М. Е. Массон, в XII в. было до полумиллиона, а по другим данным — до миллиона жителей. В XV в. Герат был многолюдным городом с населением в несколько сот тысяч человек⁶.

В Багдаде X в., по сведениям источников, насчитывалось полтора миллиона человек, в Арауджане XI в. — 20 тысяч мужского населения, в Джиdde — около 5 тысяч, в Мекке — 2 тысячи, в Иерусалиме и Триполи — 20 тысяч мужчин⁷.

Археологические данные явились новым интересным источником в области исторической демографии.

С. П. Толстов, приняв за основу подсчета норму средней производительности труда землекопа-ирригатора древнего Хорезма и сопоставив ее с общим объемом работ по проведению Джанбаскалинского и Беркуткалинского каналов, предположил, что в античный период в зоне Джанбаскалинского канала проживало 4—5 тысяч человек, а в Беркуткалинском оазисе количество населения в кушанское время составляло 7—8 тысяч человек. В период развитого феодализма, по подсчетам С. П. Толстова, население оазиса Кават-кала достигало 15 тысяч человек⁸.

Б. В. Андрианов полагает, что количество населения в рустаке Джанбас-кала, указанное С. П. Толстовым, завышено⁹. В доказательство он приводит подсчеты численности населения вдоль канала Кыр-Кыз, функционировавшего в кангуйское и кушанское время. Длина канала около 80 км, сечение 25 м². Для его сооружения требовался

⁴ А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Л., 1953, стр. 5.

⁵ М. Е. Массон. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои. Труды САГУ. Археология Средней Азии, новая серия, XXXI. Ташкент, 1956, стр. 58.

⁶ М. Е. Массон. К исторической топографии Герата XV в. Рецензия на статью А. М. Беленицкого. В сб.: «Великий узбекский поэт». Ташкент, 1948, стр. 140—142.

⁷ Адам Мец. Мусульманский Ренессанс. М., 1966, стр. 323—324.

⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, стр. 115.

⁹ Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, стр. 127.

труд 15 тысяч землекопов в течение 2 месяцев, а для поддержания в порядке всей системы — 6—7 тысяч человек. Количество населения оазиса Кыр-Кыз, по мнению исследователя, было около 4—5 тысяч человек¹⁰.

Интересны демографические подсчеты для бассейна Гавхорэ и Чермен-Яба в период развитого средневековья. Длина канала Гавхорэ равнялась 60 км, Чермен-Яба — 10 км, среднее сечение первого — 5 м², второго — 8—12 м². В бассейне Гавхорэ проживало 4—8 тысяч человек, а Чермен-Яба — 20—30 тысяч при плотности 2—3 человека на 1 га возделываемой площади.

Согласно демографическим сведениям, в Пенджикенте — одном из наиболее хорошо изученных городов Средней Азии (площадь его около 13,5 га) — насчитывалось 3—4 тысячи человек¹¹.

Немалое значение имеет подсчет населения Варахши X—XI вв., проведенный В. А. Шишкиным. За его основу он взял соотношение площади города в пределах стен и одной городской усадьбы. Определив количество домовладений, он вычислил количество населения¹².

Цифровые выкладки В. А. Шишкина на нынешнем этапе демографических исследований средневековых городов специалисты признают наиболее точными¹³.

Письменные источники почти не содержат сведений о количестве населения в илийских населенных пунктах в средневековье. Можно указать лишь на данные Худуд ал-Алема о городе Беклелиге¹⁴, владелец которого имел 3000 воинов, кроме того, город выставял 7000 воинов¹⁵.

К настоящему времени на территории Илийской долины зафиксировано и обследовано 66 городищ.

Карта размещения памятников оседлой средневековой культуры в северо-восточном Семиречье дает представление о двух центрах их наибольшей концентрации (рис. 1). Это район собственно Илийской долины, в которой наибольшее количество городищ сосредоточено в предгорной полосе Заилийского Алатау и Кетменьтау, по притокам Или — Курты, Талгару, Иссыку, Чилику.

¹⁰ Там же, стр. 133.

¹¹ В. И. Распопова. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. СА, 1972, № 4, стр. 150.

¹² В. А. Шишкин. Городище Варахша. М., 1963, стр. 106.

¹³ О. Г. Большаков. Социально-экономический строй средневекового города и задачи его археологического исследования. В сб.: «Средневековые города Средней Азии и Казахстана». Л., 1970, стр. 4.

¹⁴ Местонахождение города точно не установлено. В. В. Бартольд помещал его севернее Кастекского перевала. См.: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 38.

¹⁵ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 38. На основании аналогичных данных имеются демографические выкладки для древнерусских городов. В Новгороде численность войска в IX в. составляла 2 тысячи воинов, на этом же основании число жителей для IX в. определено в 10—15 тысяч человек, а для XIII в. — в 20—30 тысяч человек. См.: М. М. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 138—140.

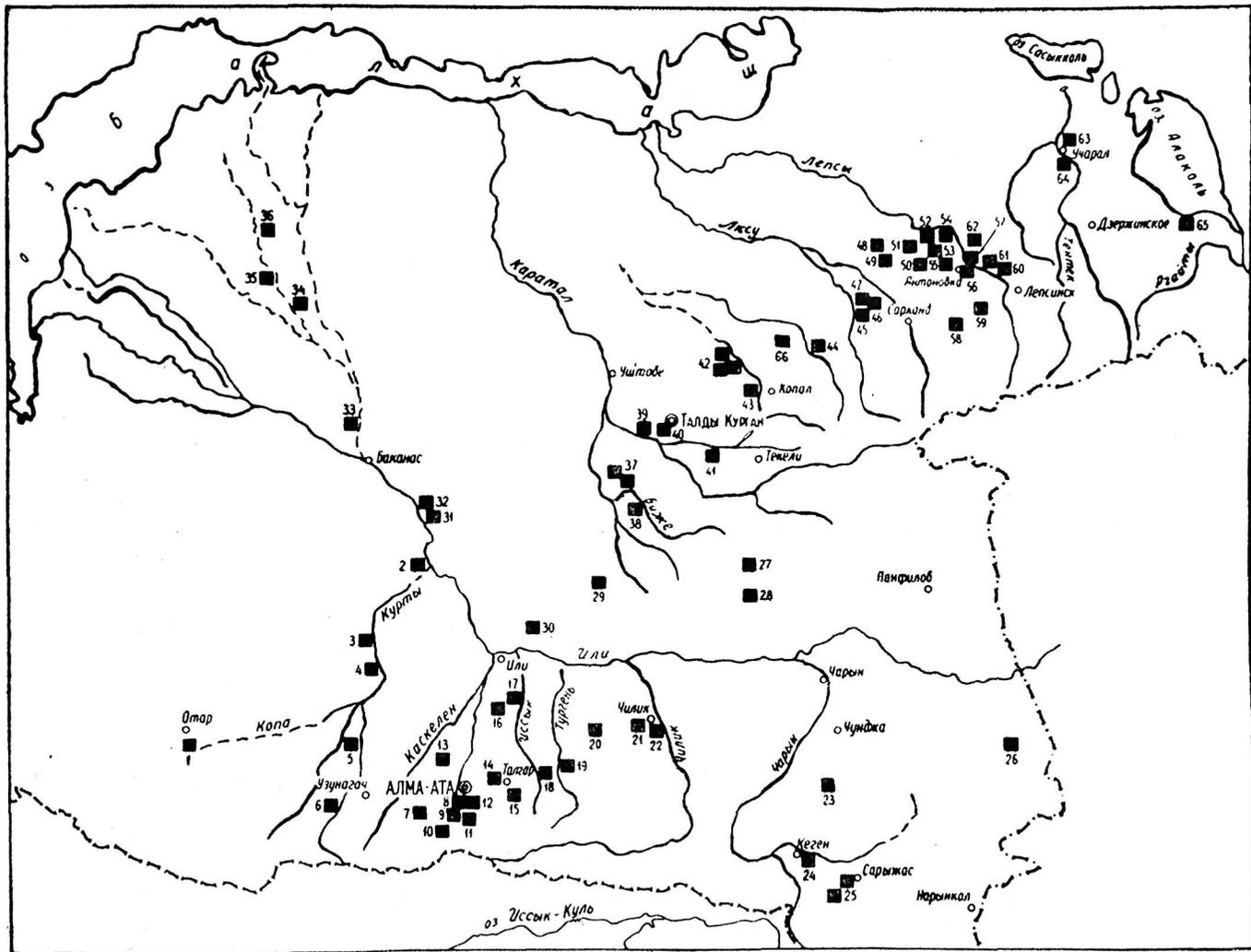

Рис. 1. Схема размещения городищ в Илийской долине. 1 — Керимбай-тобе; 2—4 — Куртинские городища; 5 — Ак-Сенгир; 6 — Кара-кастек; 7 — Каскелен; 8 — Алматы II; 9 — Турксиб; 10 — Аксай; 11 — Весновское; 12 — Алматы I; 13 — Кользаци; 14 — Кзыл-Гайрат; 15 — Талгар; 16 — Жаксылык; 17 — Молдахмет; 18 — Иссык; 19 — Тургенъ; 20 — Лабас; 21 — Лавар; 22 — Чилик; 23 — Сумбе; 24 — Кегень; 25 — Саржас; 26 — М. Ачинахо; 27 — Васчи; 28 — Калмак-Кора; 29 — Карашоки; 30 — Чингильды; 31 — Коктал I; 32 — Коктал II; 33 — Бояулы; 34 — Ақтам; 35 — Каркаралы; 36 — Агашаяк; 37 — Биже I; 38 — Биже II; 39 — Дунгене; 40 — Талды; 41 — Тенлик; 42 — Айнабулак; 43 — Капал; 44 — Арасан; 45 — Енбек I; 46 — Енбек II; 47 — Кзыл-Кайн; 48 — Жаналык; 49 — Караултобе; 50 — Кок-Ирим; 51 — Чержетем; 52 — Акмола; 53 — Бакалы; 54 — Кзыл-Курган; 55 — Ащибулак; 56 — Антоновское; 57 — Лепсы; 58 — Покатиловка; 59 — Теректы; 60 — Каргалы; 61 — Черкасское; 62 — Ащизуек; 63 — Уч-Арал; 64 — Карабулак; 65 — Коктума; 66 — Сага-Биен.

Вторым районом является междуречье Каратала и Лепсы. Здесь также основное количество памятников зафиксировано в предгорной полосе Джунгарского Алатау, по берегам рек Коксу, Аксу, Сарканду, Баскану. К городищам междуречья Каратала — Лепсы примыкают и составляют с ними одну общую группу аналогичные памятники Алакульской котловины, расположенные по Тентеку и на побережье Алакуля. Местное население называет памятники «торт-бурыш», «торт-куль», «калмак-кора».

Эти названия точно передают основные топографические особенности городищ, которые имеют вид площадки, обычно несколько возвышающейся над поверхностью, окруженной с четырех сторон валом с башнями по углам и периметру. Отсутствие характерной для городищ других районов цитадели укрепило за ними в специальной литературе название «бесцитадельных». Между собой городища различаются размером (длина стен), количеством башен на стенах, числом въездов и их устройством, мощностью культурного слоя, наличием застройки за стенами, характером застройки и месторасположением. Проанализировав топографические данные и материалы раскопок, можно выделить три типа городищ¹⁶.

1. Городища, у которых длина стен более 100 м, иногда до 1 км. Обычно они многослойные. В их жизни, по археологическому материалу, прослеживаются периоды: IX—X вв., XI—XII вв. и XIII в. При раскопках они дают разнообразную керамику, в том числе поливную, изделия из металла, монеты, что говорит о развитии здесь ремесел и торгвли¹⁷.

В Илийской долине к памятникам этого типа относятся городища Талгар, Сумбе и Чилик, Дунгене, Антоновское, Коктума (рис. 2, 1, 2)¹⁸. По топографии они различаются: для Талгара, Сумбе и Каргалы характерен сравнительно небольшой размер центральной части и застройка вокруг, для Чилика, Дунгене и Антоновского — застройка внутри стен. Интерпретация городищ описанного типа не вызывает сомнения — это городские центры Илийской долины.

Такое определение подтверждают письменные источники. Названные в них города Эквиус и Кайлак (столицу области) следует отождествить с Дунгене, Антоновским и Коктумой, город Тальхиз с Талгаром¹⁹.

¹⁶ Предварительную типологию памятников см. в статье К. М. Байпакова. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1966, № 2, стр. 77—84.

¹⁷ К. М. Байпаков. Талгарское блюдо. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 6, стр. 87—91; Р. З. Бурнашева. Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар. В сб.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 182—186.

¹⁸ Городища Алматы I и Коктума в настоящее время утрачены: первое вследствие городской застройки, второе в результате затопления озером Алакуль.

¹⁹ К. М. Байпаков. О локализации городов северо-восточного Семиречья. «Вестник АН КазССР», 1968, № 7. стр. 21—25.

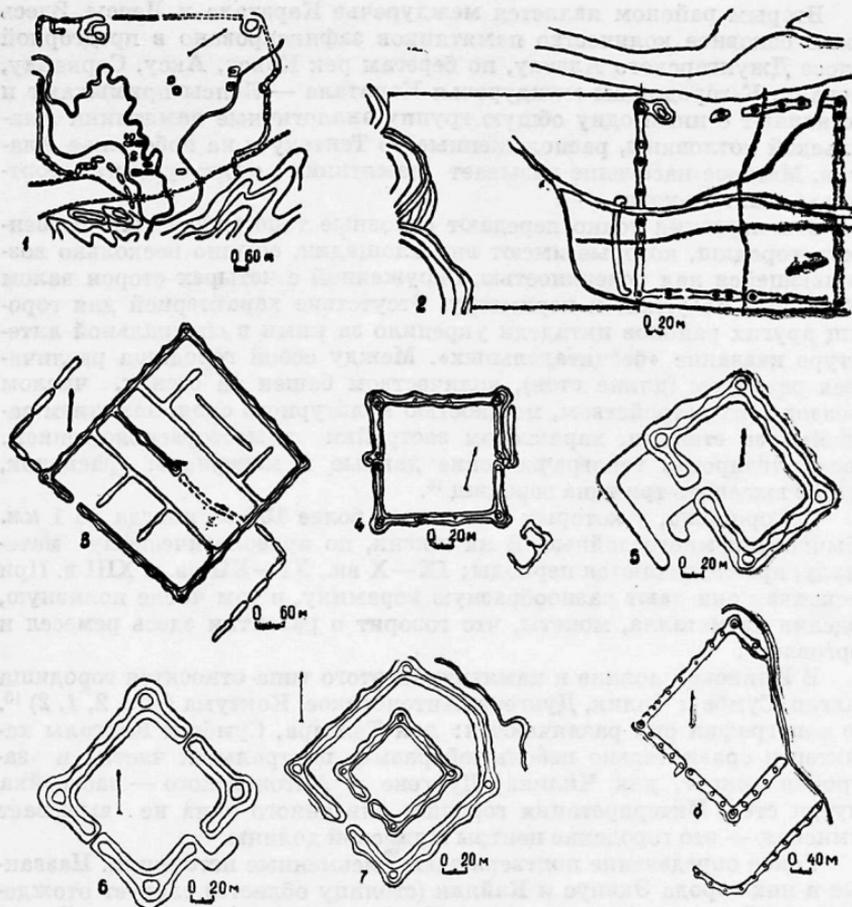

Рис. 2. Типы городищ, 1 — Антоновское; 2 — Талгар; 3 — Акмола; 4 — Актам; 5 — Кызыл-Кайн; 6 — Караул-тобе; 7 — Арасан; 8 — Лепсы.

В результате раскопок на городище Талгар удалось выяснить характер городской застройки XI — начала XIII в. Застройка внутри стен и за их пределами однотипна, она формировалась из тесно пристроенных одна к другой жилых усадеб. В настоящее время они представляют собой подчетыреугольные, едва различимые на поверхности бугры с выступающими каменными выкладками. Площадь их от 250 до 500 м². Одна из усадеб была раскопана в 1965 г. Она состояла из жилой части и двора, окруженного каменной стеной. Площадь усадьбы 400 м², из них 200 м² занято двором.

В 1971 г. была раскопана еще одна усадьба с такой же площадью (рис. 3). Она делится на две части — жилую, состоящую из нескольких помещений, и двор. Жилая часть представляет собой углубленное в землю сооружение. Усадьба датируется XI—XII вв.²⁰

Аналогии Талгарской усадьбе по планировке, размеру, месторасположению на городской территории имеются в Чуйской долине (Краснореченское городище). Еще в 1939—1940 гг. Семиреченская археологическая экспедиция, руководимая А. Н. Бернштамом, полностью вскрыла жилой дом XI—XII вв. на рабаде Краснореченского городища. Дом состоял из жилой постройки и двора. Общая площадь комплекса равнялась 263,5 м². Жилая постройка из шести комнат находилась в западной части²¹.

В 1962—1963 гг. на Краснореченском городище работы возобновились. В результате была выявлена довольно стандартная планировка четырех из пяти домов, состоявших из 7—10 помещений с суфами, очагами типа тандыра и овальными очагами из сырцового кирпича²².

Постройки и помещения X—XII вв. раскапывались в разные годы в Пайкенде, Термезе, на городище Мунчак-тепе, Хишт-тепе, Нисе, Варахше. Анализ планировочных особенностей и строительной техники построек этих городищ приводит В. А. Шишкин в связи с раскопками жилищ горожан на Варахше²³. На Варахше на шахристане были изучены домовладения горожан площадью до 160 м². В усадьбах выделены жилые постройки и дворы. В. А. Шишкин указывает на сходство домов Варахши и Краснореченского городища, но подчеркивает компактность первых, выразившуюся в меньшей площади дворов.

Таким образом, сравнивая усадьбу Талгара с синхронными постройками городищ Казахстана и Средней Азии, нельзя не отметить общие черты между Талгарской усадьбой, жилищами Чуйской долины и Варахши. Однако Талгарская усадьба имеет отличительные черты, во многом обусловленные климатом, динамикой развития хозяйства, наличием местного строительного материала.

Городище Талгар застроено однотипными постройками, состоящими из жилой части и двора. Застройка была сплошной, жилища усадьбы тесно, как свидетельствуют топографические исследования, примыкали одно к другому. Подобная планировка жилых массивов характерна и для среднеазиатских городов эпохи средневековья.

²⁰ К. М. Байпаков. Раскопки усадьбы на городище Талгар. В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 71—80.

²¹ «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина». Составлены под руководством А. Н. Бернштама. МИА, № 14, 1950, стр. 43—46.

²² П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан XI—XII вв. на Краснореченском городище. В кн.: «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967, стр. 65, рис. 6, 1—2; К. М. Байпаков. Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Рецензия. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 1, стр. 77.

²³ В. А. Шишкин. Городище Варахша. М., 1963, стр. 101—104.

Раскопки Пенджикента и Варахши не подтверждают распространенной в литературе точки зрения «усадебной застройки», которая

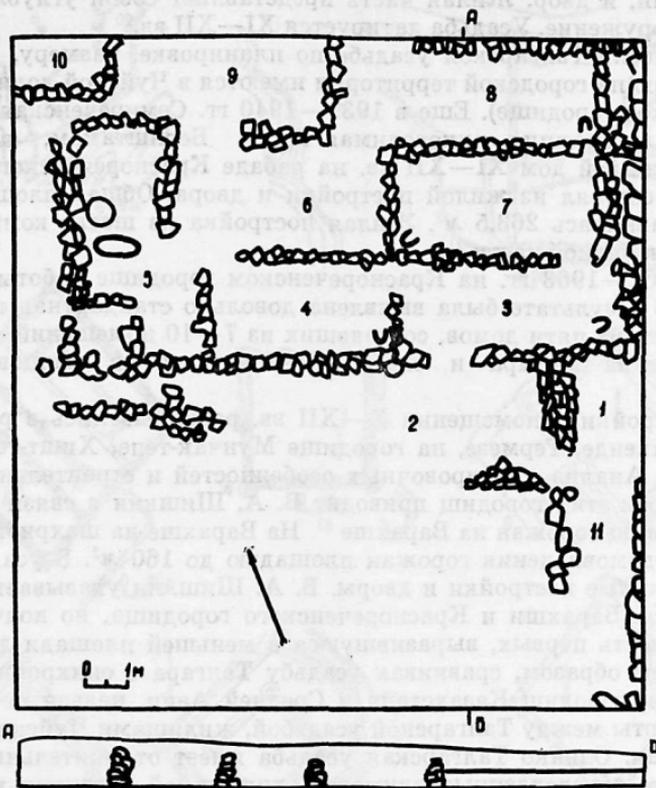

Рис. 3. Жилая часть усадьбы на городище Талгар (1—11—номера помещений).

предполагает расположение в городе усадеб далеко друг от друга²⁴. Напротив, дома возводились вплотную. Совершенно справедливо А. М. Беленицкий указывает, что «нет никакой необходимости истолковывать сведения письменных источников в пользу «усадебной» теории и тем превращать город в деревню»²⁵.

Для определения численности населения Талгара необходимо прежде всего установить количество усадеб на территории городища.

²⁴ А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент. В сб.: «По следам древних культур». М., 1951, стр. 155; В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 53.

²⁵ А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, 1965, № 3, стр. 191.

Площадь его 28 га (9 га в пределах стен), из них следует исключить четвертую часть, которая приходилась на площади, улицы и постройки общественного назначения²⁶. В результате площадь Талгара под усадьбами составит 21 га (210 000 м²). Судя по обмерам развалин, размер усадьбы в среднем достигал 0,3 га (300 м²). Таким образом, на городище могло разместиться 700 усадеб. Каждая усадьба была жилищем малой семьи, которая стала вытеснять патриархальную семью уже в середине I в. до н. э., а на кочевой периферии — в X—XII вв.²⁷

Средний состав семьи был равен 5—6 человекам. Эти цифры признает большинство исследователей²⁸. Следовательно, численность населения Талгара составляла 3500—4200 человек при плотности 170—200 человек на 1 га жилой городской застройки.

Исходя из результатов демографических подсчетов в Талгаре можно определить количество населения городищ Чилика, Сумбе, Дунгене, Антоновского, Коктумы. Предварительные раскопки на них позволяют говорить об аналогичной застройке²⁹. Площадь городищ соответственно была 33,5 га (под усадьбами 25 га), 15 га (11 га), 37 га (28 га), 78 га (59 га). Исходя из сказанного население Чилика насчитывало 4200—5000 человек, Сумбе — 1870—2200, Дунгене — 4760—5600, Антоновского — 10 000—13 000 человек. Что касается численности населения Коктумы, площадь которого неизвестна, то условно можно принять ее 5600—6400 человек (средняя для города).

Таким образом, в шести городах Илийской долины в период XI — начала XIII в. проживало, видимо, 30 000—35 000 человек.

Второй тип памятников оседлой культуры Илийской долины можно выделить также четко. Для него характерными признаками являются размер (длина стен до 200 м), малое количество башен на валу (по четыре на углах и по одной в середине), один, реже два въезда. Иногда к четырехугольнику примыкает территория, окруженная стеной, на ней следы застройки не обнаружены. Группа городищ этого типа самая многочисленная — 56 (рис. 2, 4—8). Эти городища представляют собой остатки сельских поселений или отдельных сельских усадеб. Раскопки одного из них — Жаксылыка — позволили выявить планировку сельского поселения. Городище имело вид четырехугольной в плане площадки со сторонами 98, 105, 103 и 107 м, к ней примыкала территория 450×470 м, также обнесенная стеной.

²⁶ Из 9 га площади Варахши жилая застройка занимала 7 га. См.: В. А. Шишкин. Варахша, стр. 106.

²⁷ Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 16—17.

²⁸ Там же, стр. 38—40; О. А. Сухарева. Бухара XIX — начала XX в. М., 1966, стр. 106; А. Т. Бекмуратова. Семейно-бытовой уклад каракалпаков в прошлом и задача преодоления его вредных пережитков. Автореф. канд. дисс. М., 1967; В. А. Шишкин, Варахша, стр. 106.

²⁹ К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Смиречья. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 72—75.

Вскрытая часть была более 550 м². Хорошо прослеживается застройка нижнего строительного горизонта. Это жилой массив, состоящий из нескольких обособленных комплексов, в которых имеется два, три или пять помещений, одно из них центральное с очагами и тандырами. Постройки подходят вплотную к крепостной стене изнутри, они расположены в один ряд. За ними находится двор. Городище датируется X — началом XIII в.³⁰

Аналогии планировке Жаксылыка встречены в сельских поселениях афригидского периода Хорезма. Для них также характерно наличие в общей застройке двух- или трехкомнатных секций, в каждой из которых имелась комната с очагами для варки пищи и тандырами для выпечки лепешек. Все помещения также группировались вокруг общего двора³¹.

Этот тип сельских поселений был, как убедительно показала Е. Е. Неразик, прототипом позднейших сельских построек Хорезма.

Характер сельских поселений Илийской долины лучше выявляется при сравнении их с поздними сельскими постройками других районов. В Фергане в XVIII—XIX вв. сельское население жило в кала — крепостях — с высокими глинобитными стенами, рвами и укрепленными воротами. Одно из таких селений размером 280×320 м было обнесено стеной высотой 6 м. Жилые помещения в нем располагались по периметру изнутри³². Эти селения сопоставимы с укрепленной деревней, исследованной в Иране и Хорасане³³.

Обычно укрепленная деревня — это правильный квадрат или прямоугольник, ограниченный глинобитной стеной, по углам которой находятся башни. Внутри нее дома пристроены к стене задней стенкой. На ночь скот загоняли во двор поселения. Сады, пашни, огороды расположены за стеной укрепления. Численность населения в селениях различна: от одной-двух до 100 и более семей³⁴.

Если обратимся к данным этнографии казахов, то выясним, что у них на постоянных зимовках селилось от 2 до 15 хозяйств³⁵.

Е. Е. Неразик в своей монографии, как нам кажется, совершенно верно ставит вопрос о форме семьи в сельских поселениях и справедливо предполагает, что в них проживала большая патриархальная

³⁰ К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 22—41.

³¹ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, стр. 114.

³² О. И. Смирнова. Археологические разведки в Урусшане в 1950 г. МИА, № 37, 1953, стр. 229—230; В. Л. Воронина. Народная архитектура северного Таджикистана. М., 1959, стр. 9.

³³ А. З. Розенфельд. Qala (Кала) — тип укрепленного иранского поселения. СЭ, 1951, № 1, стр. 22—38.

³⁴ Там же, стр. 24.

³⁵ В. Шнэ. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. «Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО». Кн. XVII, вып. 1, 1894, стр. 1—18.

семья с заметными признаками внутреннего расслоения³⁶. В Жаксылыке на раскопанной площади насчитывается пять жилых секций. Наиболее четко вычленяется угловая секция и две соседние. Угловая образуется из кухни и трех помещений (рис. 4, 2). Коридор соединяет ее с общим двором. Из четырех комнат и кухни состояла еще одна секция, другая — из кухни и примыкающего к нему помещения (рис. 4, 1; рис. 5). Исходя из этого на секцию в среднем приходится около 100 м². Учитывая, что помещения пристроены к стене в один ряд, длина которого 10—11 м, вероятно, на 3600 м² застройки располагалось 36—40 секций. Таким образом, в поселении проживало 36—40 семей, входивших в большую патриархальную семью, которая, если индивидуальную семью определить в 5—6 человек, насчитывала 180—240 человек.

Столько же населения обитало еще в двух поселениях, аналогичных Жаксылыку, — Бояулы и Капале. В поселениях меньшего размера (длина стены 60—75 м) — Керимбай-тобе, Ак-Сенгир, Кзыл-Гайрат, Талды, Иссык, Басчи, Чингильды, Коктал I, Кегень, Енбек I, Кок-Ирим, Карашоқы, Теректы — проживало по 150—180 человек. В поселениях вдвое меньших, чем Жаксылык, — в Кара-кастеке, Молдахмете, Тургене, Лабасе, Биже I и II — насчитывалось по 100—125 человек, а в поселениях, длина стены которых меньше 30 м, — Сарыжасе, Айнабулаке, Енбеке I—50—60 человек. Другие поселения, превосходившие Жаксылык по площади в 1,5—2 раза, имели до 500 жителей. Ими являлись Алматы II, Лавар, Коктал II, Актам, Агашаяк, Арсан, Кзыл-Каин, Караул-тобе, Чержетем, Бакалы, Кзыл-курган, Каргалы, Уч-арал, Ащизук.

К очень крупным поселениям надо отнести Лепсы размером 280×260 м и Сага-Биен. В них насчитывалось по 750—800 человек.

Таким образом, сельские поселения Илийской долины можно разделить на мелкие — до 100 жителей, средние — 100—250 и крупные — свыше 250 человек.

При определении численности сельского населения необходимо учесть и количество жителей городищ долины Курты, района Алматы, городищ Кольящи, Каскелен, Турген, М. Ащинахо, Каркаралы, Покатилровка и Черкасское, размер которых неизвестен. Таких поселений четырнадцать. Если принять в среднем в каждом по 225—330 жителей, то всего в названных поселениях проживало 3000—3600 человек. В результате подсчетов общее количество жителей сельских поселений Илийской долины составит около 14 500—16 500 человек.

В Илийской долине выделяется еще одна группа городищ, для которых характерна большая площадь, мощные укрепления и большее, чем на других памятниках, количество башен (рис. 2, 3). Однако толщина культурного слоя их незначительная. Это городища Жана-лык, Акмола, Ащибулак и Карабулак.

³⁶ Е. Е. Неразиков. Сельские поселения афригидского Хорезма, стр. 114—115.

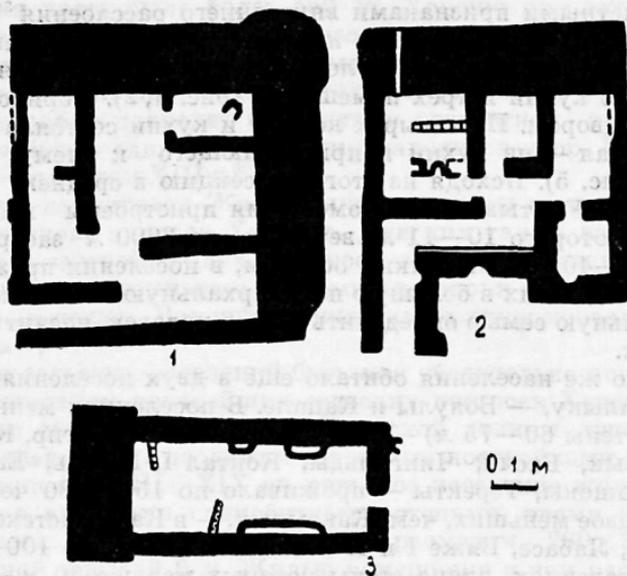

Рис. 4. Жилые секции на поселении Жаксылык.

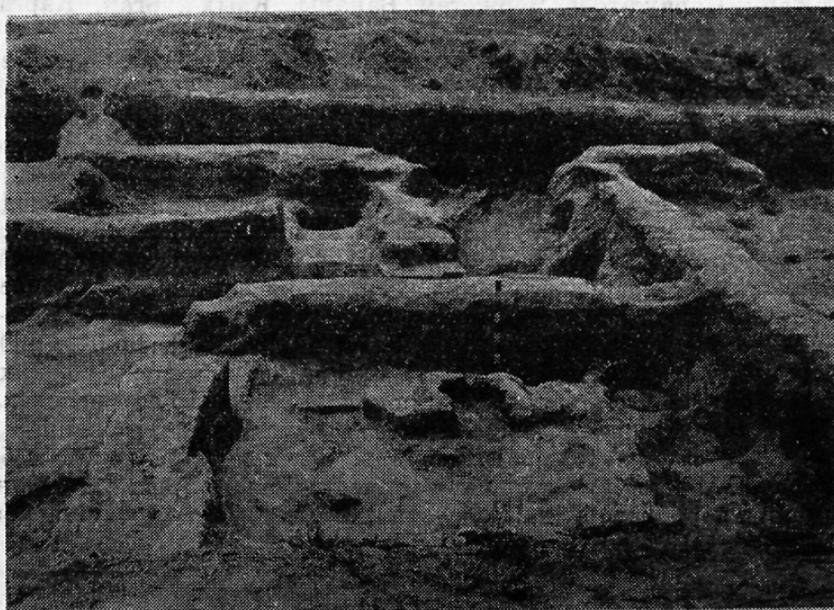

Рис. 5. Поселение Жаксылык. Кухня.

Их можно интерпретировать как убежища. В мирное время здесь располагалась ставка влиятельного феодала, а в военное в нем укрывалось от врага окрестное население со своим скотом. Внутри убежищ укрепления являлись, по всей вероятности, капитальным жилищем феодала, гарнизон же ставки ютился в юртах. Поэтому в городищах очень тонкий культурный слой, иногда его совсем нет. Л. Р. Кызласов, чтобы выяснить назначение городищ подобного рода в Туве, обратился к письменным источникам. В восточных хрониках говорится о наличии у уйгуров военных «лагерей» с оградами и запиравшимися воротами, внутри которых стояли юрты и палатки³⁷. В древнетюркских надписях такие крепости называются чытама³⁸.

Укрепленная ставка, бывшая в то же время и городищем-убежищем, широко известна у полукочевых народов. Прямоугольные в плане крепости на Балханах (Туркмения), датируемые в основном X—XII вв. и доживающие до XVI в., исследователи считают ханскими ставками³⁹.

Такие же крепости-убежища зафиксированы совсем в позднее время. Полуоседлая казахская верхушка жила в так называемых кала (городах). На самом деле это четырехугольное в плане укрепление, окруженное земляным валом и рвом. Примером является Клыш-кала (размер 220×210 м). В этой ставке богатого феодала Клыша население укрывалось от опасностей, а в зимнее время еще от стужи⁴⁰.

По сообщению М. Н. Галкина, посетившего в составе русской миссии в 1858 г. Хиву, усадьба казахского феодала Азбергена Муйнапсаева возле Кунграда представляла собой «сад, окруженный высокой глиняной стеной с бастionsами по четырем углам. Он, говорят, выдерживал осаду туркмен, в нем помещалось до 1500 кибиток». Внутри крепости кроме фруктового сада имелись хауз, посевы пшеницы и джугары⁴¹.

Подобные городища-ставки и городища-убежища распространены также у туркменского и каракалпакского населения Хорезма⁴².

Если учесть, что в городах-убежищах постоянно находились семья феодала и военный гарнизон, который в мирное время вряд ли

³⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 123.

³⁸ Г. И. Рамstedт. Перевод надписи Селенгинского камня. Труды Троицко-Кавказско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, т. XV, вып. 1, СПб., 1914, стр. 43—45.

³⁹ Х. Юсупов. Средневековые крепости на Балханах. СА, 1968, № 2, стр. 210—219.

⁴⁰ У. Х. Шалекенов. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966, стр. 203.

⁴¹ М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, стр. 180—181.

⁴² В. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. СЭ, 1959, № 5, стр. 33 и сл.; Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды ХАЭЭ, т. I. М., 1952, стр. 522—524; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

был большим, то количество населения в убежищах можно условно принять в 100—250 человек. Всего в четырех убежищах проживало 400—1000 человек.

Общее же количество оседлого населения Илийской долины в XI—XII вв. составляло около 46 000—52 000 человек.

Как видно из этих данных, городское население в 2—2,5 раза превышало сельское. Это, однако, не означает, что Илийская долина — район с преобладающим городским населением. Кроме оседлого сельского населения здесь имелось кочевое население, которого, безусловно, во много раз было больше оседлого.

Зная количество населения для периода расцвета городской и оседлой культуры в Илийской долине, можно попытаться определить его для IX—X и XIII вв., т. е. выявить динамику численности населения на протяжении пяти столетий.

К сожалению однослойные городища IX—X вв. в исследуемом регионе пока неизвестны, поэтому сказать что-либо о топографии поселения или города этого времени невозможно. В данный момент стоит, вероятно, априори считать, что в IX—X вв. в Илийской долине существовало несколько поселений такого же типа, что и в XI — начале XIII в. Городов в это время, видимо, еще не было. Слой с материалами IX—X вв. обнаружен пока только на городищах Алматы, Талгар, Чилик, Жаксылык, Сумбе, Чержетем, Бакалы, Кызыл-Курган, Антоновское, Каргалы, Коктума и Сага-Биен. Если допустить, что все они в IX—X вв. имели по 100—250 жителей, то общее количество оседлого населения в это время не превышало 1200—3000 человек.

Получить частичное представление о численности населения в XIII в. можно по источникам середины XIII в., в которых говорится о существовании таких городских центров, как Чжимуэрр, Эквиус, Кайлак (столица области), Илибалык. Материалы XIII в. обнаружены на городищах Алматы I, Талгар, Чилик, Сумбе, Дунгене, Антоновское, Коктума. Вполне вероятно, что население городов в первой половине XIII в. осталось прежним, т. е. было 35 000—40 000 человек. Проанализировав цифры оседлого населения IX—X вв. и XI — начала XIII в., следует отметить быстрый рост населения в период XI — начала XIII в. Оно увеличилось в 20—30 раз. Безусловно, это не «демографический взрыв». Рост населения был обусловлен интенсивным оседанием кочевников, которое происходило в XI—XII вв.

Демографические выкладки, как видно, являются еще одним подтверждением бурного развития земледелия, оседлости и городской культуры в Казахстане в XI — начале XIII в.

Для второй половины XIII в. характерно резкое уменьшение оседлого населения, прежде всего сельского, в то время как города, игравшие роль ремесленных и торговых центров, видимо, сохранили то же количество населения. Однако уже к концу XIII в. их число вследствие завоеваний монголов намного сократилось.

Л. А. МАКАРОВА

КОСТИ ЖИВОТНЫХ ИЗ НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В КАЗАХСТАНЕ

Во время археологических исследований в Центральном и Южном Казахстане наряду с другими находками обнаружено немалое количество костей домашних и диких животных. Остеологические данные, несмотря на фрагментарность большинства костей, позволяют получить представление о видах и количестве животных, которые использовались в хозяйственной деятельности поселенцев этих территорий.

Нами проанализировано более пяти тысяч костных остатков, в основном домашних животных, собранных при раскопках поселений эпохи бронзы Бугулинского, Каркаралинского и Шортанды-Булака и средневековых городищ.

Поселение Бугулинское находится в Шетском районе Карагандинской области¹. В 1956 г. здесь было обследовано два жилища, в которых собрали 286 костных остатков животных. Из жилища 1 крупному рогатому скоту принадлежали 54 кости: две нижние левые челюсти и обломок нижней правой челюсти, семь отдельных зубов, фрагменты плечевой, берцовой и лучевой костей, четыре обломка метаподий, пять таранных, две пяточные, два ребра, четыре центральные, тринадцать первых и девять вторых фаланг пальцев, четыре копытные кости. Количество парных костей соответствует трем особям.

Наибольшее количество костей с этого поселения относится к мелкому рогатому скоту. В жилище 1 собрано 200 костных остатков приблизительно от десяти особей. Среди них 15 фрагментов нижних челюстей, шесть верхних, 18 отдельных зубов, 11 обломков плечевой кости, три локтевые, лучевая кость, семь тазовых, шесть бедренных, шесть берцовых костей, 14 таранных (из них 10 левых), пять пяточных и семь центральных костей, 26 первых и 18 вторых фаланг пальцев.

¹ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 219.

Кости лошади представлены небольшим числом (всего 25) от двух особей. Это фрагмент нижней левой челюсти, пять отдельных зубов, обломки берцовой и лучевой костей, три метаподии, две таранные и три путовые кости, две фаланги пальцев (вторых), две копытные, три центральные и грифельная кости и ребро.

Среди костей из землянки 2 крупному рогатому скоту принадлежат две нижние челюсти (правая и левая), обломок лучевой кости, четыре позвонка, три первых и две вторых фаланги пальцев — 10 костей. Из костных остатков мелкого рогатого скота имеется часть нижней челюсти, два отдельных зуба, обломки плечевой и тазовой костей, фаланга и центральная кость.

Кроме костей домашних животных найдены четыре таранные кости и две фаланги сайги и нижняя челюсть собаки.

Поселение Каркаралинское находится на правом берегу речки Каркаралинки в Карагандинской области². В 1962 г. здесь было раскопано три жилища. На определение поступило 228 костей домашних животных. Из них 83 кости приблизительно от шести особей: пять нижних челюстей, одна верхняя, 10 зубов, фрагменты плечевой и лучевой костей, две берцовые, позвонок, лопаточная кость, 14 обломков пястных костей, коленная чашечка, пять центральных и шесть копытных костей, восемь первых и 10 вторых фаланг пальцев от крупного рогатого скота.

Восемьдесят костных остатков (около девяти особей) относятся к мелкому рогатому скоту: фрагменты нижней левой челюсти и четырех верхних челюстей, 29 отдельных зубов, две лопаточные кости, шесть обломков плечевых и двух бедренных костей, пять берцовых, восемь позвонков, три ребра, шесть фаланг пальцев и три обломка рога.

Костных остатков лошади с этого поселения — 65. Эти кости примерно от пяти особей: 22 отдельных зуба (от верхней и нижней челюстей), лопаточная кость, обломки плечевой и лучевой костей, четыре берцовые, шесть метаподий, три таранные, три пяточные и три копытные кости, две грифельные, 10 фаланг пальцев (первых) и четыре вторых и пять ребер. Костей диких животных в этом материале не оказалось.

Поселение Шортанды-Булак находится в долине реки Талды-Нура Шетского района Карагандинской области³. На этом поселении было собрано в 1970—1971 гг. около 500 костных остатков. Пригодных к определению оказалось лишь 363 кости, в основном домашних животных. Из сборов 1970 г. 40 костей различной сохранности и пять отдельных зубов от двух особей крупного рогатого скота. Из них целые три таранные, две пяточные, три фаланги пальцев, остальные сильно разрушены.

² Там же, стр. 229.

³ А. Х. Маргулан. Комплексы Былкылдак. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 164.

В коллекции с этого поселения 83 кости мелкого рогатого скота. Это фрагмент нижней левой челюсти с полным рядом зубов и целые три пяточные, пять таранных и четыре фаланги пальцев. Остальные кости плохой сохранности. По количеству парных костей — это костные остатки примерно от четырех особей.

Костные остатки лошади составляют на поселении 42 кости и 19 зубов. Целые кости — пястная, пять венечных, две таранные, две путовые и пяточная. Количество парных костей соответствует трем особям.

Из костей животных дикой фауны здесь найдены два рога сайги.

Лучшей сохранности костный материал, собранный на поселении Шортанды-Булак в 1971 г. Здесь найдено 362 костных обломка, из них определимы 269 костей.

Крупному рогатому скоту принадлежат 57 костей: фрагмент нижней правой челюсти, семь отдельных зубов, обломок лучевой кости, шесть пястных костей, позвонок, 11 фаланг пальцев, две таранные и пять центральных костей. Остальные 23 — обломки трубчатых костей. Все кости от трех особей.

Костей мелкого рогатого скота на этом поселении собрано 170, примерно от 17 особей: 12 фрагментов нижних челюстей, один верхней левой челюсти, 11 лопаточных костей, восемь обломков плечевой кости, девять лучевой, пять локтевой, шесть обломков тазовых, восемь бедренной, 18 берцовой кости, четыре метаподии, 33 таранные, девять центральных костей, 10 позвонков, 11 ребер и 13 фаланг пальцев.

Лошади принадлежит 62 кости, соответствующие пяти особям: три фрагмента верхней челюсти, два нижней челюсти, 20 отдельных зубов, три позвонка, обломки лучевой, тазовой, бедренной и трех берцовых костей, две фаланги пальцев (первых) и девять вторых, девять таранных костей, две пяточные, шесть метаподий, центральная кость и пять копытных костей.

Из дикой фауны на поселении найдена нижняя левая челюсть бобра.

С 1969 г. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством К. А. Акишева ведет исследования и раскопки древних городов и поселений в Отрарском оазисе. Значительное количество костей зафиксировано на городищах Отрар и Куль-тобе.

Городище Отрар находится в Кызылкумском районе Чимкентской области⁴. Здесь в 1971—1972 гг. при раскопочных работах в верхних слоях, датированных XVI—XVII вв., было найдено 1547 различных по сохранности костей крупного и мелкого рогатого скота, верблюда, лошади, сайги, собаки и лисицы. Кости выявлены в четырех раскопах. Костный материал из раскопа 1 представлен сборами за два года и насчитывает 920 костей, включая неопределимые обломки. Кости из

⁴ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 9.

других раскопов собраны в 1972 г. Наибольшее количество костей из раскопов 1 и 4.

Раскоп 1. Сборы 1971 г. (580 костей, определимых 267).

Крупному рогатому скоту принадлежит 67 костных остатков: две пястные, пяточная, две таранные кости, три первые фаланги пальцев и две вторых. Эти кости целые, остальные фрагментарные. Количество костей соответствует двум особям.

Примерно от трех особей лошади сохранилось 73 кости, из них целые — четыре таранные, две пяточные, копытная и плюсневая кости.

Из 110 костей мелкого рогатого скота целые только берцовая и лучевая, четыре метаподии, пяточная и таранная кости и первая фаланга. Остальные кости — обломки нижних или верхних концов трубчатых костей конечностей. Число костей соответствует 5—6 особям.

Кроме костей домашних животных в данном раскопе оказалось два рога сайги.

Сборы 1972 г. Из 340 костных остатков 103 представлены в основном обломками нижних и верхних челюстей, трубчатых костей и рогов крупного рогатого скота (примерно трех особей), а 90 костей — обломками верхних и нижних челюстей и костями конечностей мелкого рогатого скота (примерно четырех особей).

Наибольшее количество костных остатков в сборах 1972 г. лошади — 124 кости. Они соответствуют трем особям. Имеется несколько целых костей: лопаточная кость, пять метаподий и четыре путовые, однако большинство — обломки трубчатых костей.

В коллекции этого года насчитывается 19 костей (обломок верхней челюсти с зубами, две лопаточные кости, верхняя часть бедра, обломки позвонков) одной особи верблюда.

Кроме того, на этом раскопе найдены верхняя часть черепа и две нижние челюсти собаки, нижняя левая челюсть лисицы и рог сайги.

Раскоп 2. Выявлено восемь костей лошади (две тазовые, крестцовые позвонки, таранная и другие обломочные кости), шесть костей крупного рогатого скота (две нижние челюсти, зуб верхней челюсти, позвонок и обломки костей конечностей), три кости мелкого рогатого скота (обломок лопатки, плечевая и тазовая кости) и верхняя часть плечевой кости верблюда. Все кости от единичных особей.

Раскоп 3. Найдены три кости крупного рогатого скота (лопаточная кость и два обломка трубчатой кости), восемь костей мелкого рогатого скота (в основном кости конечностей), восемь костей лошади (обломок нижней челюсти, лопаточная кость и обломки других костей), нижняя часть метаподии верблюда и 12 неопределимых обломков.

Раскоп 4. Собраны 63 кости крупного рогатого скота (главным образом, обломки верхних и нижних челюстей, трубчатых костей, две пяточные кости), 215 остатков костей мелкого рогатого скота (восемь верхних челюстей, 14 нижних челюстей, 17 лопаток, 13 обломков пле-

чевой кости, три тазовой, 11 бедренной, пять целых метаподий, две пятки, обломки рогов и трубчатых костей) и 85 костей лошади (фрагменты черепа, лопаточные кости и обломки других костей, примерно от четырех особей).

Видовой состав костных остатков из поселений

Поселение	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Лошадь		Другие виды животных Костей
	Костей	Особей	Костей	Особей	Костей	Особей	
Бугулинское	54	3	200	10	25	2	Сайга—6, собака—1
Каркаралинское	83	6	80	9	65	5	Сайга—2
Шортанды-Булак	102	6	253	21	123	8	Зобр—1
Отрар	242	10	426	25	298	12	Верблюд—40, сайга—2
Куль-тобе	380	33	980	58	360	28	Верблюд—23, сайга—74, лисица—2
Талгар	17	2	3	1	22	2	

В результате определения костей, выявленных в четырех раскопках, установлено, что 242 костных остатка принадлежит крупному рогатому скоту, 421 — мелкому рогатому скоту, 298 — лошади, 40 — верблюду. Единичны на городище Отрар находки костей собаки, сайги и лисицы. Как по количеству костей, так и по числу особей больше всего костных остатков мелкого рогатого скота, затем лошади.

Городище *Куль-тобе* находится в Сузакском районе Чимкентской области⁵. Во время археологических исследований этого поселения в 1971—1972 гг. было собрано 2637 костей домашних и диких животных. В целом костный материал фрагментарный. 380 костей принадлежит крупному рогатому скоту, 980 — мелкому рогатому скоту, 360 — лошади, 23 — верблюду. Из костей дикой фауны здесь обнаружены 74 кости сайги (в основном обломки верхней части черепа, таранные), а также лисицы (часть черепа и обломок нижней левой челюсти).

Костный материал с городищ представлен костями конечностей и обломками черепов, очень мало таранных и пяточных костей всех видов домашних животных.

Городище *Талгар* находится на южной окраине одноименного города в Алма-Атинской области⁶. В 1971 г. здесь собрано 58 костных остатков домашних животных. Пригодными для определения оказались 42 кости, из них крупному рогатому скоту принадлежало 17 частично разрушенных костей конечностей и две лопаточные кости. Это остатки, вероятно, двух особей. Костей мелкого рогатого скота всего

⁵ Там же, стр. 179.

⁶ К. М. Байпаков. Раскопки усадьбы на городище Талгар. В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 71.

три: плечевая, верхний конец пястной кости и пяточная. Наибольшее количество костных остатков лошади (три нижние челюсти с зубами, лопаточная кость, плечевая, локтевая, обломки лучевой и пястной, всего 16 костей и шесть отдельных зубов примерно двух особей).

Проанализированный костный материал позволил выявить видовое и количественное соотношения в составе домашних животных. Как видно из таблицы, среди костных остатков с поселений эпохи бронзы в Центральном Казахстане преобладают кости мелкого рогатого скота, а число костей крупного рогатого скота превосходит количество костей лошади примерно на 5%.

На средневековых городищах Отрарского оазиса число костей мелкого рогатого скота значительно превышает число костей крупного рогатого скота и также лошади, количество костей которой здесь больше, чем костей крупного рогатого скота.

В остеологическом материале, собранном на поселениях, за исключением Куль-тобе, где имеются кости сайги, остатков диких животных найдено мало.

Как отмечалось, кости, представленные на определение, фрагментарные. Отсутствуют черепа и мало целых парных костей, что затрудняет более точный подсчет особей и не дает правильного представления о поголовье домашних животных в указанных поселениях. Для последующего установления видового состава и выяснения количественного соотношения поголовья домашних животных на поселениях необходимы полный сбор костного материала из раскопанных горизонтов и своевременное его определение.

Т. В. САВЕЛЬЕВА

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА (1963—1972 гг.)

Статья представляет собой обзор археологической литературы, вышедшей в Казахстане в 1963—1972 гг. Он дается в хронологической последовательности культур и охватывает работы, посвященные памятникам всех эпох от палеолита до позднего средневековья, включает также статьи по вопросам древнего искусства, эпиграфике, нумизматике, антропологии, рецензии и хроникальные заметки. В этом плане мы продолжаем традицию библиографических обзоров по археологии Казахстана¹.

В истекшие десять лет успешно велись исследования в области археологии каменного века². Немало сделано Х. А. Алпысбаевым и Н. Н. Костенко в вопросе увязки археологических комплексов с геологией Каратау. Местонахождение каменных орудий позволяет в ряде случаев расчленить антропогенные отложения в исследуемом регионе³. Интересны находки из палеолитической стоянки в Каратау. Большое количество выявленных здесь призматических и конусовидных нуклеусов, скребков, ножевидных пластин, проколов из кремня, по мнению авторов, можно датировать поздним палеолитом⁴. Камен-

¹ Е. И. Агеева. К истории изучения археологических памятников среднего течения Сырдарьи и Каратау. «Известия АН КазССР (далее: ИАН КазССР), серия археологическая», 1950, вып. 2, стр. 135—142; Е. И. Агеева, Т. Н. Заднепровская. Библиография по археологии и древней истории Сырдарьи и Семиречья. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 270—304; К. М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 244—251.

² Х. А. Алпысбаев. Некоторые вопросы изучения каменного века в Казахстане. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 227—240.

³ Х. А. Алпысбаев, Н. Н. Костенко. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 5—20; Н. Н. Костенко, Х. А. Алпысбаев. Значение палеолита для расчленения антропогенных отложений. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 107—120.

⁴ Н. Н. Костенко, Х. А. Алпысбаев. Палеолит в районе Турланского перевала хребта Каратау. «Вестник АН КазССР» (далее: ВАН КазССР), 1966, № 8, стр. 66—69.

ные орудия из Каратау рассматриваются исследователями на историческом фоне в связи с каменными индустриями различных районов мира⁵.

В этот период проводились поиски и исследования палеолитического отряда сектора геоморфологии и четвертичной геологии ИГН АН КазССР совместно с отделом археологии ИИАЭ АН КазССР в Северном и Северо-Западном Прибалхашье. В результате были выявлены новые памятники каменного века.

В основном палеолитические стоянки и стоянки-мастерские сосредоточены в центральной части Северного Прибалхашья. Собранный каменный инвентарь разновозрастный, в нем имеется древнепалеолитические и позднепалеолитические образцы⁶.

В регионе, представляющем каменный век Сары-Арки, т. е. на восточном участке Балхаш-Иртышского водораздела, обнаружено 73 стоянки наземного типа палеолитической и неолитической эпохи. Интересна стоянка-мастерская у озера Кудайколь. Как полагает автор, в Северной Азии Сары-Арка в период каменного века являлась автономным районом, автохтонность которого была нарушена лишь появлением культуры микролитов. В плейстоцене, по А. Г. Медоеву, на территории Сары-Арки была распространена ашельская, леваллуа-ашельская, мустьерская и позднепалеолитические культуры. Одна из его статей посвящена технике изготовления нуклеусов леваллуа⁷.

Ареал палеолитических культур на территории Сары-Арки расширился благодаря исследованиям М. Н. Клапчука. В Карагандинской области обнаружены памятники мустье — Космола, Кзыл-Жар 3, Батпак 8 и 12, предметы верхнего палеолита — стоянки Батпак 7, Ангреносор 2. Интересные находки галечных орудий, относящихся к началу

⁵ Х. А. Алпысбаев. Индустрия олдувея, магадевиа, соана, их связь с кара-таускими изделиями. В кн. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 47—55 (на каз. яз.).

⁶ А. Г. Медоев. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз. ВАН КазССР, 1962, № 3, стр. 86—88; его же. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. ВАН КазССР, 1965, № 5, стр. 85—89.

⁷ А. Г. Медоев. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка. ИАН КазССР, серия общественная, 1965, № 4, стр. 77—81; его же. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 128—135; его же. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. ИАН КазССР, серия общественных наук, 1964, № 6, стр. 90—98; его же. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 200—216; его же. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 139—153; см. также: Б. Ж. Аубакиров, Л. А. Чалай. Геохронология каменного века Иртыш-Шидертинского междуречья. «Материалы первой научной конференции молодых ученых АН КазССР». Алма-Ата, 1968, стр. 85; и х же. К вопросу о нижней границе голоцена в левобережном Прииртышье. «Материалы второй научной конференции молодых ученых АН КазССР». Алма-Ата, 1970, стр. 71—72.

верхнего плейстоцена, выявлены на стоянках Музбель 1 и 2 в среднем течении Сарысу⁸.

В последние годы восполняется пробел в исследовании памятников эпохи неолита и энеолита⁹. В статье Л. А. Чалой, носящей обзорный характер, рассматриваются проблемы неолита, дается историография вопроса¹⁰. Она же публикует материал из озерных стоянок Пеньки 1, 2 Павлодарской области. На стоянке Пеньки 1 обнаружено жилище наземного типа с очагом в центре, собраны многочисленные изделия из кремня и кости, керамика. На основе анализа кремневой индустрии стоянка Пеньки 1 датирована серединой и первой четвертью второй половины III тыс. до н. э., а Пеньки 2 — концом и первой четвертью II тыс. до н. э.¹¹ Ею были исследованы также неолитические стоянки в бассейне р. Каратургай в Центральном Казахстане¹².

Важным представляется изучение и раскопки многослойной неолитической стоянки в пещере Караунгур на южных склонах хребта Каратау. Мощностъ культурных отложений в пещере достигает 5 м. Выяснилось, что стоянка посещалась неолитическим человеком неоднократно и в разное время. Обитатели занимались охотой, приручением животных, рыболовством и собирательством¹³.

Стоянки и местонахождения каменного века обнаружены и в районе Западного Казахстана¹⁴.

Многое достигнуто археологами республики в изучении культуры эпохи бронзы. Итоги многолетних работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, бесценно возглавляемой А. Х. Маргуланом, подведены в коллективной монографии¹⁵. Книге предпослано обширное введение, в котором дана история археологического изучения Центрального Казахстана. Первая часть монографии посвящена теоретической разработке истории пастушеских племен на территории Центрального Казахстана в эпоху бронзы. В ней решается вопрос о

⁸ М. Н. Клапчук. К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 121—135; его же. Галечные орудия местонахождения Музбель 1—2 в Центральном Казахстане. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 217—226.

⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореферат докторской диссертации. М., 1970.

¹⁰ Л. А. Чалая. Некоторые вопросы истории изучения неолита Казахстана. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 241—250.

¹¹ Л. А. Чалая. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 161—181.

¹² Л. А. Чалая. О культуре микролитов эпохи энеолита в бассейне реки Каратургай. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 192—195.

¹³ Х. Алпысбаев. Неолитическая стоянка в пещере Караунгур (Южный Казахстан). ИАН КазССР, серия общественная, 1969, № 2, стр. 85—87.

¹⁴ А. Н. Мелентьев. Разведка памятников древности в Западном Казахстане. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 194—197.

¹⁵ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

зарождении скотоводства и переходе от яйлажного скотоводства к пастбищно-кочевому. Материал систематизирован по двум основным культурам — андроновской и бегазы-дандыбаевской. В первой культуре выделены два этапа — нуринский и атасуский. Дана подробная характеристика могильников, поселений, рудных разработок, жертвенных мест. Обширный раздел посвящен вопросам хозяйственной и культурной жизни андроновцев, их религиозным представлениям. Он написан на основе обширного материала. Специально рассмотрены особенности бронзового века Центрального Казахстана, выяснены его исторические связи с районами Сибири, Алтая, Поволжья. В итоге делается вывод, что Центральный Казахстан был одним из основных районов становления и развития андроновских племен.

К немногочисленным погребениям андроновской культуры, известным на юге Казахстана и в Семиречье, прибавилось несколько погребений из Алакульской котловины. Среди них погребение в срубе с типичным андроновским инвентарем, по мнению автора, времени, переходного от федоровского к алакульскому¹⁶.

К развитому этапу бронзы относится могильник Акмола, который находится в северной части левобережной Прииртышской равнины. По мнению автора, могильник близок андроновским памятникам Восточного Казахстана (канайский этап)¹⁷.

Интенсивно изучались и изучаются памятники эпохи бронзы в Северном Казахстане. Опубликованы некоторые материалы из поселения Ильинка 1 и могильника Бурлук 1¹⁸. Андроновские захоронения были раскопаны и в Северном Прибалхашье¹⁹.

В течение ряда лет успешно проводились раскопки поселения Чаглинка. Удалось выделить несколько типов жилищ, сделать их реконструкцию. Однако сопоставление их с жилищами казахов слишком прямолинейно²⁰. Характеристика остеологического материала с этого поселения дана в статье Л. А. Макаровой²¹.

¹⁶ Г. А. Кушаев. Ранние погребения Алакульской впадины. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 135—142.

¹⁷ М. К. Кадырбаев. Акмола — памятник андроновской культуры. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 91—107.

¹⁸ Г. Б. Зданович. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 147—153; С. Я. Зданович. Могильник эпохи бронзы Бурлук 1. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 154—163.

¹⁹ М. К. Кадырбаев. Археологические раскопки в Северном Прибалхашье. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 107—122.

²⁰ А. М. Оразбаев. Поселение Чаглинка (Шагалала). Некоторые формы и типы жилищ. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 129—146; его же. Колодцы на поселении Чаглинка (Шагалала). В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 154—162.

²¹ Л. А. Макарова. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 269—271.

Специальная статья посвящена горному делу у племен эпохи бронзы Центрального Казахстана. В ней публикуется большой материал по исследуемому вопросу, дается описание рудных разработок на медь, олово, серебро, золото²².

Новые данные о памятниках андроновской культуры Центрального Казахстана сообщаются в статье А. Х. Маргулана²³. В ней показана генетическая преемственность между типами памятников.

Некоторые аспекты теоретических проблем первобытной археологии, поднятых в последнее время в специальной литературе, были затронуты в статье М. К. Кадырбаева²⁴.

На территории Семиречья наиболее хорошо изучены памятники саков. Результаты их многолетних исследований освещены в специальной монографии²⁵. В ней дается детальная характеристика уникальных сооружений могильника Беспатыр, определяется их историческое место среди деревянных конструкций скифо-сакско-сарматского мира Причерноморья, Поволжья, Алтая, Монголии и Средней Азии, рассматриваются вопросы, связанные с историей развития хозяйства, с социальной дифференциацией и классовобразованием. Одна из глав посвящена теоретической проблеме — происхождению саков и сакской культуры Семиречья. В ней проанализированы вопросы происхождения и генезиса культуры саков, дана первая для Казахстана хронологическая классификация наконечников стрел как шкала для датировки памятников сако-усуньского времени Казахстана и Средней Азии. В работе поставлен вопрос об этнической принадлежности семиреченских памятников к конкретной сакской группе сакам-тиграхауда.

Исследованиями курганных могильников сакского времени в других регионах Семиречья выявлены подбойные захоронения, свидетельствующие об этнической разнородности крупного племенного объединения — саков-тиграхауда²⁶.

Знаменательным событием казахстанской археологии, имеющим мировое значение, являются находки в кургане «Иссык». В захоронении наряду с многочисленными ювелирными изделиями, предметами вооружения, керамикой найдена серебряная чашечка с надписью²⁷.

²² А. Х. Маргулан. Горное дело в Центральном Казахстане. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, стр. 3—30.

²³ А. Х. Маргулан. Комплексы Былдыкдак. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 164—199.

²⁴ М. К. Кадырбаев. Некоторые проблемы первобытной истории в свете труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». ИАН КазССР, серия общественная, 1971, № 5, стр. 1—12.

²⁵ К. А. Акишев. Культура саков долины р. Или (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

²⁶ А. Г. Максимова. Подбойные захоронения сакского времени. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 136—145.

²⁷ К. А. Акишев. Иссыкский курган. В кн.: «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 408.

Предварительную расшифровку ее сделал казахстанский тюрколог А. С. Аманжолов²⁸.

Результаты раскопок памятников сакского времени Центрального Казахстана были обобщены М. К. Кадырбаевым²⁹. Многочисленный материал позволил выделить на территории Центрального Казахстана своеобразную археологическую культуру, названную тасмолинской. Для нее характерны могильники, в которых есть курган с «усаами» — каменными дуговидными грядами, отходящими от насыпи кургана на восток³⁰. В культуре выделено два хронологических периода: VII—VI и V—III вв. до н. э. В работе дана хронологическая таблица и определены место и время тасмолинской культуры среди других.

Интенсивный приток материалов за последнее десятилетие с территории, охватывающей основные районы распространения сакской культуры — Центральный и Восточный Казахстан, Семиречье и Южный Казахстан, — все больше убеждает в необходимости создания классификационных схем и историко-археологической периодизации памятников раннежелезного века Казахстана. Эти вопросы нашли отражение в ряде статей, одна из них посвящена некоторым итогам изучения сакских древностей³¹.

Продолжают, как и раньше, поступать случайные находки сакского времени. Это бронзовая литая пряжка из Павлодарской области. Рельефное изображение пряжки состоит из трех радиально расположенных фигур тигров, терзающих антилопу-сайгу. Пряжка датируется VI—V вв. до н. э.³²

О находках сакских древностей говорится в статье Т. Н. Сениговой³³. Среди них необычной формы ковшик-черпак из бронзы, одна из трех ручек которого заканчивается удлинненной головкой кабана.

Медные котлы отмечены близ Алма-Аты. На ободках котлов имеются скульптурные головки козлов.

Серия медных сакских котлов обнаружена в Джамбулской области. О них сообщает А. П. Попов³⁴.

²⁸ А. С. Аманжолов. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. ИАН КазССР, серия общественная, 1971, № 12, стр. 64—66.

²⁹ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 303—433.

³⁰ Реконструкцию таких курганов предложил А. М. Оразбаев. См.: А. М. Оразбаев. Курган «с усаами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 175, 191.

³¹ М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 21—36.

³² Ф. Х. Арсланова. Интересная находка из Прииртышья. ВАН КазССР, 1963, № 10, стр. 100—101.

³³ Т. Н. Сенигова. К вопросу о генезисе культуры Семиречья (VI в. до н. э. — XII в. н. э.). ВАН КазССР, 1967, № 4, стр. 69—76.

³⁴ А. П. Попов. Находки сакского времени в Джамбулской области. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 206—208.

Интересные памятники позднесарматского периода выявлены в Чингирлауском районе Западно-Казахстанской области и в Северном Казахстане.

В одном из погребений Лебедевского могильника (курган 2) найден скелет женщины и богатый инвентарь³⁵. Наибольший интерес представляют ювелирные изделия: украшения из листового золота, цилиндрической формы золотые подвески, перстень, украшенный зернью и сердоликовыми вставками, медная брошь. Из бытовых предметов встречены бронзовые, железные, глиняные и деревянные предметы хозяйства.

Вооружение и орудия труда представлены железным топором формы кельта, грибообразным каменным пестом, оселками, глиняным пряслицем. Принадлежностью туалета были металлическое зеркальце, кожаный футляр и лакированная шкатулка. Ритуал захоронения позволяет, по мнению авторов, отнести захоронение ко II—VI вв. н. э. Во втором погребении (курган 1) в могильной яме под перекрытием, опиравшемся на 12 деревянных столбов, расчищен мужской скелет. Около него сохранились остатки ритуальной пищи, найдено вооружение, бытовой инвентарь и богатые украшения. Поскольку захоронения находились в одном могильнике, обряд погребения в кургане 2 датируется исследователями II—IV вв. н. э.

В ходе изучения позднесарматских захоронений Покровского могильника на правом берегу р. Ишим зафиксировано три типа погребальных сооружений: могила с подбоем, подквадратные могилы с уступчиком и овальные мелкие ямы с вертикальными стенками¹⁶.

Культура древних усуней Семиречья, их политическая история и взаимоотношения с древними племенами и народностями Средней Азии, Алтая, Монголии и Китая в последние годы изучались особенно интенсивно.

Работа Г. А. Кушаева знакомит с культурой усуней долины реки Или³⁷. В ней автор предлагает классификацию памятников — это первая попытка систематизации большого материала по усуням. Он освещает вопросы хозяйства, общественного устройства и религии усуней по хронологическим этапам.

Новые археологические материалы, полученные с территории Семиречья, позволили рассматривать хозяйство усуней в динамике. По данным письменных источников и на основе археологического материала, как считает К. А. Акишев, оседлость и земледелие развивались

³⁵ Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.). ИАН КазССР, серия общественная, 1968, № 2, стр. 71—89.

³⁶ Г. Б. Зданович. Покровский могильник на реке Ишим. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 69—79.

³⁷ Г. А. Кушаев. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н. э.—III в. н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

в среде древних усуней еще в первых веках до нашей эры, а наиболее широко в III—IV вв. н. э.³⁸

Продолжается изучение усуньских памятников в северо-восточном Семиречье. В отрогах Кетменьтау был обнаружен новый тип памятника — зимовка-поселение Актас 2³⁹. Зимовка-поселение, как полагает К. А. Акишев на основании анализа археологических находок и стратиграфии памятника, была обитаема дважды. Первый раз в I—III вв., затем в IV—VI вв. Прослеживается преемственность в планировке жилищ и строительной технике каменных построек, свидетельствующая об этнической близости и родственности культур населения зимовки-поселения.

Находки земледельческих орудий — серпа, каменных мотыг, зернотерок — говорят о земледельческом направлении хозяйства обитателей поселения и подтверждают ранее высказанный автором тезис о комплексном полукучевом образе жизни усуньских племен.

Другая работа К. А. Акишева посвящена проблеме происхождения кочевого скотоводства и кочевнического образа жизни на территории Казахстана⁴⁰. Для обоснования своих выводов автор привлекает данные письменных и археологических источников, палеозоологии и биологии.

Изучались усуньские курганы и в северо-западном Семиречье (Таласская долина). На основании сопоставления керамического материала, надмогильных и погребальных сооружений с известными на территории Семиречья усуньскими памятниками А. Г. Максимова датирует эти курганы I—III вв.⁴¹ В одном из них была глиняная печать-штамп.

Многолетние работы в зоне Чардаринского водохранилища обобщены в монографии⁴².

В одной из глав работы (Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина) публикуется отчет о раскопках поселения Актобе 2 (I—V вв.) и дается классификация находок⁴³. Особый интерес представляет открытый здесь

³⁸ К. А. Акишев. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 69—78.

³⁹ К. А. Акишев. Зимовка-поселение и жилища древних усуней. ИАН КазССР, серия общественная, 1969, № 1, стр. 29—45.

⁴⁰ К. А. Акишев. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 31—46.

⁴¹ А. Г. Максимова. Цепочка курганов из могильника Караша I. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 121—128; ее же. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 122—138.

⁴² А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. О значении термина Чардара см.: Е. Койчубаев, А. Г. Максимова. О топониме Чардара. ИАН КазССР, серия общественная, 1967, № 5, стр. 93—94.

⁴³ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 11—79.

дворцовый комплекс, исследованный почти полностью. Анализ строительных приемов, как считают авторы, убеждает в существовании местной традиции домостроительства.

Материалам памятника следующего этапа каунчинской культуры посвящена глава «Городище Шаушукум», написанная Г. И. Пацевичем (анализ керамики сделан Е. И. Агеевой)⁴⁴. Изучение архитектурных сооружений и предметов материальной культуры позволило выделить два периода: кангюйский (III—V вв.) и тюркский (VI—VIII вв.).

Последующие исследования керамического материала с городища Шаушукум-тобе позволили уточнить хронологию посуды и ее ареал⁴⁵.

Глава в «Древностях Чардары», посвященная раскопкам могильников Жаман-Тогай, Актобе, Шаушукумского и Торебай-Тумсык, написана А. Г. Максимовой. Погребения могильника Жаман-Тогай она делит на четыре хронологических этапа: эпоха бронзы, сакское время, рубеж нашей эры и III—V вв. Могильник Актобе автор относит к культуре Каунчи II. Материалы Шаушукумского могильника суммарно определяют датировку погребений — III—V вв.

В это же время исследовались древнеземледельческие поселения на юге Казахстана. Интересные результаты получены при раскопках поселения Караул-тобе. Они описаны Н. П. Подушкиным⁴⁶. Многочисленную группу находок составляет керамическая посуда.

Образцы кухонной и хозяйственно-бытовой посуды с поселений Караул-тобе и Джарты-тобе были подвергнуты химико-технологическому анализу, с помощью которого определили разницу в приготовлении глины для посуды различного назначения. Опытным путем была установлена температура обжига: примерно +600—700°C⁴⁷.

В течение нескольких лет изучалось раннеземледельческое поселение Чоль-тобе, расположенное в 45 км восточнее Джамбула. По материалам из раскопа оно датируется первой половиной I тыс. н. э.⁴⁸

В последние годы ведутся раскопки Борижарского могильника⁴⁹. Ряд захоронений во вскрытых курганах совершен на специальных

⁴⁴ Там же, стр. 80—119.

⁴⁵ М. С. Мерц и е в. Дополнительные данные по керамике городища Шаушукум-тобе. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 198—205.

⁴⁶ Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. ИАН КазССР, серия общественная, 1968, № 5, стр. 71—75.

⁴⁷ Н. П. Подушкин. О технических свойствах керамики раннеземледельческих поселений долины Арысы (Южный Казахстан). ИАН КазССР, серия общественная, 1970, № 5, стр. 75—78; е го же. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховьев реки Арысь (I—IV вв.). В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 93—107.

⁴⁸ М. С. Мерц и е в. Поселение Чоль-тобе на северных предгорьях Киргизского Алатау. ВАН КазССР, 1966, № 12, стр. 69—73; е го же. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I—IV веков и захоронение на нем воина IV—V века. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 79—92.

⁴⁹ Б. Нурмуханбетов. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 162—174; е го же. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 108—120.

площадках, сооруженных из смеси битой глины с речной галькой. Здесь выявлены некоторые различия в деталях обряда погребения, выделены ведущие типы погребальных построек.

У с. Боброво на территории среднего Прииртышья продолжались начатые в 1961 г. раскопки могильника тюркского времени⁵⁰. В нем прослежены два обряда погребения; трупосожжение без могильной ямы и трупоположение в могильной яме и без нее на уровне древнего горизонта. Состав погребального инвентаря свидетельствует о том, что по обряду трупосожжения хоронили мужчин, а по обряду трупоположения — в основном женщин и детей. Одной из редких находок являются остатки шелковой одежды из ткани китайского происхождения.

Были также раскопаны могильники времени средневековых кочевников Трофимовский I и II, Покровский и Качирский⁵¹.

Из Прииртышья происходит уникальная костяная бляха-перекрестье для конской уздечки. На поверхности бляхи имеется шесть-семь «резов», которые одна часть исследователей считает изображением оленя, а другая — рунической надписью из двух строк⁵².

Курганные могильники, относящиеся ко времени поздних кочевников, на территории Казахстана изучены слабо. Некоторый пробел восполняют раскопки кургана у с. Королевки в Джамбулской области⁵³. В нем со скелетом мужчины обнаружены принадлежности конской сбруи, наременные пряжки, подвески, колчан с железными наконечниками стрел, украшенный сверху костяными пластинками, железная сабля. На ступнях ног сохранились остатки кожаной обуви. Важной находкой являются две серебряные монеты джугатаидского чекана (конец XIII — начало XIV в.)⁵⁴. Монеты позволяют датировать погребение XIV в.

Результатам исследований памятника кыпчакского времени на территории Центрального Казахстана могильника Тасмола IV посвящена статья М. К. Кадырбаева и Р. З. Бурнашевой⁵⁵.

В статье Ф. Х. Арслановой дается характеристика погребения кыпчакского времени в Павлодарской области. Из найденных в погребении

⁵⁰ Ф. Х. Арсланова. Бобровский могильник. ИАН КазССР, серия общественных наук, 1963, вып. 4, стр. 68—84; е е же. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 43—57.

⁵¹ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 98—111; е е же. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 56—76.

⁵² А. С. Аманжолов. Еще раз об иртышской рунической надписи. ВАН КазССР, 1967, № 9, стр. 66—70.

⁵³ А. Г. Максимова. Погребение воина XIV века. ВАН КазССР, 1965, № 6, стр. 85—91.

⁵⁴ М. Е. Массон. К вопросу об изучении языческих курганных погребений. ВАН КазССР, 1965, № 1, стр. 82—84.

⁵⁵ М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 42—53.

нии вещей наибольший интерес представляет конусовидный головной убор из тонкого листового серебра XIII—XIV вв.⁵⁶

Время возникновения, основные этапы развития средневековых поселений и городов, связь города и кочевой степи являются предметом изучения казахстанской археологии. В этой связи первостепенное значение имеют исследования таких крупных средневековых центров, как Отрар, Тараз и окружающих оседлых поселений.

Исследования в районе древнего Тараза проводились с целью выяснения топографии города и его округа, восстановления структуры города в период становления феодальных отношений VII—VIII вв.⁵⁷

Археологические изыскания позволили прийти к заключению, что Тараз уже в VII в. был одним из развитых городов юга Казахстана, а в IX—XII вв. являлся одним из крупных культурных и экономических центров Казахстана. Нижние слои Тараза относятся к первым векам нашей эры⁵⁸. При раскопках городища собраны богатые коллекции стекла. Характеристика его дана в двух статьях⁵⁹. Были выявлены также предметы, связанные с идеологией городского населения в средние века⁶⁰. Итоги работ на городище Тараз обобщены в монографии Т. Н. Сениговой⁶¹.

Значительное внимание археологов было уделено исследованиям памятников средневековья на территории Семиречья (Чуйская и Илийская долины).

В юго-западном Семиречье одним из типичных памятников городской культуры является городище Кулан. Результаты стратиграфических шурфов на цитадели и шахристане городища позволяют предположить, что город складывался в VII—VIII вв.⁶²

В сельской округе Кулана раскопаны замок и сельская усадьба. Архитектура, строительные приемы, вещественный материал позволяют датировать замок VII—X вв. При раскопках усадьбы в одном из по-

⁵⁶ Ф. Х. Арсланова. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 54—59.

⁵⁷ Т. Н. Сенигова. Основные пути формирования топографии средневекового Тараза (V—IX вв.). ИАН КазССР, серия общественная, 1966, № 5, стр. 69—78.

⁵⁸ М. С. Мерццев. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 37—50.

⁵⁹ Е. И. Агеева. Средневековое стекло из Тараза. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 7—21; Т. Н. Сенигова. О назначении двух стеклянных сосудов из Тараза. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 209—212.

⁶⁰ Т. Н. Сенигова. Вопросы идеологии и культов Семиречья. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 51—67.

⁶¹ Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

⁶² К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. ИАН КазССР, серия общественная, 1966, № 2, стр. 72—84; его же. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 68—84; его же. Оседло-земледельческая культура и города Илийской долины в средневековье. «Материалы первой научной конференции молодых ученых АН КазССР». Алма-Ата, 1968, стр. 435—436.

мещений расчищена мастерская по производству вина и сладостей из виноградного сока. Как и замок, усадьба датируется VII—X вв.⁶³

Поливная керамика Лугового и других городищ юго-западного Семиречья по своим формам, глазурям, спектру росписей близка керамике крупнейших среднеазиатских центров и свидетельствует о высоком уровне развития гончарства в Семиречье⁶⁴.

В небольшой заметке рассмотрены вопросы локализации илийских городов, известных по письменным источникам⁶⁵. Подтверждением широких торговых связей илийских городов является медное гравированное блюдо, найденное на Талгарском городище и датированное XII — началом XIII в.⁶⁶

На городище Жаксылык (Илийская долина) раскопано около 30 помещений жилого и хозяйственного назначения, получен богатый керамический материал, собраны орудия из металла, кости, камня, украшения⁶⁷.

При раскопках городища обнаружено погребение, совершенное по мусульманскому обряду и датированное X—XII вв. На фаланге пальца скелета найдено кольцо с изображением или надписью⁶⁸.

Исследование городских центров проводилось и в долине Сырдарьи. Многолетние раскопки были организованы на городище Актобе 1 — многослойном памятнике, расположенном в зоне Чардаринского водохранилища⁶⁹. В ходе раскопок было выявлено четыре культурных горизонта, каждый из которых соответствует хронологическому периоду жизни городища с IV до начала XIII в.

Судя по стратиграфии и материалам, городище Актобе 1 является характерным памятником оседлой культуры, на нем четко прослеживается эволюция от простейшей формы оседлого поселения к собственному городу⁷⁰. Публикация материалов раскопок и основные выводы да-

⁶³ К. М. Байпаков. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. ИАН КазССР, серия общественная, 1966, № 8, стр. 61—65; его же. Раскопки средневековой мастерской в Семиречье. ВАН КазССР, 1964, № 7, стр. 88—91; его же. Керамика средневекового Кулана. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 77—97.

⁶⁴ К. М. Байпаков. Поливная керамика Семиречья. ВАН КазССР, 1965, № 9, стр. 77—80.

⁶⁵ К. М. Байпаков. О локализации городов северо-восточного Семиречья. ВАН КазССР, 1968, № 7, стр. 21—25.

⁶⁶ К. М. Байпаков. Талгарское блюдо. ИАН КазССР, серия общественная, 1968, № 6, стр. 87—91.

⁶⁷ К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 22—41.

⁶⁸ А. С. Аманжолов. Руническая надпись на бронзовом кольце (р. Или). ВАН КазССР, 1971, № 1, стр. 64—66.

⁶⁹ М. С. Мерцнев. Раскопки цитадели городища Актобе 1. ВАН КазССР, 1964, № 12, стр. 74—77.

⁷⁰ М. С. Мерцнев. К вопросу о генезисе оседлых поселений (на материалах городища Актобе 1). ИАН КазССР, серия общественных наук, 1965, вып. 3, стр. 66—80.

ются М. С. Мерциевым в разделе монографии «Древности Чардары»⁷¹.

Исследования памятников монголо-тимуридского времени начались в 1964 г. Одним из объектов было городище Аспара у с. Чолдавар Меркенского района Джамбулской области. Жизнь на Аспаре прекратилась в XV—XVI вв. В этот период произошло запустение и других городов Чуйской и Таласской долин в связи с междоусобицами и феодальными войнами⁷².

В Таласской долине, как и в Чуйской, оседлая культура продолжала существовать и после XIII в. Об этом свидетельствуют находки на городище Тараз и в долине Таласа⁷³.

Археологическое обследование городищ северных склонов Каратау Сузака, Кумкента, Саудакента, Чулак-Кургана, Ак-Сумбе показало, что жизнь на них после монгольского нашествия продолжалась вплоть до XVIII в. В стратиграфическом шурфе на Сузаке получены интересные комплексы керамики. Изучение ее позволило уточнить ранее предложенную датировку керамики и время запустения города⁷⁴.

Городища XIII—XV вв. исследовались и в Западном Казахстане⁷⁵.

Изучение торговых караванных путей на территории Южного Казахстана имеет значение для понимания причин упадка в этом районе городской культуры. Изменение направлений караванных путей — одна из основных причин запустения городов в долинах Таласа, Чу и Или, так как посредничество в международной торговле играло важную роль в экономике городов долины Сырдарьи и Каратау⁷⁶.

Важное значение придается в археологии Казахстана исследованию городища Отрар. Изучение его начато в 1969 г. Прежде всего была выяснена топография и стратиграфия городища, проведена аэрофотосъемка, снят инструментальный план развалин, в северо-западной части был заложен стратиграфический раскоп. Благодаря ему удалось выявить слои с IV—VI вв. по XVI—XVIII вв.

⁷¹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 120—173.

⁷² Л. Б. Ерзакович. Городище Аспара в послемонгольское время (Чуйская долина). ИАН КазССР, серия общественных наук, 1965, вып. 3, стр. 81—91; его же. О позднесредневековом городище Аспара. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 85—97.

⁷³ Л. Б. Ерзакович. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 98—106.

⁷⁴ Л. Б. Ерзакович. О позднесредневековом городище Сузак. ИАН КазССР, серия общественная, 1966, № 3, стр. 66—69; его же. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. ВАН КазССР, 1966, № 5, стр. 78—81.

⁷⁵ М. С. Мерциев. Поселения XIII—XV вв. в Западном Казахстане. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 153—161.

⁷⁶ Л. Б. Ерзакович. Караванные пути юга Казахстана в XIII—XVIII вв. ИАН КазССР, серия общественная, 1969, № 2, стр. 79—84.

Уже предварительные раскопки Отрара позволили сделать важный вывод об экономическом подъеме города в период формирования казахских ханств ⁷⁷.

Кроме Отрара экспедиция изучала памятники Отрарского оазиса, долины Арыси, предгорьев Каратау, низовьев рек Сарысу и Таласа ⁷⁸. Попутно исследовались вопросы культурно-экономических связей Южного Казахстана ⁷⁹. В одной из статей, написанной по материалам раскопок Отрара, рассмотрен вопрос о происхождении канов ⁸⁰.

Итоги работ на Отраре обобщены в монографии «Древний Отрар» ⁸¹.

В книге даны историческая топография, стратиграфия, хронология и перспективы изучения развалин средневековых городов, расположенных в долине среднего течения Сырдарьи, в низовьях и среднем течении Арыси, а также на северных и южных склонах Каратау. Особое внимание уделено памятникам городской культуры Отрарского оазиса и в первую очередь самому Отрару.

Стратиграфические раскопы и шурфы поставлены на разновременных памятниках: на поселении I—VIII вв. Костобе (южное), усадьбе VI—VII вв. Ботай-тобе и городище Отрар-тобе. Стратиграфический раскоп был заложен на центральном бугре Отрара. Он выявил семь культурных слоев, включающих 14 строительных горизонтов, которые охватывают период с V—VI по XVII—XVIII вв.

В связи с изучением Отрара, древностей Отрарского оазиса и прилегающих районов Южного Казахстана намечены основные направления развития археологической науки в республике. Будут исследоваться проблемы, связанные со средневековыми городами Южного Казахстана и историческим Дешт-и Кипчаком, Южным Казахстаном, Шашем и Согдом. Эти проблемы включают такие темы, как культурные, торговые и политические взаимоотношения кочевников и земледельцев; роль скотоводов в развитии городов, а городов — в развитии экономики и культуры кочевнических племен; соотношение элементов кочевнической и земледельческой культур в средневековой городской цивилизации Южного Казахстана; этническая общность юга Казахстана и Дешт-и Кипчака, история и культура кипчаков, пути развития казахов.

⁷⁷ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Отрар по итогам работ 1969 года. ВАН КазССР, 1970, № 6, стр. 60—64.

⁷⁸ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 5—42.

⁷⁹ Л. Б. Ерзакович. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 60—68.

⁸⁰ С. М. Ахинжанов, Л. Б. Ерзакович. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. ИАН КазССР, серия общественная, 1972, № 2, стр. 64—69.

⁸¹ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

Новая специализация в изучении древностей Казахстана — нумизматика. Одна из статей Р. З. Бурнашевой⁸² посвящена кладам медных монет с территории архитектурного комплекса Ходжа Ахмеда Яссеви. Публикация серии монет, чеканенных в г. Ясы, интересна тем, что доказывает появление в данном районе нового монетного двора. Автором высказано предположение о том, что чекан мог принадлежать одному из казахских ханов. Это еще больше усиливает роль города в жизни позднесредневекового Казахстана.

Среди нумизматической коллекции с городища Талгар (Семиречье) интерес представляет монета, чеканенная от имени Сулеймана б. Дауда⁸³. Автор предполагает, что в Талгаре функционировала монетная мастерская. Таким образом, находки монет и заготовок на Талгаре вместе с другими материалами позволяют считать его крупным городским центром Илийской долины в средние века.

Имеется несколько статей по антропологии Казахстана. Одна из них посвящена краниологическому материалу из курганов с «усами» (Центральный Казахстан), две другие — определению черепов тюркского времени из Павлодарского Прииртышья и Семиречья⁸⁴.

Особую группу памятников на территории Казахстана составляют наскальные изображения. В двух публикациях говорится о находках в Северном Прибалхашье и на Мангышлаке⁸⁵, а в одной — о петроглифах, обнаруженных в Семиречье в ущельях Чулакских гор⁸⁶.

В периодических изданиях печатались рецензии на работы по археологии и древней истории⁸⁷, а также обзоры по результатам исследований проблем археологии Казахстана в последние годы и в целом

⁸² Р. З. Бурнашева. Клады медных монет из города Туркестана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 58—68.

⁸³ Р. З. Бурнашева. Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 182—186.

⁸⁴ О. Исмагулов. Черепа из курганов с каменными выкладками (Центральный Казахстан). В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 251—268; его же. Антропологические данные о тюрках Прииртышья. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 80—90; его же. Материалы по антропологии тюрков Семиречья. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 112—127.

⁸⁵ А. Г. Медоев. Гравюры на камне в горах Тюлькули (северо-восточное Прибалхашье). ВАН КазССР, 1963, № 7, стр. 89—93; его же. Наскальные изображения у горы Айракты на полуострове Мангышлак. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 146—152.

⁸⁶ А. Н. Марьяшев. Древние наскальные рисунки Чулакских гор. ВАН КазССР, 1971, № 9, стр. 65—69.

⁸⁷ М. К. Кадырбаев. «С. С. Черников. Загадка золотого кургана». Рецензия. ИАН КазССР, серия общественная, 1966, № 3, стр. 79—82; А. Х. Маргулан, М. К. Кадырбаев, В. Я. Басин. Значительный вклад в советскую историографию. ВАН КазССР, 1968, № 10, стр. 68—73.

за 50 лет⁸⁸. Работы казахстанских археологов получили положительную оценку на страницах центральных изданий⁸⁹.

К юбилейной дате — 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции — были подведены итоги полувекового развития археологии в Казахстане⁹⁰ и намечены перспективы ее дальнейшего развития.

⁸⁸ К. М. Байпаков, А. Г. Максимова. Полвека казахстанской археологии. ВАН КазССР, 1967, № 10, стр. 77—78; Т. В. Савельева. Археологические исследования в Казахстане. ИАН КазССР, серия общественная, 1972, № 4, стр. 90—93.

⁸⁹ Н. Н. Горбунова. «А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары». Рецензия. СА, 1970, № 4, стр. 250—251; Г. В. Григорьева, В. И. Распопова. «Новое в археологии Казахстана». Рецензия. СА, 1970, № 4, стр. 248—250; С. С. Черников. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Рецензия. СА, 1971, № 4, стр. 258—260.

⁹⁰ К. А. Акишев. Археология Казахстана за советский период. СА, 1967, № 4, стр. 62—78.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Х. А. Алпысбаев, Н. Н. Костенко. Стратиграфические условия некоторых палеолитических стоянок Южного Казахстана	3
Е. Е. Кузьмина. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы	16
М. К. Кадырбаев. Могильник Жиланды на реке Нуре.	25
Ф. Х. Арсланова. Погребальный комплекс VIII—VII веков до н. э. из Восточного Казахстана	46
К. А. Акишев. Курган «Иссык»	61
Н. П. Подушкин. О хозяйстве оседлого населения Арыси в I—IV веках	78
Б. Н. Нурмуханбетов. Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе	85
А. Г. Максимова. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага)	95
Т. Н. Сенигова. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI—IX веков	119
К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Раскопки в северо-восточной части Отрара	143
Р. З. Бурнашева. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы	158
С. Жолдасбаев. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV—XVIII вв.)	173
К. М. Байпаков. О численности оседлого населения Илийской долины в средневековье	188
Л. А. Макарова. Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане	201
Т. В. Савельева. Обзор литературы по археологии Казахстана (1963—1972 гг.)	207

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

(Археологический сборник)

*Утверждено к печати ученым советом
Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Редактор *Н. Н. Королева*
Худож. редактор *И. Д. Сущих*
Художник *Ю. Д. Юрьев*
Техн. редактор *Л. И. Шашкова*
Корректор *Л. Л. Михайлова*

* * *

Сдано в набор 12/IX 1974 г. Подписано к печати 25/X 1974 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 15,4 (1 вкл.).
Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 1500. УГ08139. Цена 1 р. 92 к.

* * *

Типография издательства «Наука» Казахской ССР, г. Алма-Ата,
ул. Шевченко, 28. Зак. 119.

